

ЭКСПАНСИЯ. ОТВЕТНЫЙ УДАР

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Василий
ОРЕХОВ

Империя наносит ответный удар

Роман Злотников

Ответный удар (сборник)

«Автор»

«Автор»

Злотников Р. В.

Ответный удар (сборник) / Р. В. Злотников — «Автор», «Автор»,
— (Империя наносит ответный удар)

Российская Империя нанесла ответный удар: криминальный мир Талгола расшатан последней клановой войной. Но это был лишь первый этап возмездия. Три Горностая, семь лет назад потерявшие всех своих соратников в смертельной ловушке на планете Дальний Приют, расправились с пешками. Настал черед королей, организовавших взводу элитного спецназа Пятого имперского флота кровавую баню... Бестселлеры «Империя наносит ответный удар» и «Звездный десант» от мастеров жанра боевой фантастики!

© Злотников Р. В.

© Автор

© Автор

Содержание

Империя наносит ответный удар	5
Авторское предуведомление	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	62
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Роман Злотников, Василий Орехов

Ответный удар

Империя наносит ответный удар

Авторское предуведомление

Уважаемые читатели!

Авторы считают своим долгом проинформировать вас, что они знакомы со знаменитым киносериалом «Звездные войны».

Авторы в курсе, что название этой книги совпадает с названием одного из фильмов сериала «Episode V: The Empire Strikes Back».

Авторы заверяют, что текст книги не имеет никакого отношения к легендарной эпопее Джорджа Лукаса.

Авторы отдают себе отчет в том, что кто-то может счесть себя оскорбленным, а кто-то задумается, дочитав до конца, но в любом случае полагают, что поступили правильно.

Приятного чтения.

Роман Злотников, Василий Орехов

Глава 1

– А что, уважаемый, не слишком ли это утомительно – два светила-то?

– Ну, бывает... Но что ни говори, а два солнца для земледельца – большое подспорье в хозяйстве. Ярило вечером опустится за холмы, а над дальними горами Лабысло уже тут как тут. И катится по небу всю ночь, до самого восхода Ярилы. Ну и оно, конечно, те культуры, которые из титульного списка Императорской сельхозакадемии, начинают плодоносить сам-тридцать и сам-сорок. Я-то когда учился у вас на Светлом Владимире, видал, какие в тамошних магазинах овощи худосочные. То ли дело у нас: зерновые, скажем, колосятся, словно камыш на болоте, вишня опять же вырастает размером с клубнику, клубника – не меньше вашего яблока, а яблоко или, для примера, помидор в одной руке не помещаются. Всякая культура, которая солнцу любит, урождается у нас куда лучше и скорее, чем под прохладным земным светилом, однознак.

Пилот глидера чуть подал на себя потертый, весь в залысинах пластика штурвал, отчего глидер слегка задрал нос и перевалил через невысокую скальную гряду, густо поросшую лесом, состоящим из генетически модифицированной лиственницы и местных пород. Затем пилот вновь опустил машину до высоты, с которой, казалось, можно было рукой дотянуться до вер-хушек стремительно пронсящихся под днищем деревьев.

– Конечно, есть свои трудности, куда ж без них, – продолжал он. – Для примера, спать крестьянину совершенно невозможно, когда круглые сутки светло как днем и иногда даже еще светлее. Поселяне давно уже перестали делать в спальнях окна, иначе совершенно невозможно. Я когда на Светлом Владимире объявился, даже удивлялся поначалу – окна в спальнях, экое диво! Как же спать? – Пилот хохотнул. – А потом ничего, привык... Опять же огурец, скажем: он от такого количества света желтеет, сохнет и грустит всячески. Приходится его раз в сутки накрывать светоотражающей пленкой, чтобы отдыхал. И капуста, обратно, получается сухая и жесткая. И редис выходит пустотелый и горький. Зато вкусной моркови и картофелю родится столько, что успевай только бурты сколачивать. И свекла...

Далеко впереди блеснуло небольшое озеро. Пилот уверенно свернул к нему – видимо, для местных оно служило дополнительным ориентиром.

– Ясно, что на земледелие не только двойная звезда влияет. Тут и вода совсем другая, и состав почвы, и притяжение, и магнитные поля. А растение – оно ить как человек, чувствует, где живет: что-то угнетает его, что-то, наоборот, в рост пускает. Для растения важно, чтобы было достаточно солнца, воды и подходящего грунта. Бывает, скажем, что солнца много, а почва – сплошной камень, пыль да песок, вон как остальные в нашей системе. Такие планеты для крестьянства непригодны. Правда, и с них польза государству имеется: их можно использовать как плацдармы. То есть вращается возле вражеского мира или мятежной провинции такая себе небольшая планетка, сплошь из камня, пыли да песка. Ну, или лед там многокилометровый, не важно. По приказу Александра Михайловича на ней тайно оборудуют военную базу – и пожалте браться. Неприятель только глазами лупает, когда у него в небе вдруг возникают несокрушимые русские армады. Он-то думал, что нам еще лететь и лететь бог знает откуда, а мы вот они: хаудуюду, мистер? Как почивали-с, на лаврах то есть?..

Пассажир уважительно кивнул:

– Это вы Ипалайский конфликт имеете в виду? Вот уж не думал, что у вас тут следят за внешнеполитическими новостями.

– А как же, мил-человек, а как же! Ты не смотри, что у нас губерния земледельческая, маленькая, от звездных трасс далеко, отчего в битвах не участвует и баз военных на ней нету. Во-первых, рекрутов мы в имперский флот регулярно отправляем, и краснеть за них нам еще ни разу не приходилось. Во-вторых, почитай, в каждой семье кто-нибудь да учился на столице.

У нас, к примеру, дядя мой, теперь вон племянника отправляю. Умный парнишка, не то что мои охламоны... Да и все братья мои двоюродные образование имеют. Токмо учились поближе да подешевше. На Карелах, к примеру, или на Казачьем Посту, а кто и до Новшлиссельбурга добрался...

Пассажир вновь понимающе кивнул. На Новом Шлиссельбурге располагалась вторая по значимости и престижу сельскохозяйственная и лесотехническая академия Империи. И хотя она не значилась в списке патронируемых и содержалась в основном на средства Фонда Освоения и частные пожертвования, но средств этих хватало с лихвой. Так что оснащена она была едва ли даже не лучше светловладимирской, да и по стоимости обучения ей не уступала. Единственное, на чем мог выиграть студент на Новом Шлиссельбурге, так это на стоимости жилья и более низком по сравнению со столичным уровне цен в губернии.

Пилот между тем продолжал:

– Так что всем, что в Империи и за ее пределами творится, очень даже интересуемся. И во всеимперском чемпионате по кулачному бою за наших болеем регулярно, и сериалы бабы смотрят... И как живут городские, мы прекрасно знаем, потому как парады в День Тезоименитства, и концерты на День Флота, и Большую императорскую охоту всегда смотрим по Сети. И новости, особенно про внешнюю политику. У нас ведь тут тоже поозоровывают...

– И сильно? – заинтересовался пассажир.

– Да нет, не особо. Чтобы губернское ополчение регулярно с вражеским десантом воевало – от этого нас Александр Михайлович хранит, дай бог здоровья ему и долгих лет на престоле. Залетные лихие люди балуют, конечно, ну так на то мы и приграничный район. Всякое бывает. А ты варежку не разевай и будь готов отстоять свое добро с оружием в руках. Флот, чай, за каждым пиратским катером гоняться не может, у него государственная задача – содержать Российскую Империю в порядке и не допускать супостата в пределы. А с баловниками мы и сами справимся, люди привышные...

Пассажир усмехнулся. Да уж, разница в менталитете между подданными густонаселенных центральных миров Империи и окраин налицо. Если бы у границ так называемых цивилизованных губерний появилась хотя бы тень пиратского корабля, то СМИ тут же подняли бы крик: «Где флот?», «Что делают наши адмиралы?», «Куда уходят деньги налогоплательщиков?», «Почему подданные Империи не могут чувствовать себя в безопасности даже в центральных провинциях?». А тут – «сами справимся»... И ведь справляются же, черт побери!

– Кроме земледельческих хуторов, есть у нас тут всякие охотничьи артели, большие и малые, – снова вернулся к рассказу о родной губернии пилот. – Дичи, стало быть, в окрестных лесах много водится, только не всякую есть можно. Златоглавок вот нельзя, и трупирей, и более всего листвяников – на кровавый понос изойдешь. Зато хорошие шкуры и крепкие кожи. Рыбу ловят, только помаленьку: неудобно, да и невкусная. Золотишко моют старатели, но тоже по малости – выход породы слишком скудный и лететь до нас далеко, чтобы государству была выгодна промышленная добыча. Вот и все. Кожевенный заводик, пушная мануфактура, таможенка, сувенирные кустари, лесопилка, пара больших ферм-комбинатов, на которых выращивают свиней, коровок, кур и кролей. Не центральные провинции, конечно, на каждой из которых десятков таких губерний, как наша, помещается, но жить очень даже можно.

– А что молодежь, после учебы в столице не остается ли? – поинтересовался пассажир.

Пилот почесал бороду свободной рукой.

– Ну... бывает, и остается. Вон у Пронькиных Витальки младшего дочка во время учебы замуж выскочила и осталась. У Джабраиловых опять же старшего Козьмы сын, Марат, тоже. В полиции служит на Новом Шлиссельбурге. Остаются, как же не оставаться, ведь там и развлечения всякие городские, и денег побольше... Токмо большинство все одно возвращается. Потому что... Как бы объяснить тебе, мил-человек... Вот, бывалоча, выйдешь на закате Ярилы из дому, после баньки-то, сядешь на завалинке с кружкой лимонникового чаю или свежесва-

ренного пива, прихлебываешь потихоньку, поглядываешь на дальний лес, любишься на крошечные Макошь с Радунницей, что наперегонки бегут по небу, – и такая любовь к сердцу подступает, таково становится хорошо, что даже в глазах начинает щипать, ровно у бабы глупой. Родина, уважаемый! Родина...

Глидер миновал приметное озерцо и направился к вздымавшимся на юго-востоке холмам.

* * *

– Н-но, пшла, дура!

Почесывая спину кнутовищем, хуторянин деловито загонял в распахнутые ворота хлева коровку. Животное протяжно мычало, жалобно зыря на хозяина выпуклым блестящим глазом. Не обращая внимания на мольбы подопечной, тот попинывал ее в корму, добиваясь, чтобы она попала в створ ворот с первого раза. Коровка была неповоротливой, как танк, и на воротах виднелись отчетливые глубокие вмятины от предыдущих столкновений.

– Давай, давай, Бусечка! Куда пошла? А ну, стой!

Коровка Буся, бессмысленно вращая глазами, двинулась боком и с грохотом врезалась в сетчатый металлический забор. Селянин с проклятиями бросился к ней и начал плечом оттирать в сторону хлева.

– Ну, давай же, родимая... Пошла, бестия, кому говорят!

Брюшко Буси вдруг конвульсивно сократилось и плюнуло в человека едким секретом. Чуть отклонившись и пропустив мимо себя гжучую петлю изумрудного цвета, которая вдребезги разбилась о забор, хуторянин совсем рассердился:

– Ах ты, стерва... – Он отвесил коровке могучего пинка по филейной части, и животное снова развернулось мордой к воротам. – Пошла, дочь греха! Давно кнута не пробовала? Сейчас выпросишь – угощу!

Коровка кнута не хотела, поэтому снова покорно двинулась к воротам – и с размаху слепо врезалась в них грудным панцирем. Хозяин набрал в легкие побольше воздуха, чтобы от души выmaterить бестолковое животное, но в этот момент у него на запястье затрещал, запиликал суматошно электронный браслет. Хуторянин бросил на него недовольный взгляд и тут же подобрался: браслет сигнализировал, что в доме сработала радарная система.

– Все, подруга, некогда мне больше с тобой возжаться! – Резким движением он вонзил кнутовище между жестких чешуек панциря коровки и сжал рукоятку в пальцах. Слабый электрический разряд уколол животное в нежную мякоть, и оно, взбрыкнув четырьмя лапами из восьми и протестующе взревев, все-таки ухитрилось протиснуться в хлев, ободрав панцирные бока о створки ворот. Большая вымахала, зараза, четыре панциря за год сбросила, красавица. Снова надо расширять помещение.

Быстро заперев хлев, хуторянин бегом бросился в дом.

На радаре отображалась мерцающая красная точка. В зону действия радарной системы вошел небольшой глидер, который стремительно приближался с северо-запада. Места здесь были беспокойные, на планете порой высаживались шайки космических отморозков с территорий американского фронта, интересовавшихся старательскими артелями и продуктами, которые можно было отобрать у местных фермеров. Разумеется, обычно для пиратов все заканчивалось плачевно, однако местный люд был настороже. Береженого, как известно, святые угодники берегут.

Забрав в сенях прислоненный к стене «барин», хуторянин вышел на улицу и, приложив ладонь козырьком ко лбу, посмотрел в вечернее небо. На горизонте, на фоне пылающего местного заката, показалось продолговатое пятнышко глидера. Такие модели не были приспособлены

соблены для межпланетных перелетов, соседи использовали их, чтобы перемещаться по губернии, но это еще ничего не значило.

Жесткое, продубленное излучением двух солнц лицо прорезала хмурая усмешка, и хуторянин, вскинув «барин»», текучим, ловким, совершенно не характерным для крестьянина, более свойственным танцору движением скользнул вперед и в сторону, к покосившемуся овину.

Легкий катер опустился на пастбище за домом, неподалеку от Бусинога хлева, пустив воздушную волну по зарослям травы. Заслышав чужака, коровка заволновалась и заскреблась в своем домике, словно жук в спичечном коробке. Глидер действительно оказался соседский, однако хуторянин продолжал держать его в рамке массивного широкоугольного прицела, пока сосед Никодим не откинул прозрачный колпак кабины, не вылез из катера и не свистнул условным свистом, который обозначал, что все в порядке.

– Родим Афанасьевич, ты здесь? Вылазь! – крикнул гость, озираясь в поисках хозяина. – Свои!

Выйдя из-за овина и забросив «барин» за спину, хуторянин степенно поприветствовал Никодима:

– Здоров будь, соседушко, – и замолчал. А чего болтать-то? Раз сосед наведалься – значит, дело у него. А раз у него дело, так пусть сам разговор и затевает.

– Гостя я тебе привез, Родим Афанасьевич, – сказал тот, и тут же с заднего сиденья глидера донесся старческий, но энергичный голос:

– Однако помогите же спуститься, молодые люди!

Из кабины высунулась абсолютно седая голова. На вид пассажиру было лет сто – сто двадцать, хотя вел он себя для своего возраста довольно бодро. На нем был изысканный городской костюм. Переносицу пассажира оседлало стильное позолоченное пенсне (впрочем, как называется эта очередная новомодная форма веб-коммуникатора, пилот узнал, только спросив у пассажира при посадке).

– Никодим, друг мой, примите информаторий!

Сосед поспешно подхватил чемоданчик, который старик подал ему из кабины. Видимо, этот багаж был слишком дорог гостю, чтобы доверять его грузовому отделению. Хуторянин подставил руку, и седой пассажир, опершись на нее, с трудом спустился по крутой металлической лесенке.

– Старость – не радость, – пожаловался он, ступив на твердую почву, и без всякого перехода восхитился: – Какой воздух, какой пейзаж! Какие цветы! Когда уйду на покой, лет через двадцать, непременно прилечу к вам жить. Найдется у вас тут немножко землицы для престарелого профессора?

– Да вон, полная долина, – добродушно махнул рукой Никодим. – Приезжайте и живите где хотите. Или в Озерках, с людьми, если есть желание. С домом поможем, с семенным фондом тоже. Оружие дадим. Своих не обижаем. А с таким соседом, как Родим Афанасьевич, вообще ничего не страшно.

Хуторянин хранил спокойное молчание. Как видно, он был не из говорунов.

– Спасибо, молодой человек! – Профессор благодарно улыбнулся, а потом хитро прищурился и, развернувшись к хозяину хутора, спросил, глядя на собеседника поверх пенсне: – Так вы, значит, и есть тот самый знаменитый охотник?

Тот пожал плечами:

– Не охотник я. Хуторянин.

– Ну да, – прогудел Никодим, – хуторянин... А кто каждый год по осени привозит на сборный пункт потребкооператива под полсотни шкур росомых? Это ж не каждая охотничья артель столько за сезон скрадывает...

– Ну и что? – пожал плечами Родим. – Артельным-то по лесам за росомахами приходится гонять, сторожить, а ко мне они сами приходят. Места-то глухие. Их тут – как мошкары...

– Вот-вот, – закивал головой пассажир, – это очень хорошо, очень... Кстати, позвольте представиться – Вельяминов, Федор Степанович.

– Родим, – откликнулся хуторянин. – Пестрецов.

– Крайне приятно. – Гость покосился на ствол «барина», торчавший у правого бедра собеседника. – Серьезная вещь, однако! Армейский вариант, если не ошибаюсь? Чем же, позвольте спросить, вызваны столь строгие меры предосторожности с вашей стороны? Никодим еще в воздухе запугал меня, что вы запросто можете сбить нас при посадке. Неужели мы похожи на бандитов?

Хозяин опять лениво пожал плечами:

– Кто ж вас разберет? Глидер вроде знакомый, да откуда я знаю, кто на нем летит? На брюхе у него не написано.

– Я же говорил, профессор, – встрял Никодим, – озоруют тут у нас всякие придурки. В прошлом месяце вон одни уроды семью Исуповых в заложники захватили. С хутора Пашкин Лес. И на их же глидере полетели к лагерю старательской артели Кузьмы Оглобли. Думали врасплох застать. Только когда вывалились из глидера, получили в упор залп из старательских «баринных». А потом еще один. И пожалте бриться. Те, кто выжил в перестрелке, потом очень удивлялись, как так получилось и почему налет не удался.

– А с семьей что? – обеспокоенно вскинулся профессор.

– Так с ними только двое охранников осталось. Вон Родим Афанасьевич с парой наших, что недавно из армии вернулись, баловников и скрутили.

– И вы, значит, тоже в армии служили? – Профессор окинул уважительным взглядом крепкую фигуру хуторянина.

Тот молча пожал плечами, будто не поняв вопроса, а Никодим даже удивился:

– А кто не служил-то? Самое мужицкое дело – императору служить и родину от супостата оберегать.

Профессор вздохнул:

– Ну, в столице не все так думают, особенно из молодежи...

От такого заявления Никодим даже глаза вытаращил. Это как же так – в армии не служить и продолжать мужиком считаться?! Да где ж это видано?.. Впрочем, кто их, столичных, разберет. Он, когда учился, слыхивал, что есть мужики, которые с другими мужиками заместо женщин живут. Такие, ясно дело, и служить не пойдут, потому что не женское это дело, так что все возможно...

– Но кому же это могло прийти в голову напасть на подданных русского императора? – снова вернулся к теме озорников профессор. – Все ведь знают, что у Александра Михайловича с мародерами разговор короткий.

Хозяин хутора вновь молча пожал плечами. Никодим пояснил:

– Я же и говорю – придурки. Потому как думали, видно, что медвежий угол у нас тут, никто и не узнает, кто созоровал, а ежели и узнает, то где мы, а где император – Александру Михальчу, мол, и делов-то нет до того, что происходит на окраинных планетах державы... Ну и вот. Те, что выжили после нападения, числом немного, трудятся сейчас в поте лица на рудниках его императорского величества. Лет через шесть, глядишь, выйдут высочайшим указом на поселение, ума-разума набравшись... Ну, пес с ними.

Все согласно покивали, а затем Вельяминов, осторожно сняв пенсне-коммуникатор и начав протирать его белоснежным шелковым платочком, обратился к хозяину хутора:

– Однако я до сих пор не поведал, по какой причине прибыл. Видите ли, уважаемый Родим Афанасьевич, дело в том, что я ученый. Ксенобиолог. Пишу научную работу по эндемичным видам местной фауны. Про божьих коровок ваших, про листвяников, про костоеда. И

в частности, очень интересуюсь повадками и ареалом обитания полосатой росомахи. Крайне любопытный хищник, смею вас заверить! Аналогов ему в изученной части галактики просто нет. На планете я уже почти неделю, все пытался увязаться с охотниками, но они брать меня с собой опасаются, потому что, дескать, я человек пожилой, мало ли что со мной в лесу приключиться может. А вы, Родим Афанасьевич, человек в местной общине уважаемый и охотник знатный. Вот мы и решили с окружным старостой, что вы способны мне помочь, ибо наверняка досконально изучили все повадки сей зверюги. Не окажете ли вы любезность поведать мне все, что знаете о полосатой росомахе? В каких местах предпочитает рыть норы, чем охотнее всего питается, как охотится...

– Родим Афанасьевич, – произнес Никодим умоляющим тоном, – не откажи, соседка. Обчество очень просит тебя сподмогнуть уважаемому господину профессору. А то прямо нехорошо получается. Человек со столицы летел, понимаешь, через все пиратские территории, через пояс Лагранжа, головой рисковал ради торжества российской науки, а его никто из наших не привечает. Прямо скажем, стыдоба. Приюти человека, а? Расскажешь ему, что знаешь, про андичменный вид местной фауны.

Хуторянин окинул взглядом профессора и Никодима, глядевшего на него с крайне просительным видом, и неожиданно улыбнулся:

– А и хорошо.

– Отлично! – обрадовался профессор. – Спасибо вам огромное, уважаемый Родим Афанасьевич! Никодим, друг мой, выгружайте скорее багаж, пока хозяин не передумал.

Подхватив свой информаторий, он уверенно двинулся к жилищу хуторянина. Хмыкнув в бороду, Никодим переглянулся с хозяином и потешно сморщился. Столица, мол, без няньки никак...

Никодим быстро выгрузил из глидера пожитки профессора, отказался остаться на ужин, сославшись на вечернюю дойку коровок и кучу других повседневных забот, и улетел. Проводив катер соседа взглядом и махнув ему вслед рукой, Родим взялся споро носить вещи Вельяминова в дом, как тот ни пытался таскать чемоданы самостоятельно. В итоге профессору удалось сделать только две ходки, перенеся загадочный информаторий и небольшой дорожный несессер с медикаментами. Когда он в очередной раз вернулся на пастбище за домом, вещей там уже не осталось.

– Вот тут располагайтесь. – Родим провел профессора по коридору и распахнул дверь в гостевую комнату. – Белье все чистое, только что стиранное. Разбирайте вещи, а я пока повечерять сделаю.

– Повечерять я бы не отказался! – оживился Федор Степанович. – Хотя, впрочем, у меня с собой академический экспедиционный паек.

Родим, который с отлетом соседа стал несколько более словоохотливым, с недоумением посмотрел на гостя, а затем покачал головой:

– Это вы для столиц оставьте. У меня картошечка свежая, сочная, мяско, грибочки. Овощи прямо с грядки. Сейчас все сготовлю в один момент.

– О, прошу прощения, – смутился профессор. – Но тогда уж я угощаю алкоголем. «Боярская». Из самой столицы вез.

– Это дело! – одобрил Родим. – Пивал когда-то, уважаю. – Он бросил на профессора взгляд, в котором опытный человек мог бы прочесть легкую иронию, искорку интереса, одобрение и где-то глубоко – следы какой-то затаенной горечи. Впрочем, эти самые следы, похоже, были в глубине его глаз практически постоянно. Вот только разглядеть их смог бы разве что очень опытный физиономист. – Так что переодевайтесь во что посвободнее, сполоснитесь с дороги – и милости прошу к столу. – С этими словами хозяин хутора прикрыл за собой дверь.

Оставшись один, профессор, вместо того чтобы сразу заняться распаковкой вещей либо залезть под душ, присел на кровать и, вновь сняв пенсне, принялся сосредоточенно его про-

тирать. Судя по всему, это был привычный жест, означавший, что профессор Вельяминов над чем-то глубоко задумался. Закончив протирку, он вновь водрузил пенсне на нос.

– Вам помочь чем-нибудь? – поинтересовался профессор, спустя четверть часа объявившись на кухне и наблюдая, как Родим моет корнеплоды.

– Ай, бросьте, – добродушно отмахнулся тот. – Вы барин городской, непривышный. С Александром Михалычем, наверно, в Золотом зале за руку здоровались. Вам небось картошку прислуга чистит, а еду личный повар готовит с Ниппона VII.

– Точно так-с, – чуть виновато согласился Вельяминов. – Времени, знаете ли, совершенно нет самому заниматься стряпней. Однако я, милостивый государь, родом из такой же губернии, как ваша. Малый Алтай – может быть, слышали?.. Так я и думал. Десятый ребенок в семье. Сызмальства приучен ко всякой работе. Да и сейчас люблю ходить с друзьями в походы в лесную глушь. Прислугу мы с собой не берем, поваров тоже. Ну, где у вас тут ножик?

Борода Родима раздвинулась в одобрительной усмешке.

– Вот, – сказал он, подавая профессору требуемый инструмент. – А я тогда займусь грибами. Будете грибы? Соседка вчера привезла.

– Честно говоря, ни разу не пробовал местных грибов, – признался гость.

– Попробуйте непременно. Либо полюбите на всю жизнь, либо возненавидите. По-другому не бывает.

Ножом старичок действительно орудовал умело. Стружка с картошки лилась непрерывной, тонкой и прозрачной стружкой.

– А что, полосатая росомаха-то, – нейтральным тоном произнес Родим, щедро прополаскивая почищенную картошку под краном: гидроциркуляция в его доме была замкнутого цикла, поэтому воду можно было не экономить. – Неужто такой важный зверь, что ради него стоило лететь в такую даль, да еще и головой рисковать?

– Ну, не скажите, любезный Родим Афанасьевич! – горячо возразил профессор. – Не буду убеждать вас, что фундаментальные исследования, не приносящие сиюминутной пользы, крайне важны для развития человеческого знания в целом, все равно не поверите – вы ведь практик до мозга костей, почвенник и добытчик, крепкий хозяин, что вам до абстрактного знания. А вот Александр Михайлович прекрасно понимает, что чем больше проводится изысканий в самых различных областях науки, тем более мощный интеллектуальный потенциал приобретает держава в целом. Император не жалеет денег на неприменные научные исследования, и нередко это, кстати, совершенно неожиданно приносит живую пользу. К примеру, кто мог предположить, что изучение учеными нашей кафедры особенностей передвижения улиток Бочарова с Эребуса XII позволит разработать оригинальную и весьма эффективную ходовую часть для новых штурмовых танков «Китоврас», способных перемещаться по совершенно непроходимой местности и даже по практически отвесным стенам? А изучение поверхностного покрова костяных акул с Радужной Океании дало возможность разработать такое внутреннее покрытие для трубопроводов, что потери на трении снизились в десятки раз, а скорость обрастания – в сотни. Экономический эффект только от этого одного усовершенствования в масштабах Империи составил почти сто восемьдесят миллиардов полновесных платиновых рублей. А поначалу, когда исследования на Радужной Океании только разворачивались, тоже раздавались возгласы, что мы-де зря расходуем государственные средства.

– Ладно-ладно, сдаюсь, – поднял обе руки Родим. – Убедили. – Наполнив водой кастрюлю, он поставил ее на плиту. – Это для грибов. Грибы бесперечь нужно опускать в крутой кипяток, не то не раскроются и аммиаком будут пахнуть. Займитесь, когда справитесь с картошкой, а я пока мяско пожарю.

– Под вашим руководством готов к любой черной работе, – по-флотски, двумя пальцами козырнул профессор.

– А вы забавник, – улыбнулся хуторянин, который совсем уже отмяк и ничем не напоминал того хмурого и нелюдимого бирюка, который встретил их с Никодимом во дворе.

Когда ужин совместными усилиями был готов, хозяин пригласил гостя к столу. Профессор принес из своей комнаты бутылку «Боярской» и медицински точно наполнил две тонкостенные стопки.

– Ну, с прибытием, – провозгласил первый тост хозяин.

Они выпили, крикнули разом. Родим хрустко закусил крепкобокким соленым огурцом, Вельяминов с аппетитом потянул к себе свежесоленную селедочку.

– Хорошая штука, забористая, – одобрил Родим. – Душевная. «Поставщик двора Его Императорского Величества», – с явным удовольствием прочитал он на этикетке, – как же, как же! С уважением. Хотя наша местная однознак не хуже. Тем более что у нас ее чистую и не пьют вовсе, всяк свои настойки делает. Давайте-ка я вам налью, попробуйте. – Он открыл дверцу кухонного шкафчика и извлек из него небольшую пластиковую канистру, на треть заполненную прозрачной жидкостью, слегка окрашенной в благородный медовый оттенок. – Частить не будем! – сразу предупредил хозяин, разливая жидкость по рюмкам. – Ибо напиваться срамота есть и грех пред лицом Господа нашего Иисуса Христа. Давайте-ка сначала картошечки горяченькой с мяском.

Профессор Вельяминов с удовольствием воздал должное великолепной рассыпчатой картошке и жареному мясу, которое прямо таяло на языке. Через некоторое время дошла очередь и до второй рюмки.

– Прекрасно! – восхитился старичок. – Просто изумительно! Пьется, как родниковая вода, и аромат невероятный. Можно даже не закусывать. Из чего вы ее делаете?

– Настаиваем на одной местной травке, – хмыкнул очень довольный Родим. – Но это скорее для аромату. А так – все по вековым дедовским рецептам. Возгонка, двойная очистка, на березовом листу...

– Почему бы вам не продать рецепт в метрополию? – поинтересовался Федор Степанович, удовлетворенно почмокивая и наслаждаясь послевкусием.

– Промышленное производство, однако, невыгодно будет, – пояснил Родим. – Возни много, дорого. Либо надо упрощать рецепт для экономии, а это уже баловство – потеряется весь вкус. Если только открыть трактирчик в столице и готовить понемножку, для постоянных гостей, из тех, у кого деньги водятся... Но мне это ни к чему. Не люблю я столицу: шум, гам, суматоха, сплетни и слухи – продыхнуть негде. То ли дело здесь: тишина, благодать, я голови-зор неделями не включаю, и, поверите ли, совершенно не тянет. – Он взял с блюда истекающий сладким паром гриб и начал деловито разламывать ножом полуоткрытые от кипятка хитиновые створки. – Кушайте, не стесняйтесь. Я сам до них большой охотник.

Грибы профессор оценил, и весьма высоко.

– Такое ощущение, что я зря держу дорогого повара, – признал он, отложив вилку и с трудом переводя дух после сытной трапезы. – Честно говоря, сегодня вам неоднократно удалось удивить мои вкусовые рецепторы. Казалось бы, за столько лет каких только изысканных деликатесов не попробовал. И на тебе – самые простые ингредиенты, самая простая кухня, а какой эффект!..

– Здоровая все пища, полезная, – степенно согласился Родим. – Натуральная. Для желудка весьма пользительно. – Он неторопливо собрал со стола грязную посуду, остатки еды и раковины грибов отправил в утилизатор, тарелки же отнес в мойку. – Кстати, – произнес он, повернувшись, уже совсем другим тоном, – если вам не сложно, милостивый государь, не потрудитесь ли объяснить, для чего это я вдруг понадобился Второму управлению?

Профессор изумленно вскинул на него взгляд, после чего снял пенсне и от души рассмеялся.

– Ну вы даете, голубчик, – проговорил он, смахивая слезы. – А ведь Александр Михайлович предупреждал меня... Ой! А вы когда-нибудь рыбачили на Эпсилоне Эридана, Родим Афанасьевич?

– Рыбачил, рыбачил, – насмешливо подтвердил Родим, скрестив руки на груди, – только все время попадалась мелочь, и я ее выпускал обратно. Не беспокойтесь, Федор Степанович, я знаю пароль. Или вы на самом деле не Федор Степанович?..

– Видите ли, вы и ошиблись, и нет, – отозвался профессор. – Вельяминов Федор Степанович, точно так-с. И не имею никакого отношения ко Второму управлению. Действительный член Академии наук Его Императорского Величества. И меня в самом деле очень интересует полосатая россомаха и ее повадки. Но у меня к вам, кроме всего прочего, крайне важная миссия. Не скажу, чтобы я был близким другом императора, но один из его знакомцев. Причем из тех, которым он вполне доверяет. Потому иногда нагружает меня некоторыми личными поручениями... Я привез вам послание от Александра Михайловича.

В кухне воцарилась мертвая тишина. Сделав многозначительную паузу, профессор пылливо посмотрел на замершего Пестрецова.

Прошла секунда, две, три. Наконец хуторянин шевельнулся, с трудом прочистил горло.

– У меня нет ключа, – хрипло произнес он.

– Александр Михайлович сказал, что следует воспользоваться ключом вашей последней операции.

– Ах, даже так?.. – Пестрецов бросил на профессора короткий внимательный взгляд. На скулах его четко обозначились желваки, скрипнули до боли стиснутые зубы. – Ну, что ж... Печеный лосось в багряном небе плывет не спеша.

С каждым словом озабоченные морщины на лбу Вельяминова разглаживались все больше и больше, и когда Родим закончил, профессор молча и безмятежно смотрел отсутствующим взглядом в пространство за его правым плечом. Охотник провел ладонью перед глазами гостя – зрачки Вельяминова не отреагировали.

– Извольте начинать, – произнес Родим.

Профессор тут же ожил, выпрямился на табурете. Его согбенный годами позвоночник распрямился, сутулые плечи развернулись. Перед Родимом теперь сидел совсем другой человек – сильный, властный, с военной выправкой и стальным взглядом владыки. В углах рта Вельяминова пролегла глубокая горькая складка, какой не было раньше, – след безмерной усталости от непосильного груза постоянной ответственности, след бессонных ночей и принятых на душу крайне тяжелых решений.

– Здравствуйте, Родим Афанасьевич, – проговорил профессор уверенным, четким голосом. – Если вы сумели вспомнить секретный ключ доступа семилетней давности – значит, это сообщение предназначено вам. Пожалуйста, постарайтесь дослушать меня до конца...

Человек, называвший себя хуторянином Родимом, слушал то, что говорил ему император с лицом профессора Вельяминова, и его собственное лицо приобретало все более и более серьезное выражение. Когда профессор веско произнес: «Это все. До свидания, Родим Афанасьевич», – и замолчал, он на всякий случай выдержал паузу секунд в десять, а затем сказал:

– Хорошо, Федор Степанович. На счет «пять» вы выйдете из транса – легко, спокойно, вас ничто не испугает. Раз... два...

Когда хуторянин дошел до счета «пять», Вельяминов очнулся. Его плечи разом опустились, профессор привычно ссутулился, встревоженно взглянул на собеседника снизу вверх:

– Все в порядке, Родим Афанасьевич? Похоже, вы слегка озадачены.

– Да, Федор Степанович, большое спасибо, – невпопад ответил тот, потирая ладонью подбородок, причем так, будто на нем уже не было густой и несколько неопрятной бороды. Похоже, сейчас перед профессором сидел уже совершенно другой человек – не тот, который встретил

их с Никодимом во дворе хутора, и не тот, с которым они весьма приятственно опрокинули за ужином пару стопок. – Вы прекрасно справились с заданием. Не обращайтесь внимания.

– Значит, завтра мы с вами идем на росмаху? – повеселел профессор.

– Завтра... – Родим поднял глаза. – Да, завтра идем. Но прошу меня простить, много времени я вам уделить не смогу. Похоже, мне придется кое-куда съездить... Но вы не обижайтесь, я вас сведу с местными охотниками. Они сподмогут. – Он подмигнул, на мгновение вновь превратившись в прежнего хуторянина.

Профессор вздохнул:

– Это вряд ли, Родим Афанасьевич, я уже пытался...

Родим улыбнулся:

– Не волнуйтесь, Федор Степанович, я их уговорю.

И это было сказано так, что профессор тут же повеселел. Ибо однозначно поверил: уговорит. А Родим между тем продолжал:

– А теперь давайте-ка напоследок еще по рюмочке «Боярской». И поведайте мне, бога ради, какие у вас в центре нынче самые свежие закулисные сплетни. Живем тут, у черта на рогах, прости господи, как на необитаемом острове, оторванные от самой необходимой информации...

Глава 2

Шесть дней спустя некий довольно невзрачный на вид, чисто выбритый господин, одетый в среднестатистический костюм и с совершенно обычным чемоданом в руке, неторопливо спускался по эскалатору терминала «W» Альпинского космопорта.

Альпинский космопорт был одним из крупнейших международных транзитных узлов, в котором вечно бурлила жизнь. Он ежедневно пропускал через себя миллионы пассажиров и сотни тысяч тонн различных грузов. Однако терминал «W», как и следовало ожидать, исходя из индекса, был одним из самых дальних и захолустных терминалов космопорта. Он использовался для обслуживания частных и нерегулярных рейсов и ничем не напоминал такие монстры, как терминалы «А», «В», «С», вечно забитые толпами народа, или даже гораздо более скромный «О», с которого осуществлялись внутрисистемные каботажные рейсы. Скорее он был похож на космопорт захолустной аграрной планетки, принимающий корабли, как говорится, раз в год по обещанию. Хотя на самом деле с десятков рейсов за сутки на него все же приходилось.

В это время суток зал ожидания терминала был практически пуст. Скучала за стойкой регистрации девушка в небесно-голубой форме. Тянуло свежеприготовленным кофе со стороны маленькой импровизированной закуской, под которую был отгорожен дальний конец зала. В фонтане, украшавшем центр вестибюля, плескались зеркальные карпы. Изредка распахивались автоматические стеклянные двери, выпуская наружу прошедшего регистрацию пассажира. На диванчиках вдоль стен расположились человек пять – в ожидании своего рейса они читали, курили, жевали прихваченные из дому бутерброды или просто тупо пялились на большую плазменную голопанель, висевшую над информационным табло. На ней сплошным потоком крутились рекламные ролики – привычная жвачка для мозга обывателя.

Неприметный господин спустился с эскалатора и остановился, видимо, прикидывая, направиться ему прямо к стойке регистрации или сначала заскочить в закускую – глотнуть дрянного, но все же слегка разгоняющего сонливость кофе. И в этот момент сверху послышался шум. Люди на диванчиках прекратили жевать и обеспокоенно вскинули головы. Девушка за стойкой нервно облизала губы и одернула форменную блузку. И только невзрачный господин никак не отреагировал на внезапно возникшую причину обеспокоенности остальных.

Спустя пару мгновений источник шума показался на соседнем эскалаторе. На движущуюся лестницу шумно, с топотом и выкриками, выкатилась внушительная компания пестро одетых молодых людей. Некоторые были в драных кожаных футболках, некоторые в потертых брезентовых куртках с эмблемами каких-то клубов, играющих непонятно где и непонятно во что, некоторые в модных коротких балахонах с капюшонами, похожих на средневековые монашеские одеяния. Бритая наголо голова одного из них оказалась раскрашена флуоресцентными красками под череп некоего неведомого, но несомненно хищного существа. Двое были в дешевой имитации штурмовых армейских шлемов, украшенных звездно-полосатым флагом и изображением белоголового орлана (рекламно-вербовочный отдел Министерства обороны Соединенных Миров, как всегда, был на высоте), еще один щеголял высокими армейскими ниппонскими ботинками с пневмоусилителями. Почти у всех слезились глаза и покраснели уши – верный признак того, что они совсем недавно закинулись «черным одуванчиком» или какой-то подобной наркотической дрянью. Банда хичеров явно искала развлечений.

Одинокий пассажир окинул подростков безразличным взглядом и равнодушно отвернулся. Но со стороны хичеров раздался обрадованный рев:

– Гля! Деревенщина!

Главарь банды, высокий здоровяк в отделанной переливающимся серебристым материалом куртке и с вытатуированным на виске динозавром, бежавший по эскалатору впереди всех,

внезапно остановился как вкопанный, и вся команда, натолкнувшись на его широкую спину, собралась гармошкой, едва не загремев кувырком по ступенькам. Один из хичеров, похоже, совершенно одуревший от свежей дозы и потерявший всякую ориентацию, пытался продолжить движение, упершись головой между лопаток жоака и перебирая ногами на одном месте; тот развернулся и отвесил идиоту могучую оплеуху, от которой он мигом пришел в чувство.

– Где? – Блуждающий взгляд налитых «черным одуванчиком» глаз с трудом сфокусировался на уроде, топчущемся на нижней площадке эскалаторов. – Ага...

Главарь осклабился в довольной усмешке. Ночь, похоже, пройдет не зря. А то он уже готов был сорваться на ком-нибудь из своих. В терминале «С», где они обычно развлекались, отчего-то было полно полиции: наверное, какой-нибудь дурацкий государственный визит. А в терминале «J», куда они забрели, чтобы компенсировать неудачу в «С», как раз сегодня делала пересадку какая-то богатая шишка, поэтому он оказался битком набит частной охраной. Так что их мгновенно скрутили и вышвырнули вон.

И вот наконец удача.

– Деревенщина, говорите? – прищурился жоак. – Деревенщину надо учить, волки! Приезжают из своих заплесневелых... этих самых... будто им тут этим самым намазано! Этими... королями жизни себя чувствуют!.. Это...

– Машины паркуют неправильно, – подсказал кто-то из-за спины.

– Машины паркуют неправильно! – обрадовался главарь. Ему явно хотелось предъявить приезжей деревенщине какие-то более весомые претензии, но в одурманенную голову ничего путного не приходило. – И болеют за какие-то эти... – Он шмыгнул. – Сейчас мы его немножко это...

И альфа-доминантный самец рванул вниз по эскалатору, а за ним устремились остальные особи его стаи. При спуске они чудом ухитрились не попадать и не переломать себе ноги. Спустя несколько секунд одинокая фигура пассажира оказалась окружена плотной и злорадно скалящейся толпой.

Пассажиры на диванчиках замерли. В их глазах застыл не только затаенный испуг, но и откровенное любопытство. Еще бы, сейчас перед ними должно было развернуться действие, которое многие из них часто и с удовольствием видели в крайне популярных в демократических мирах шоу «Криминал», «Угон и ограбление» и «Твой сосед убит». Но это по головизору, в монтаже и с комментарием. А тут наяву, вживую, так сказать, на расстоянии вытянутой руки – так, что вонь от давно не стиранных футболок и носков хичеров просто била по ноздрям. Девушка за стойкой округлила ротик и потянулась рукой куда-то вниз. Наверное, там была кнопка экстренного вызова полиции. Но в следующее мгновение ее рука замерла, так и не добравшись до кнопки. Она тоже очень любила смотреть «Твой сосед убит»...

Однако, похоже, на самого пассажира сложившаяся ситуация не оказала того воздействия, которого все ожидали. Вместо того чтобы испуганно замереть, втянуть голову в плечи и начать лебезить, он дружелюбно улыбнулся и спокойно произнес:

– Привет, парни! Дайте пройти, пожалуйста!

Хичеры были несколько озадачены. Реакция этого урода была какая-то неправильная. Но более глубокий анализ мозгам, одурманенным наркотической дрянью, был не под силу. Поэтому ситуация со скрипом двинулась по раз и навсегда отработанной схеме.

– Непременно, – сказал главарь, не сходя с места и глядя мимо пассажира. – Только сначала надо заплатить это... дорожный сбор.

– Дорожный сбор? – очень удивился пассажир. – Первый раз слышу. Когда же его ввели?

– Сегодня.

Звякнул выкидной нож. Хичер, стоявший справа от жоака, вынул из кармана руку – на каждом пальце у него был массивный свинцовый перстень, и когда он сжимал руку в кулак, как

сейчас, перстни становились увесистым кастетом. Но даже на этот совсем уж недвусмысленный намек странный пассажир не отреагировал должным образом.

– И какова же величина сбора? – поинтересовался он, никак не показав, что заметил нож или кастет.

– Ну, это... если ты не очень богат... – Главарь почесал в затылке. – Сколько у тебя денег?

– В пересчете на местную валюту – семьсот пятьдесят.

– Да! – обрадовался главарь. – Верно! Дорожный сбор составляет ровно семьсот пятьдесят монет. Гони деньги и вали в это... ну, куда ты там валишь, короче. Добро пожаловать на это... на нашу гостеприимную планету, типа.

Хичеры одобрительно заржали. Незнакомец молчал, поэтому главарь хичеров скривил рожу и протянул обе лапы к лацканам его пиджака:

– Ну, ты что, оглох? Давай сюда бабло, и никто это... не пострада...

* * *

Сигнал о том, что в терминале «W» происходит нечто необычное, поступил на дежурный пульт полицейского управления перед самой пересменкой. Пожилой капрал, только что закончивший обход дальних грузовых терминалов и с облегчением стянувший португепю с парализатором, недовольно поморщился. Он рассчитывал, что теперь ему не придется выходить из дежурки до самой смены, и вот такой облом. Капрал вздохнул, нехотя снова натянул португепю, махнул рукой дежурному и вышел.

Когда капрал заглянул в зал ожидания захолустного терминала, челюсть его отвалилась едва ли не до полу. Еще бы! Из десятка великовозрастных балбесов, столь любящих демонстрировать свою крутость на одиноких и небогатых транзитных пассажирах, трое валялись на полу без сознания, а остальные, сцепив руки на затылке, двигались на корточках гусиным шагом вокруг фонтана в центре вестибюля. Достигнув незнакомца, который спокойно восседал рядом с фонтаном на своем обшарпанном чемодане и вкусно, с хрустом и удовольствием грыз яблоко, они разом выпрямились и хором заученно оттрапоровали:

– Господин сердитый пассажир! Праздничный кросс, посвященный трехсотсороковой годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека, выходит на тридцать восьмой круг! Разрешите продолжать движение?..

Пассажир, не отвлекаясь от яблока, милостиво махнул рукой, и молодежь, снова опустившись на корточки, устремила в очередной рейс вокруг фонтана.

– Всем оставаться на местах! – рявкнул полицейский, захлопывая пасть и вытаскивая из кобуры парализатор.

Молодые люди замерли, а пассажир, который как раз в этот момент покончил с яблоком и аккуратно переправил огрызок в урну, широко улыбнулся и приветственно поднял ладонь:

– Мистер полицейский! Как всегда вовремя.

– Что здесь происходит?! – спросил совершенно обалдевший страж закона.

– Мы тут с ребятами решили убить время до рейса и устроили небольшой забег, – любезно пояснил пассажир. – В честь трехсотсороковой годовщины принятия Всеобщей декларации прав человека. Это очень полезно для здоровья и весьма зрело с политической точки зрения. Вы же знаете, демократическая молодежь всегда отличалась зрелой гражданской позицией... Надеюсь, правилами космопорта это не запрещено?

– Не запрещено, – буркнул полицейский и перевел взгляд на лежащих без сознания хичеров: – А это что за дела?

– Это? – Улыбка пассажира стала еще шире. – Ребята немного переутомились. Современная молодежь не уделяет достаточно внимания поддержанию здорового образа жизни. Впрочем, это не их вина. Явный недостаток спортивных залов и бассейнов, долгие часы за игро-

выми приставками и головизором, пагубная привычка к гамбургерам и коле... Ну, не мне вам объяснять.

Полицейский почувствовал, что над ним издеваются, однако формальных причин задерживать эту странную компанию у него не было.

– Ваши документы! – потребовал он после мучительных раздумий.

Станный пассажир извлек из внутреннего кармана паспорт и с преувеличенной почтительностью подал его полицейскому.

– Пестретсофф Родим Афанасиевич, – с трудом прочитал тот и поднял брови: – Русский, выходит?.. – Он снова задумался. – Ни черта не пойму. Так что же, эти ребята напали на вас?

– Нет, отчего же, – удивился Пестрецов. – Мы познакомились на эскалаторе, поговорили очень дружелюбно. Они рассказали мне о местных обычаях и налоговой системе.

Полицейский недоуменно перевел взгляд на хичеров, замерших возле бортика фонтана, но так и не поднявшихся с корточек.

– Ничего не понимаю. Тогда, выходит, это он напал на вас?..

Хичеры поспешно и дружно замотали головами: нет, что вы, как можно! С какой стати?!..

Страж порядка поразмышлял еще с полминуты, после чего вручил паспорт пассажиру и повернулся к хичерам:

– А ваши документики попрошу?..

– Офицер! – полузадушенно протянул главарь, чья рожа от напряжения, возникшего вследствие крайне неудобной позы, уже стала багрово-синей. – Ну, вы же нас знаете! Не первый раз!..

– Именно поэтому!

– Я прошу прощения, – встрял Родим, – но мне пора на регистрацию. Надеюсь, у вас ко мне нет больше вопросов?

– Идите, идите, – раздраженно махнул рукой полицейский, уже понявший, что разрулить ситуацию, пока неподалеку толчется этот странный русский (а где, скажите, вы видели не странного русского?), вряд ли удастся.

– Благодарю. Удачного дня.

Подхватив чемодан, господин Пестретсофф двинулся прочь от компании хичеров, на чьих рожах тут же нарисовались признаки огромного облегчения.

* * *

Лайнер оказался вполне приличным. Для пассажиров экономкласса были устроены не только бары и залы игровых автоматов, но даже небольшой зимний сад с лавочками и питьевыми фонтанчиками. Заняв место в четырехместной каюте и забросив чемодан на багажную полку, Родим отправился в ближайший бар, где заказал себе пива, омлет и салат: со всей этой катавасией он не успел перекусить в порту. Только яблочко погрыз... Расположившись за стойкой, он вызвал на монитор свежие новости и начал лениво их прокручивать.

Высокий табурет рядом с ним скрипнул. Сосед Родима, говоривший с американским акцентом, заказал себе пива. Некоторое время он молча сдувал пивную пену, потом развернулся вполборота к Пестрецову и с присущей большинству его соотечественников бесцеремонностью пихнул того локтем в бок:

– Эй, приятель! Купи комбайн.

– А что, кирпичи уже закончились? – иронически отозвался Родим.

– Какие еще кирпичи? – Собеседник был уже изрядно навеселе и оттого соображал туго. – Кирпичами я не торгую.

– Ну, так раньше говорили: «Дядька, купи кирпич!» А теперь, выходит, говорят: «Купи комбайн?»

– Нет, ну если нужен кирпич, я могу устроить. Тебе какое количество нужно?

– Да не нужен мне кирпич, отстань, – усмехнулся Родим. Вот ведь люди эти коммивояжеры: реакция на слово «купи», как у хорошо тренированной собаки на, скажем, команду «Фас» или «Фу», – всегда четкая и однозначная.

– Тогда купи комбайн! – Назойливый незнакомец щелкнул каким-то портативным устройством, напомиравшим портсигар, и на стойке перед Родимом развернулось трехмерное голографическое изображение сложного колесного механизма, который медленно вращался вокруг своей оси. – Смотри, какой красавец! – с гордостью заявил американец, словно своими руками собрал этот самый комбайн. – Автоматический хлопкоуборщик «Атлантис-112». Для фермера штука незаменимая.

– У нас хлопок не растет, – буркнул Пестрецов, снова погрузившись в газету.

– Да им что угодно можно убирать! Допустим, чай. Или плоды шиповника. Гляди, отдам за полцены! А в придачу получишь совершенно бесплатно прелестную автоматическую сноповязалку, оригинальную веревку землемера и два запасных сошника.

– Картошку им можно убирать? – Родим уже откровенно развлекался.

– Да запросто! Только нужна соответствующая насадка, но она входит в комплект. Ну, по рукам? Сейчас я назову цену, и ты упадешь со стула. Дешевле только даром...

– Нет, не по рукам. Не нужен мне комбайн.

– А картошку убирать?

– Я же не сказал, что для этого мне нужен комбайн. Я просто спросил, может ли он это делать. Поддержал беседу, так сказать.

Попутчик задумался.

– Ну, давай тогда просто поговорим, – решил он наконец. – Поддержим беседу. Меня Джим зовут.

– Вольдемар, – представился Родим.

– Ха! Чудное имечко. – Американец пододвинул бармену свою опустевшую кружку: – Видишь? Закончилось. Давай еще раз. – Он снова повернулся к собеседнику. – Видал, как вчера «Красные Демоны» разделали «Черных Дьяволов»?

Родим отрицательно качнул головой.

– Да ты что, это же матч века! – изумился американец. Он неверяще уставился на собеседника, а затем задал вопрос, который, похоже, казался ему совершенно невообразимым: – Да ты вообще стилетбол смотришь?!

– Смотрю, – терпеливо ответил Родим, не отрываясь от электронной газеты. Еще курсантом он освоил умение, которым очень гордился Цезарь: читать, разговаривать и думать одновременно. – Только у нас собственная лига. Без всяких дьяволов и демонов.

– А, – пренебрежительно махнул рукой Джим. – Лягушатники. Или макаронники? Настоящая стилетбольная лига только у нас, у отцов-основателей этого мужского вида спорта. Вот у вас, скажи, за сезон сколько рук и ног ломают?

– Немного, – рассеянно отозвался Родим, думавший о своем.

– А у нас – больше ста! – гордо заявил американец. – В этом сезоне – сто четырнадцать, и сезон еще не завершён!.. – Победоносно посмотрев на собеседника, он вытащил из внутреннего кармана фляжку, воровато оглянулся по сторонам и опрокинул ее в свой бокал.

– Зря, – сказал Пестрецов, покосившись на него. – Свалит с ног.

– Потомка техасских рейнджеров свалит с ног только пуля, – авторитетно заявил Джим, с благоговением наблюдая, как пенится в бокале жидкость из фляги, вступившая в непонятную химическую реакцию с пивом. – Зато быстрее вставит. Твое здоровье, Вольдемар! – Он приподнял кружку, качнул ею в сторону Пестрецова и отхлебнул. На глазах у него тут же выступили слезы, он судорожно закашлялся. – Вот черт! Переборщил...

Родим насмешливо хмыкнул, не отрываясь от новостей.

– Или вот еще у арабов есть своя лига, – поведал коммивояжер, с трудом отдышавшись после могучего глотка. – Слыхал? У этих тупых уродов и фанатиков – собственная лига! Ты представляешь, как они по полю в своих паранджах бегают?! Цирк, честное слово.

– У мусульман мужчины не ходят в парандже, – терпеливо произнес Пестрецов. – И не у всех мусульман женщины носят паранджу. И не все арабы – мусульмане.

– Ага, рассказывай сказки! – отмахнулся американец. – Видел я нескольких в космопорту на Беовульфе. Все тупые уроды и фанатики как один, без исключения. – Он снова поднял свой бокал, с опаской примерился к содержимому. – И Беовульф мне совсем не понравился. Немцы – жадины и педанты. И тоже тупые уроды все. Только пиво у них неплохое, что да – то да. А людишки – дерьмо, хрень. И головидение у них отстойное, потому что каким еще оно может быть у немцев? И город дурацкий – всякие резные финтифлюшки, памятники дурацкие, мосты цельнокаменные. Древность и плесень, никакого прогресса. – Отхлебнув, он вновь с трудом перевел дух. – Но черт с ними: их еще можно терпеть. Они, по крайней мере, знают американский язык и с должным почтением относятся к правильной валюте. А вот русские – это же полная гуманитарная катастрофа! – Джим доверительно склонился к уху Пестрецова: – Хуже nipponцев! У тех хотя бы демократический строй. А у русских – император! – Он поднял палец вверх и снова пихнул Родима локтем в бок. – Император, Вольдемар, понял?!

– Да ну? – удивился собеседник. – Неужели в самом деле император?

– Точно тебе говорю! – оживился американец. – Дикий, варварский народ, тысячелетние традиции рабства! И знаешь, какой у этого тирана рейтинг в Империи? Девяносто два процента, и это в то время, когда ни у одного из американских президентов за последние сто лет не дотягивало до сорока! Можно ли поверить, что это действительно неподтасованное мнение простого народа?

– А я слышал, что рейтинговые исследования проводил как раз ваш институт Гэллапа, – напомнил Пестрецов, переворачивая страницу. – Самим русским они как-то по барабану.

– Вот именно! – возмутился Джим, со стуком поставив кружку на стойку. – Это не просто подтасовки, они реально так думают! Девяносто два процента населения согласны жить в ярме, вот что страшно! В ярме и совершенно неэффективном обществе. Слышал, на Светлом Владимире население докатилось до того, что собирает траву за городом, только чтобы не умереть с голоду?

– Неужто траву? – развеселился Родим. – Бедные! О том, что местные растения хороши в качестве приправы и население их охотно добавляет в пищу, – слышал. Но вот чтобы люди ели только эту траву – для меня большая новость.

– На прошлой неделе по голо показывали, – снисходительно пояснил Джим. – Я посмотрел передачу, вообще ужаснулся: кругом грязь, разруха, все серое и скучное. Представляешь, целая улица – и ни одного рекламного щита! Да и откуда взяться нормальным рекламным щитам, сетевым закусочным и вообще сопутствующему демократии достатку, когда в Имперском уголовном уложении, например, существует статья о биржевых спекуляциях? А ведь всем известно, что биржевые спекуляции – это важнейший инструмент финансового рынка. Как же можно за это судить?!

Рассвирепевший Джим в сердцах пнул основание стойки, заслужив неодобрительный взгляд бармена. Пестрецов наконец отвлекся от новостей и задумчиво смотрел на собеседника.

– Совершенно нецивилизованный подход к законам! – продолжал разглагольствовать тот. – К тому же всем известно, что государство – собственник неэффективный. И если ему подобным образом не указывать регулярно на проблемы и дыры в законодательстве, то оно так никогда и не почешется. Или такой пережиток темных времен, как личные вассалы Императора. Люди, по существу, никакому закону не подсудные и отвечающие за свои действия только перед хозяином. Это что еще за неприкасаемые?! В цивилизованном обществе перед законом все равны – хоть ты миллиардер, хоть король, хоть сантехник! Будь я на месте русских, давно

сверг бы узурпатора и посадил бы на электрический стул или на эту, как ее... на гильотину! Ну, как в Средневековье, когда они свергли этого живодера – то ли Путина, то ли Распутина...

– Да, очень любопытно, – флегматично заметил Родим. Он уже покончил с едой и теперь допивал пиво. – Когда прилечу на Светлый Владимир, непременно расскажу нашим, что они едят траву и на улицах у них грязно. Думаю, хохотать будет полстолицы.

Джим побледнел и застыл с открытым ртом. Потом потянулся за своим бокалом, но, так и не отхлебнув, снова поставил его на стойку.

– Ты это... – сипло произнес он, не глядя на Родима. – Так ты, выходит, русский?..

– Ага, – кивнул Пестрецов. – Только почему-то знаю английский. И немецкий тоже знаю. И интерлингву. А траву ем только в салате, и вовсе не из-за боязни умереть от голода. И не хожу в медвежьей шкуре. И, страшно сказать, регулярно чищу зубы.

– Ну, ты же понимаешь, что я не имел в виду ничего такого! – с некоторой натугой, но по-прежнему азартно взялся пояснять американец. – Люди-то разные бывают! Одни траву едят, другие три языка знают... Да и глупости это все про траву, дурацкая пропаганда. Русские вообще отличные парни! Я с вами регулярно пересекаюсь в рейсах. С вашими выпить можно отлично, поболтать как следует, то-се... Да и Император ваш вполне ничего, за своих подданных кому хочешь горло перегрызет, невзирая ни на какие законы и международные нормы. Молодец! Вон международный суд на Розовой Гааге так и щелкает зубами после того случая с грузом циркония! – Американец хохотнул, поскольку Соединенные Миры также не признавали юрисдикцию розовогаагского суда, и в этом он был стопроцентно солидарен с политикой Империи. – Зато русских не трогают никакие террористы или там борцы за свободу, себе дорожке выйдем. Это по-нашему, по-техасски. И сами вы себя в обиду не даете, и вообще с вами считаются все...

Родим молча кивал, допивая пиво. Затем отставил пустой бокал и, отодвинув высокий стул, направился в оранжевую. Джим за его спиной все еще продолжал оживленно бормотать, припоминая положительные моменты своего общения с русскими, однако Пестрецов уже забыл о его существовании.

Опустившись на скамейку под цветущими магнолиями, Родим глубоко задумался. У него из головы не шло послание Императора, которое передал ему профессор Вельяминов. Оно начиналось словами: «Лейтенант, мне нужна ваша помощь...»

Возвращаясь через полчаса в каюту через бар, он заметил своего давешнего соседа по стойке, сидевшего в компании изрядно поддавших мужиков, по виду типичных бургеров. Совершенно пьяный продавец комбайнов громко возглашал:

– Ну их в задницу! Абсолютно дикий народ. За своего Императора любому глотку перегрызут. То ли дело мы – цивилизованные люди. Я, когда был у вас на Беовульффе, ходил и только восхищался. Ходил и восхищался! Изумительная архитектура, прекрасная кухня, и люди очень душевные и щедрые...

Презрительно усмехнувшись, Родим вышел в коридор.

Глава 3

а улице падали хлопья синего снега.

Стоя в застекленном вестибюле космопорта с чемоданом в руке, Родим Пестрецов с любопытством смотрел на улицу через раздвижные двери. За дверями была самая настоящая, хотя и сюрреалистическая метель – ярко-синий снег сыпался с неба, закручивался в спирали, мел поземкой по растрескавшимся плитам подъездной дороги, однако таять отказывался наотрез, несмотря на то что снаружи было не меньше тридцати градусов выше нуля и высокая влажность. По площадке перед выходом из космопорта медленно проехал механический уборщик, сгребая неровные кучи снега в высокие сугробы.

– Это у вас всегда так? – поинтересовался Пестрецов у охранника на выходе.

– Не-е-е-ет, – лениво отозвался тот. – Кандава цветет. Не бойтесь, она безвредная. Через пару дней уже облетит вся.

Пожав плечами, Родим вышел под синий снег, оказавшийся совершенно сухим, теплым и невесомым. Метрах в сорока от входа под потемневшим пластиковым навесом стояли полтора десятка старых водородных автомобилей самого экзотического вида, рядом с которыми скучали водители в потрепанных футболках. Туда Пестрецов и направился.

Навстречу ему из-под навеса выбрался пожилой здоровяк в бейсболке, необъятное пивное брюхо которого было обтянуто футболкой с надписью «Вся еда поступает сюда».

– Нужна машина, браток? – поинтересовался дядька, покручивая на пальце брелок с ключами.

– Да, – кивнул Родим. – Мне надо в бар «Три веселых сучки».

Здоровяк пристально посмотрел на него, снял с головы бейсболку и тщательно отряхнул ее о колено, счищая хлопья загадочной кандавы.

– Никто не поедет, – произнес он, приведя головной убор в порядок и снова водрузив его на голову. – Может, куда-нибудь в другое место?

– Мне нужно именно туда, – сказал Родим. – А что, у вас в профсоюзе слишком крепкие нравственные устои?

– У нас в профсоюзе слишком хорошо развит инстинкт самосохранения, – хладнокровно пояснил дядька. – Твои «Сучки» находятся в Инфернусе.

– Нет, вы ошибаетесь, они здесь, в этом городе, – возразил Пестрецов. – Знаете, на северной окраине...

– Да в этом, в этом городе, – оборвал его водитель. – Только в Инфернусе. В зоне свободного ведения огня.

– О, – уважительно качнул головой Пестрецов. – Вон что.

– Ага. У нас на планете и так-то беспокойно, как-никак бывшая пиратская республика, а в районах вроде Инфернуса вообще труба. Местные банды непрерывно воюют между собой, в этот котел даже полиция боится соваться. Подобьют из ручного гранатомета, не успеешь и ста метров проехать. – Здоровяк вздохнул. – Слушай, браток, зачем тебе эти «Сучки»? Если хочешь славно отдохнуть, я тебе в Верхних кварталах десяток отличных стриптиз-баров посоветую. Скажешь, что от Пузатого Сэма, тебе еще скидку сделают. А?

– Нет, спасибо. А как вы, ребята, посмотрите, если я заплачу два номинала? Мне нужно именно в «Сучки».

– Ступай пешком, уважаемый.

Глава местных таксистов безразлично развернулся и ушел обратно под навес, оставив Пестрецова с чемоданом в руках у входа в космопорт. Родим с сомнением посмотрел ему вслед. Либо таксисты здесь были избалованы обилием клиентов и огромными чаевыми, либо поездка в загадочный Инфернус действительно пугала их настолько, что за такое дело никто не брался.

Тем временем под навесом развернулась оживленная дискуссия. Похоже, предположения его собеседника не слишком оправдывались. Родим поставил чемодан на выщербленный асфальт, уселся на него и достал из кармана яблоко. Дискуссия была бурная, но его участвовать в ней не пригласили. Значит, надо было спокойно дожидаться результатов. Раз не можешь повлиять – наберись терпения и жди. Тем более что в запасе у него было яблочко, а яблоки он очень любил.

Наконец из-под навеса вынырнул крепкий парень лет тридцати в кожаной безрукавке на голое тело и когда-то черных, а теперь вытертых до белизны джинсах. Из-под распахнутой безрукавки мерцал вытатуированный безвредным синим фосфором саблезубый тигр. Вслед водителю полетела пустая пивная банка, но он не обратил внимания на такие пустяки.

– Это тебе надо в Инфернус, ман? – поинтересовался он, приблизившись к Пестрецову.

– Если бар «Три веселых сучки» в Инфернусае, то туда, – согласился тот.

– Понятно, – пробормотал таксист. Изучающе разглядывая клиента, он задумчиво потирал ладонью скрипящую щетину на подбородке. – Короче, так! – решил он наконец. – Четыре счетчика, и я не отвечаю за твою безопасность. Идет?

– Не многовато ли? – удивился Пестрецов. – Хотя бы три.

– Четыре, – отрезал водила. – И то только в том случае, если ты умеешь пользоваться плазмометом.

– Приходилось... – На этот раз очередь задуматься пришла потенциальному пассажиру.

– Думай скорее, – произнес таксист. – Больше все равно никто не поедет.

– Ладно, едем.

– Вот и отлично! – разом повеселел водитель. – Можешь называть меня Кувалда, ман.

– А ты можешь называть меня Леопольд.

Кувалда провел Пестрецова к своей машине, припаркованной на краю стоянки. Это был старый и внушительный «бигфут» марки «Безумный Макс – 209» с дополнительно приваренным массивным танковым бампером, толстыми решетками на окнах и металлической сеткой на бортах, явно установленной против кумулятивных гранат. Над багажником торчал в небо ствол тяжелого армейского плазмомета. Пушка была французской, фирмы FAN, калибр «трубы» – восемь сорок семь. Вообще-то изрядное старье, но Родим и не ожидал встретить в этой дыре последние новинки с MilitariEXPO или ежегодной оружейной выставки в Кухумаху. Впрочем, скорость и плотность выбрасываемого заряда были у этой штуки вполне достойные. Если только преобразователь не слишком перегревался. Хотя на это, исходя из ее внешнего вида и, так сказать, географического расположения, особо рассчитывать не приходилось.

Передняя дверца с водительской стороны была украшена тремя аккуратными круглыми сквозными отверстиями. На капоте машины распластался отполированный буйволиный череп, треснувший посередине. Судя по всему, водители вовсе не дурачили наивного пассажира, повествуя об опасности поездки в Инфернус.

– Садись, брат Лео! – радушно пригласил Кувалда, распахивая перед Пестрецовым заднюю дверцу. – Домчу за полчаса. Правда, будет трясти и иногда станет пахнуть жареным. – Он радостно ухмыльнулся.

Родим забрался на заднее сиденье. В спину ему тут же уперлась гашетка плазмомета, и он сдвинулся левее.

– Славная машина, – осторожно оценил пассажир. – Только сильно большая, сейчас таких уже не делают. Не слишком много топлива жрет?

– Ничего, – отозвался таксист, плюхаясь на водительское сиденье и захлопывая переднюю дверцу. – Зато при столкновениях лишняя масса очень даже не мешает.

Он завел машину. «Безумный Макс» приподнялся над дорожным покрытием и рванул с места так, что Пестрецова вдавило в потертую спинку сиденья.

– Чего ты забыл-то в этих дурацких «Сучках», ман? – поинтересовался Кувалда, стремительно выкручивая руль. Взрывая мощным мотором и едва вписываясь в повороты, «Макс» на скорости вырулил со стоянки и по раздолбанной дороге, проложенной среди пустыни, бешено устремился к горизонту. Водителю приходилось кричать, чтобы перекрывать шум мощного двигателя. – Устроился бы сначала в отель, чудила!

– Жениться хочу! – проорал Родим, которого мотало на крутых виражах из стороны в сторону. – Девушка у меня там! Не терпится увидеться поскорее.

– А... – Судя по всему, такое объяснение Кувалду вполне устроило. – Бабцы в стриптизе что надо, это уж точно, ман. А ты молоток, Лео!

Пустыня расстилалась во все стороны, сколько хватал глаз. Только она была не желтая, не белая и не красная. Она вся была засыпана трепещущими на ветру сугробами синего снега, словно сделанными из мыльной пены. Где именно цвела загадочная кандава, было совершенно непонятно, но ее назойливый пух разлетался повсюду.

– Красиво у вас тут! – прокричал Пестрецов.

– Да ну, брось. Пепелище!

Вскоре Родим убедился, что водитель во многом прав. Все чаще по обочинам начали попадаться закопченные остовы машин. Один «Хаммер» был подбит по всем правилам полевой тактики – прямым попаданием из «каракурта» в топливный бак, таких характерно развороченных бортов Пестрецов в свое время насмотрелся достаточно. В одном месте в пустыне недалеко от дороги когда-то вообще разгорелась самая настоящая битва; Родим насчитал полдюжины единиц искореженной техники, среди которой даже с удивлением различил полицейский бронетранспортер.

– Видал? – с гордостью поинтересовался Кувалда. – Совсем озверели, отъехали от трассы всего метров двести. Торопыги. Немудрено, что их тут копы накрыли. Обычно серьезные ребята для таких терок уезжают подальше в пустыню. Предпочитают интим, понимаешь! Пацанские стрелки – дело деликатное, ман...

Он вдруг резко ударил по тормозам, и Родим со всего размаху врезался в спинку водительского сиденья. Воспользовавшись короткой передышкой, пассажир попытался обнаружить возле себя хоть что-нибудь, напоминающее ремень безопасности, но так ничего похожего и не нашел.

Между тем водитель, навалившись грудью на руль, пристально разглядывал поднимающийся из-за дальних барханов жирный столб черного дыма.

– Черт, – с сожалением проговорил он. – Похоже, Рыжая Лошадь вляпался. Он минут за двадцать до меня ушел по трассе. Погано! – Кувалда вынул из бардачка гарнитуру древнего переговорного устройства, какие использовали еще первопроходцы, нажал тангенту, покрутил ручки настройки. – Алё, Рыжая Лошадь! Лошадь, мать твою! Земляк, скажи, что у тебя все нормально! Отзовись, дурень!.. – Выждав несколько секунд, он пожал плечами. – Нет, вляпался Рыжая Лошадь, факт. Вечная память. Папа Юп со своими людоедами совсем озверел, – пояснил он Родиму. – За две недели сжег три наши машины. Нет, мы его, конечно, рано или поздно намотаем на бампер, когда наши из южных районов подтянутся, без вариантов. Но нам с тобой надо сейчас что-то решать, ман. По трассе дальше нельзя, выпотрошат.

– Будем возвращаться? – поинтересовался Родим, тоже разглядывая столб дыма.

– Еще чего! – возмутился Кувалда. – Ты мне четыре номинала обещал, ман! Что, как запахло жареным, так сразу и в кусты, городской пижон?!

Пестрецов не нашелся, что на это ответить.

– Ладно, – проговорил Кувалда, кладя руки в кожаных перчатках с отрезанными пальцами на руль. – Несколько оптимизируем маршрут. Уважаемые пассажиры, просьба пристегнуть ремни безопасности, взлетаем...

Уважаемый пассажир не успел раскрыть рта, чтобы пожаловаться на отсутствие этих самых ремней, – внезапная перегрузка ускорения швырнула его назад и вдавила в сиденье. Резко сорвавшись с места, «Макс» покинул трассу и устремился в пустыню. Несколько мгновений спустя несчастный Пестрецов осознал, что на самом деле все, что было до этого, вполне можно считать нормальной ездой. Ад начался теперь.

Машину трясло и подбрасывало на бездорожье так, что пассажира швыряло по всему салону. Кое-как втиснувшись в угол и упершись ногами, Родим обезопасил себя от дальнейших синяков, но теперь его размеренно стучала по предплечью турель плазмомета. Он уже собирался попросить водителя сбросить скорость, когда тот вдруг прорычал:

– Ма-а-а-а-ать твою!..

Бросив взгляд в зарешеченное боковое окошко, Родим увидел, как над гребнем соседнего бархана показались человеческие фигуры в драных песчаных камуфляжах. Впрочем, за бойцов регулярных воинских частей признать их было трудно: все они были без защитных шлемов, с нелепыми нашивками и заплатками разных цветов на локтях и коленях, в разномастных ботинках и перчатках, как у Кувалды. И в руках у них были громоздкие металлические штуки, в которых Пестрецов с изумлением опознал самодельные ручные разрядники.

– Лео! – взревел Кувалда. – К оружию, ман! Это людоеды Папы Юпа!!!

Последняя фраза была выкрикнута с таким отчаянием, что пассажир без дальнейших вопросов, разом развернувшись и втиснувшись между спинкой переднего сиденья и плазмометом, ухватился за рукоятки орудия, хотя и был уверен, что с такого расстояния разрядник, тем более самодельный, никак не сможет пробить борт машины.

Световой всплеск на склоне бархана, оглушительный визг и песок, вспучившийся от нестерпимого жара бурлящей стеклянной лужей почти под самым днищем «Макса», убедил Родима, что за плазмомет он ухватился не зря. У кого-то из пустынных рейдеров имелось куда более серьезное оружие.

Шарнирная турель давала весьма широкий угол обстрела, виртуальный прицел позволял стрелку не егозить вслед за стволом по всему заднему сиденью, а система автоматической компенсации вибрации надежно удерживала захваченный целеуловителем объект в рамке прицела. Оружие Кувалда приобрел себе держаное, но весьма неплохое, не поспешил. Приникнув к прицелу, Пестрецов щедро полил атакующих плазмой. Двое бандитов кувыркнулись с бархана, разорванные и обугленные от пояса до горла, остальные бросились врассыпную, однако огня не прекратили. Длинная разветвленная молния хлестнула по корпусу машины, но электрический разряд по стенкам стек в землю, не причинив вреда ни ходовой части, ни сидевшим внутри машины людям. Ругаясь в голос, Родим развернул плазмомет и снял еще одного стрелка, который попытался обстрелять их со склона соседнего песчаного холма. Мощный заряд пробил бандита навывлет, и тот тут же вспыхнул как спичка.

– Хорошо стреляешь, ман! – проорал Кувалда, вращая руль с такой скоростью, словно хотел открутить его с рулевой колонки. – В армии служил?

– Компьютерные игрушки люблю, – сообщил Родим, выцеливая очередного противника.

Следующая очередь канула впустую: атакующие успели попрятаться в песчаных впадинах и дюнах. Пестрецов развернулся к лобовому стеклу – и как раз вовремя, чтобы заметить вывернувшую из-за высокого бархана впереди и понесшуюся им наперерез открытую машину, собранную из узких металлических труб. Стекол в машине не было – судя по тому, как легкий драндулет подпрыгивал на неровностях почвы, ему уже не раз доводилось переворачиваться, поэтому неведомые конструкторы максимально обезопасили свою странную модель от возможных поражающих факторов. В машине находились четверо камуфляжных: один сидел рядом с водителем, а еще двое ехали, стоя на подножках и вцепившись с обеих сторон в металлические трубы на крыше.

– Не пытайся таранить! – крикнул Пестрецов. – Они в последний момент выпрыгнут, а мы налетим на их телегу и перевернемся к чертовой матери!

– Не учи ученого, ман! – радостно проорал в ответ Кувалда. Вынув из бардачка небольшой пульт от головизора, он принялся одной рукой манипулировать кнопками, другой не забывая вертеть руль.

То, что Родим возле космопорта принял за дополнительные воздухозаборники по бокам машины, оказалось портативными ракетными установками. С оглушительным шипением ракета вырвалась из левого «воздухозаборника» и устремилась в направлении бандитского автомобиля. Поняв, что дело плохо, людоеды поспешно развернули свой драндулет и рванули в пустыню, но ракета сместилась вслед за ними: похоже, Кувалда управлял ею из кабины своего автомобиля. С жалобными воплями бандиты начали на полном ходу спрыгивать с машины в песок. Водитель выпрыгнуть не успел: ракета догнала заваливающуюся набок пустынную машину, когда он еще только бросил руль и приготовился сигануть ласточкой в ближайший бархан. Мощный взрыв превратил их вместе с автомобилем в один ослепительный огненный шар. Развернувшись к плазмомету, Пестрецов одиночным выстрелом снял одного из спрыгнувших с машины людоедов, неосторожно поднявшего голову над дюной.

Больше такси Кувалды никто атаковать не пытался. Сделав огромную петлю и оставив за холмами столб дыма, таксист снова вырулил на трассу и погнал по ней, еще увеличив скорость, – хотя десять минут назад Пестрецов готов был бы держать пари, что это невозможно в принципе.

– Алё, народ! – проорал Кувалда в гарнитуру устройства связи, не отрываясь от управления. – Ребята, у меня тут Папа Юп выполз! На шестнадцатом километре!.. Ага, разберитесь... Мы с пассажиром полдесятка гоблинов положили... Ага, понял... Не, я объехал, а вот Рыжая Лошадь, похоже, вляпался... Ага, тоже не могу связаться. Ну, давайте... Хорошо, понял!

– Почему вы его зовете Папой? – поинтересовался Пестрецов.

– Потому что он в самом деле папа! – заржал Кувалда. – А все эти людоеды – его дети! Говорят, он когда-то был знаменитым пиратом, и звали его тогда Палач Юп. Но потом явились федералы, и пиратам пришел конец. Большинство просто сдохли, кого-то захватили, а Папа Юп вывернулся – симитировал свою смерть, а сам, как потом выяснилось, спрятался в пустыне. Оборудовал там логово из обломков и мусора, нашел себе женщину, выжившую после бомбардировок, и настругал с ней кучу детишек, из которых и сколотил новую банду. Что они жрали, пока безвылазно жили в пустыне, – неизвестно, наверное, друг друга. А потом им стало там тесно, и они выбрались на трассу.

– Когда же он сумел? – удивился Родим. – Пиратов ведь не больше десяти лет как разгромили.

– Ты не смотри, Леопольд, что они такие здоровые! Это мутанты. Им и по десяти лет нет. Они растут как на дрожжах, правда, тупые как пробки, но атакующую массовку изобразить способны. А пока они отвлекают внимание, Папа Юп лупит из плазмомета. И на лицо они жуть какие страхолюдные. Издали не видно, ман, а я пару их трупов видел вблизи, так веришь – сблевал!

– Что же вы их до сих пор не повыбили с такой техникой? – поинтересовался Родим. – Вывести в поле три машины с плазмометами – и амбец Папе.

– Прятаться горазды, сволочи, – вздохнул Кувалда. – И наших пока еще соберешь – эти уже шасть и в пустыне. А потеря полудюжины уродов при нападении на машину не слишком отражается на их общей численности. Говорят, Мама Юп печет их как блины, по пять штук в неделю. Она сама мутант, в ней четыре центнера весу. Если верить слухам, Папа держит ее в подвале растянута на четырех цепях, а то она жрет новорожденных мутантиков.

– Интересно живете, – хмыкнул Родим. – А что власти? Не планируют найти логово Папы Юпа и выжечь его?

– Да ну, брось, – отмахнулся водитель. – Какие еще, к дьяволу, власти? Пока тут пираты командовали – была какая-то власть, а как федералы их вычистили, все и кончилось. Федералам эта планетка на хрен не нужна: ресурсов кот наплакал, климат – дерьмо, да еще эта синяя гадость... Так что они разнесли тут все и быстренько убралась восвосяи.

– Что, вот так просто и убралась?

– Да нет, – хмыкнул Кувалда, – сначала, конечно, провели демократические выборы. И мы совершенно демократически избрали себе в мэры Клода Убуа. – Кувалда скривился, а потом не удержался и зло сплюнул в приоткрытое окошко.

Родим ждал продолжения. Кувалда некоторое время ехал молча, но потом все же продолжил:

– Так что теперь банда Убуа называется полицией и носит форму, ман.

– А почему он мэр, а не президент?

– Так здесь ведь только один город, один на всей планете. В других местах были только пиратские базы. И там теперь только большие воронки... Ну, и еще совсем уж мелкие поселения. А сюда пираты прилетали развлекаться да сбывать трофеи. Ну и получить какой-нибудь груз или оборудование, доставленное по официальным каналам. С того планета и жила. А теперь ничего нет...

– И что же, полиция... то есть боевики Убуа – они вообще ничего не делают?

– Ты имеешь в виду то, чем положено заниматься полиции? – Кувалда пожал плечами. – Да нет, делают. Соблюдают правопорядок. Но только на территории Убуа. Или для тех, кто ему платит. Или за хорошие деньги. Очень, скажу тебе, хорошие... А мы независимые и под мэра ложиться не желаем. Ему только дай палец – оттяпает всю руку по самые колени... Ну, а денег, чтобы профинансировать полицейскую спецоперацию, у нас нет. Лучше самим попробовать. Сейчас вон ребята подъедут с космопорта и попытаются покрошить Папу Юпа в капусту. Только ведь опять уйдет, скотина...

– Денег у вас нет, – с неудовольствием заметил пассажир, внезапно обратив внимание, с какой бешеной скоростью мелькают цифры в окошечках счетчика на приборной панели. – А такого безумного тарифа мне еще ни на одной планете не попадалось.

– Э, брат! – забеспокоился Кувалда. – Если ты неплатежеспособен, давай лучше сразу вернемся в космопорт, тебе меньше отрабатывать придется. Хорошие стрелки нам нужны, конечно, так что бить мы тебя не станем и кормить будем терпимо, ман, но все равно в рабстве у нашего брата-таксиста не сахар. Как и во всяком рабстве.

– Есть у меня деньги, езжай давай, – проворчал Пестрецов. – Только я не пойму, чем вы тогда отличаетесь от пустынных бандитов. Разве что не обстреливаете жертву предварительно да вроде не мутанты с виду.

– Ну, Лео! – широко ухмыльнулся водила, на мгновение обернувшись через плечо. – А ты думал, пиратов отсюда выбили и сразу настала райская жизнь? Ага, щас. Здесь вся инфраструктура под них заточена, ман, здесь все население десятилетиями их обслуживало. Думаешь, старые навыки так просто исчезают? – Он покачал головой. – Да нет, ты не пугайся, у нас все честно, но если нас пытаются кинуть, мы вынуждены наказывать. Слишком много желающих. Тут иначе и дня не проживешь. А что денег много берем... Так тут все дорого, брат. Все привозное, практически ничего не производится. Опять же за стоянку плати, крыше плати, Соединенным Мирам плати, ман. Знаешь, сколько набегает? По-хорошему, следовало бы разогнать весь местный сброд по галактике, а планету закрыть к чертям. И пусть Папа Юп с детишками жрут друг друга в пустыне. Но нет, не выйдет: народишко уже прикипел к этим пескам, опять же после пиратов уже кое-как устроился, в себя приходиться начал, а на других планетах куда девать такую ораву дармоедов? То-то же...

Вскоре над горизонтом показались прямоугольные серые башни города. У въезда в пригород на обочине стоял полицейский вездеход, возле которого маялся в жидкой тени облеплен-

ный цветом кандавы блюстителю порядка. Кувалда притер свой «Безумный Макс» к обочине позади него, остановился, вылез из машины и направился в сторону полицейского. Перебросившись с ним парой слов, постучал в окошечко вездехода. Оно опустилось, таксист что-то сунул туда, дурашливо козырнул двумя пальцами и вернулся к своей машине.

– А ты говоришь, дорого, – произнес он, снова выруливая на трассу. – Опять шакалы тариф подняли...

Город производил удручающее впечатление. На въезде их встретили полуразрушенные дома, огромные ямы посреди дворов, пустые глазницы окон – после бомбардировки никто даже не попытался ликвидировать ее последствия. Ближе к центру город понемногу начал оживать, замелькали разноцветные вывески и витрины, стали появляться недавно отремонтированные дома. Однако когда такси миновало круглую площадь с памятником какому-то бородатому военному в центре и с серыми небоскребами по краям, состояние окружающих домов и дороги вновь начало стремительно портиться. Вместо угрюмых, но прилично одетых граждан, попадавших на центральных улицах, замелькали уродливые бомжи, одетые в неопишумые лохмотья, группы малолеток, под футболками у которых натренированный взгляд Пестрецова привычно определял очертания крупнокалиберных стволов. Где-то впереди, за домами, бахнул одиночный выстрел, и тут же отозвалась пронзительным визгом очередь из плазмомета.

– Инфернус, – вполголоса произнес Кувалда. – Смотри по сторонам, Лео, я могу и не уследить...

– А где же граница? – удивился Пестрецов. – Где колючая проволока, вышки, прожекторы и КПП?

– Нету никакой границы, ман, – пояснил водитель, выкручивая руль. – Пацаны живут по строгим понятиям. Сразу, как ушли федералы, Убуа попытался наложить лапу на весь город. А кое-кто из крутых ребят захотел откусить кусок у самого мэра. Но у него всегда была самая сильная банда. А после выборов он еще и подгрел под себя все оснащение, которое федералы передали местной полиции. Так что две недели тут шли жуткие бои. Полгорода рвануло в пустыню, и у ребят Папы Юпа, надо думать, наступил праздник живота. Убуа порвал почти всех и подмял весь город, кроме Инфернуса, но понес такие потери, что решил не штурмовать мятежный район, а предпочел договориться, тем более что местные банды уже не представляли для него опасности. Здесь всегда селился самый безбашенный народ, постоянно грызущийся между собой, так что крупных банд, которые могли составить мэру серьезную конкуренцию, здесь отродясь не было. Так, падальщики, правда, много о себе мнящие... Но зато если бы Убуа сюда сунулся, в него палили бы даже кошки и крысы. Потому что даже они здесь ходят с оружием... – Кувалда оскалился. – Так что наш уважаемый мэр пообещал, что не станет вмешиваться в дела банд, но только в одном районе города. За это местные обещали не распространять свое влияние на остальной город – там денежки собирает полиция. Инфернус объявили зоной свободного и уголовно ненаказуемого ведения огня, после чего банды занялись друг другом, а власти – своими делами. Теперь те и другие почти не пересекаются, но местные крестные отцы хорошо понимают, что если они разозлят Убуа, тот уже не остановится ни перед чем. Поэтому никакая граница не нужна: если какие-нибудь отморозки попытаются нарушить договор, их уничтожат свои же, чтобы не вязываться в гораздо более кровопролитные разборки...

– За нами уже четыре квартала две машины едут, – внезапно прервал его Родим, поглядывая в заднее окошко.

– Ага, вижу...

Кувалда вдруг резко вывернул руль, одновременно ударив по газам. И тут же позади них раздался оглушительный взрыв и с тихим шелестом осыпался угол заброшенного здания, выходявшего в переулок, в который они свернули.

– Лео! К плазмомету, ман! – проорал таксист.

Пестрецова не было смысла подгонять: он уже занял позицию за орудием, широко расставив ноги и заклинив себя на заднем сиденье, чтобы не швыряло по всему салону.

Один из преследователей на темно-синем, неоднократно битом «Хамлете» на полной скорости пролетел мимо переулка, в который так неожиданно свернул «Макс» с двумя лохами, но другой, на черном полуспортивном «Лемере» тридцать лохматого года выпуска, плотно повис у них на хвосте. Переулок был узким, из-под колес «Макса» с пронзительными воплями выпрыгивали худые ободранные коты, усиленным бампером машина с грохотом сносила мусорные баки и баррикады из пластиковых ящиков под стенами домов. Из редких окон иногда раздавались гневные вопли местных жителей, один раз по крыше «Макса» ударила выпущенная с верхних этажей пуля. Родим держал преследователя в прицеле, но стрелять не рисковал: шар плазмы вполне мог зацепить какой-нибудь мусор сразу по вылету из «трубы», и тогда рвануло бы так, что могло повредить и их машину. Вылетая из переулка, Кувалда чиркнул правым крылом по кирпичной стене, оставив на ней чешуйки автомобильной эмали.

Переулок вывел их на набережную неширокой реки, с другой стороны ограниченную серыми фабричными корпусами. Выжимая из двигателя максимум, таксист с ускорением погнал по узкой полосе асфальта, каждую секунду рискуя проломить хлипкое ограждение набережной и ухнуть с высоты в мутную, покрытую масляными пятнами воду.

– Они нас не загонят в тупик? – крикнул Родим.

– Посмотрим! – отозвался Кувалда. – Выбора у нас все равно нет!

Преследователь вырвался из переулка на оперативный простор, и Пестрецов тут же полил его плазмой, раскрошив ему левую фару и снеся полкрыла. Бандиты ответили длинной очередью, которая вздыбила асфальт слева от «Макса».

– Если у них тоже есть ракеты, нам хана, – хладнокровно констатировал Родим.

– На черта им превращать нас в головешки? Им нужна машина и то, что из нее можно забрать! – прокричал водитель. – Они будут нас гнать, пока не загонят в ловушку. Потом спокойно заберут машину, а нас либо пустят в расход, либо продадут работаргочкам!

– Ну-ну! – зло прищурился Родим и вновь прицелился к прицелу, стараясь поймать преследователя, который, оценив его мастерство, принялся довольно умело бросать машину из стороны в сторону, то и дело скрываясь за кучами мусора и металлических обломков, валявшихся по всей ширине того, что в более цивилизованном месте называлось бы проезжей частью.

Прямо по курсу к ним стремительно приближался широкий металлический мост через реку. Вывернув руль с такой силой, что чуть не вырвал его из гнезда, Кувалда едва вписался в девяностоградусный поворот. Преследователь не сумел толком повторить его головокружительный трюк и ударился боком об угол здания, потеряв несколько драгоценных секунд. Однако тут же наперерез «Безумному Макс» вылетел из просвета между домами отставший было темно-синий «Хамлет». Ругаясь в голос, Кувалда бросил свою машину вправо, едва не врезавшись на полном ходу в фонарный столб, вылетел на растрескавшийся тротуар и погнал в противоположном от моста направлении. Автомобиль бандитов мчался параллельным курсом, пытаясь притереть «Безумный Макс» к стене и вынудить его остановиться. Родим зло выругался и отпустил рукоятки плазмомета: «Хамлет» влез в мертвую зону. Случайные прохожие, малолетняя шпана с разрядниками и сидевшие под стенами бомжи привычно исчезали с дороги, прячась в подворотнях, уползая на подвальные лестницы и поспешно вскарабкиваясь на бетонные козырьки вторых этажей: похоже, такая погоня не была тут в диковинку.

Высунув из окна руку с внушительным стволом, бандит, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, попытался снести Кувалде голову из крупного калибра. Тот тут же крутанул руль влево, и его верная тачка с грохотом врубилась крылом в бок «Хамлета». Особого вреда тяжелому внедорожнику это не причинило, однако стрелок потерял равновесие, и заряд ушел в пространство над крышей «Безумного Макса».

В этот момент их догнал старый знакомый «Лемер», и Пестрецов вновь принял к оружию, пытаясь поймать бандита в прицел. Пару мгновений спустя, оскалившись, Родим всадил заряд плазмы в «Лемер», снеся тому кусок самодельной брони, приваренной к грубому каркасу поверх кабины. Преследователь огрызнулся из автоматических спаренных пулеметов, установленных на крыше. Пули резанули по кабине «Безумного Макса», изрядно улучшив ее вентиляцию, и Пестрецов тут же снова нажал на гашетку, принеся точность попаданий в жертву плотности огня: ситуация сложилась очень серьезная, не дать противнику прицелиться сейчас было гораздо важнее, чем попасть самому. Так что обе машины мчались по улице в облаке разлетающихся во все стороны кусков асфальта и раскаленного крошева стен.

– Срань господня! – свирепо прохрипел Кувалда, и Родим невольно скосил глаза. Навстречу им по пустынной улице двигался внушительный «Генчлер». Огромный грузовик был специально оборудован для перемещения по зоне свободного ведения огня: его фургон, украшенный надписью «Бир Лига», и кабина были плотно обшиты броневыми листами, лишь в лобовом стекле были оставлены две узкие смотровые щели. Несмотря на это, грузовик явно не раз пытались атаковать: все его борта были закопчены и покрыты большими вмятинами. Кувалда быстро переложил руль влево, снова ударив «Хамлет» в бок. Сдвинуть внедорожник с трассы не удалось – его масса практически совпадала с массой «Безумного Макса», мощность мотора тоже. Бандит настойчиво отжимал Кувалду к стене. Таксист вильнул вправо и снова ударил преследователя, затем еще раз и еще, все увеличивая амплитуду. Удары с размаху начали все больше и больше сносить «Хамлет» на встречную полосу. «Генчлер» яростно загудел и начал притормаживать, хотя уже было ясно, что остановить такую машину до того, как ее трасса пересечется с маршрутом двух ненормальных водителей, практически невозможно.

Бандит взял на вооружение методику Кувалды и начал вилять бампером, стараясь мощными ударами с большой амплитудой оттеснить «Безумный Макс» к стене. Это получалось у него плохо, амплитуды явно не хватало, поэтому он внезапно почти до половины высунулся на встречу, чтобы сделать замах побольше. Коварный Кувалда тут же бросил свою машину влево и плотно притер ее к борту противника.

Взревели мощные двигатели. Внедорожник судорожно пытался снова оттереть такси на тротуар, но «Безумный Макс» не поддавался. Стремительно приближавшийся «Генчлер» ревел уже без перерыва. Наконец бандит понял, что если продолжит упорствовать, то может влететь в крупные неприятности. Он резко сбросил скорость, собираясь отстать от Кувалды и пристроиться ему в хвост, чтобы пропустить движущийся по встречной полосе грузовик, – и в то же мгновение «Безумный Макс», повинувшись хозяину, резко мотнул корпусом, ударив отстающего преследователя массивной задней частью в переднее крыло. Передок «Хамлета» вильнул, совсем чуть-чуть выскочив на встречную полосу, – но этого оказалось достаточно, чтобы грузовик зацепил его тяжелой лобовой плитой.

От скользящего, но сокрушительного удара «Хамлет» развернуло поперек трассы. Не успевший затормозить «Лемер» со всего размаху врезался в него, а с другой стороны нанес мощный удар бронированный фургон «Генчлера», который занесло от первого столкновения.

Такси стремительно удалялось от места аварии. Когда оно свернуло за угол, позади громынуло, и Родим поймал в целеуловитель огромный черный клуб дыма, поднявшийся из-за соседних домов.

– Что и требовалось доказать, – с удовлетворением отметил Кувалда.

Они без дальнейших приключений проскочили еще несколько улиц, не таких грязных и заброшенных, как прочие улицы Инфернуса, после чего водила затормозил у сверкающего огнями ночного клуба – похоже, это было самое приличное здание в радиусе полутора километров. Над его крышей парил в воздухе огромный виртуальный щит, на котором бесконечно чередовались три сотканых из лазерных лучей изображения: дамская ручка с тремя оттопыренными пальцами – надо понимать, это означало «три», – затем ослепительная дамская же

улыбка крупным планом – видимо, это означало «веселых», – а вот следующее изображение явно следовало понимать как «сучки»... Тут Пестрецов хмыкнул и покачал головой: своим детям, если бы таковые у него были, он такого не показал бы. Впрочем, местные дети, если таковые имелись, наверняка привыкли еще и не к такому.

– Ну, спасибо, брат, – сказал Родим, доставая деньги. – Вот твои четыре счетчика, кровопийца.

– Ладно, ман, – махнул рукой Кувалда. – Пусть будет два. Давно я так не веселился; будем считать, что я оплатил свой билет на аттракцион. Знал бы, что ты такой славный боец, ни секунды бы не раздумывал, стоит ли тебя везти в Инфернус. Я бы с тебя теперь вообще один номинал взял, грех обирать боевого товарища, но мне еще назад возвращаться, да и боеприпасы придется покупать...

– Ну, спасибо, – повторил Пестрецов, выбираясь из машины. – Кстати, ты где служил-то?

– А ты откуда знаешь? – сразу вскинулся Кувалда. – Пузатый Сэм сболтнул?

– Да нет, – покачал головой Родим. – Татуировка у тебя на плече, вытравленная. И акцент характерный. И тоска по боевому братству.

Кувалда поморщился.

– А, – проговорил он, – дело прошлое. А ты что, из наших?.. – Он тоскливо посмотрел на пассажира. – Ты тоже помнишь, как нам навалили у Бетельгейзе? Мне вот до сих пор по ночам снится...

Пестрецов не стал уточнять, что как раз и был одним из тех, кто навалил подразделениям Звездных Тюленей у Бетельгейзе. Для таксиста эта тема явно была слишком большой.

– Может, подождать тебя? – проговорил Кувалда, когда Пестрецов захлопнул дверцу. – Как ты будешь назад выбираться?

– Нет, не стоит. Я не знаю, сколько мне придется здесь пробыть. Выберусь как-нибудь.

– Слушай, у тебя хоть оружие-то есть какое-нибудь при себе, ман?

– Нет.

– Ты абсолютно чокнутый, – с благоговением произнес водитель, воздев руки к небу. – Какая жалость, что нам не довелось воевать в одном подразделении.

Они попрощались, и Кувалда укатил. За ним тут же устремилась одна из машин, до того стоявшая у раздолбанной обочины, однако она вернулась на место, не проехав и пятидесяти метров. Похоже, грозная слава старенького «Безумного Макса» распространилась по Инфернусу со скоростью тропического тайфуна. Местные силу уважали.

Родим двинулся ко входу в клуб «Три веселых сучки». Рядом со входом стену подпирали двое великовозрастных хичеров. С первого взгляда было видно, что это не те дебиловатые скучающие подростки из Альпинского космопорта, которые лет через пять-шесть, вытряся из голов дурь, станут скромными банковскими клерками и офисными менеджерами. Эти были гораздо опаснее, ибо убивать научились едва ли не раньше, чем говорить. Они не играли в отморозков, они действительно были отморозками.

– Эй! – Непрерывно шмыгая покрасневшим от «одуванчика» носом, один из них, с дико вздыбившимися на макушке волосами и красными линзами в глазах, внезапно откинул полу кожаной безрукавки, выхватил разрядник и направил его в лицо поравнявшемуся с ними Родиму.

– Что вам надо, ребята? – поинтересовался Родим, притормозив и благодушно прищурившись. – Можно я пройду?

– Деньги! – отрывисто пролаял хичер с разрядником. Оружие ходило ходуном в его руке. – Личный коммуникатор. Карточки. Быстро! Чемодан поставь!

– Хорошо, хорошо, – примирительно проговорил Родим, выполнив последнее распоряжение.

– Гнус, проверь карманы! – скомандовал хичер.

Его приятель двинулся к Пестрецову.

– Только сначала мне хотелось бы... – проговорил Родим, делая быстрый, неуловимо-текучий шаг ему навстречу.

На мгновение грабитель с оружием потерял жертву из виду. А когда его приятель вдруг захрипел и начал медленно оседать на землю, краем глаза оторопевший хичер снова заметил странного провинциала с дурацкой улыбкой, который внезапно возник откуда-то сбоку, протягивая руку к разряднику. В следующее мгновение мир в глазах хичера взорвался, и он без чувств рухнул на бетонные плиты перед входом в «Три веселых сучки».

Пестрецов с шипением потряс рукой – за семь лет слегка потерял форму, похоже, при ударе немного вывихнул запястье – и проверил разрядник. Недурственно.

– Видишь, Кувалда, теперь у меня есть оружие, – проговорил он, пряча разрядник в карман. – А ты, брат, расстраивался.

Прихватив чемодан, он вошел в клуб.

Глава 4

При входе в клуб двое вышибал в кожаных безрукавках (похоже, эта одежда была здесь остромодной в нынешнем сезоне) пропустили его через металлодетектор и, когда тот протестующе заверещал, привычно и аккуратно обшмонали с ног до головы. Забрав разрядник, выдали взамен металлический номерок, а оружие заперли в один из железных ящиков, стоявших вдоль стены. Судя по всему, заведение для этого района было весьма уважаемым – хозяева явно заботились о том, чтобы всякий гость мог расслабиться по полной программе, не ожидая получить в спину порцию плазмы из-за соседнего столика. Затрапезный костюмчик клиента вызвал немой вопрос в глазах одного из громил, но Родим достал из кармана несколько крупных купюр, и вышибала тут же отступил в сторону, удостоверившись в платежеспособности клиента.

Внутри было шумно и дымно, грохотала музыка, мелькали вспышки стробоскопов и лепестковых лазеров. Внушительный клубный зал был погружен в полутьму, поэтому разглядеть посетителей оказалось нелегко. Зато по двум сценическим подиумам и двум помостам щедро расплескивался свет ярких софитов. На подиумах, соблазнительно выгибаясь, танцевали две обнаженные девицы с вполне удовлетворительными формами.

На входе в зал гостя ласково ухватила под локоть миловидная китайка в прозрачной блузке – метрдотель. Пестрецов попросил столик подальше от грохочущих колонок, и китайка, понимающе улыбнувшись, сопроводила его в угол зала. Обзор отсюда, правда, открывался так себе, одной сцены не было видно вовсе, а ко второй приходилось выворачивать шею, но Родим в общем-то этого и добивался. Так было меньше шансов, что его узнают раньше времени.

Едва он расположился за столиком, к нему подпорхнула юная нимфа с подносом в руках. Из одежды на ней был только небольшой кокетливый передничек. Острые грудки нимфы задорно торчали вверх и чуть колыхались при ходьбе. Вся она была крепенькая и бодрая, как свежесорванное яблочко, так и подмывало шлепнуть ее по заднице и откусить кусочек. Но поскольку посетитель был явно из небогатых, на этот раз официантка не была расположена позволять ему такие вольности. Во всяком случае до того момента, пока он не подтвердит свою финансовую состоятельность. А вот в зале регулярно раздавались смачные шлепки, похожие на пощечины. Однако поскольку подпрыгивали при этом официантки, а не посетители, вряд ли это все же были пощечины.

– Виски, сэр? – первым делом поинтересовалось юное создание, подавая гостю меню.

– Нет, спасибо.

– Значит, водки? – Официантка низко наклонилась к Пестрецову, так что тот, если бы захотел, вполне мог бы дотянуться губами до одного из ее сосков. – У нас есть настоящая русская, контрабандная, со Светлого Владимира, – заговорщически проговорила она. – Только стоит она дорого.

– Солидно! – одобрил Родим. – Нет, водки не надо.

– О! Огненная бластерия – отличный выбор! – обрадовалась нимфа. – Сразу видно артистического человека!

– Принесите-ка мне для начала апельсинового соку, – попросил Пестрецов, захлопывая меню.

Девица обиженно заморгала:

– Сок и вода у нас подаются только к спиртному! Не желаете ли виски, сэр?..

Похоже, разговор пошел на второй круг.

– Хорошо, – сдался Родим. – Давайте виски.

– Что-нибудь на закуску? Кровавый стейк с картофелем фри?

– Не надо кровавого стейка. Я уже обедал.

Развернувшись и возмущенно продемонстрировав гостю крепкие вздернутые ягодицы, официантка поспешила к бару. По дороге она пару раз останавливалась у других столиков, и из полумрака доносился ее щебечущий голосок: «Еще виски, сэр?..»

Проводив девушку оценивающим взглядом, Пестрецов развернулся к стриптизному подиуму.

– Встречайте, друзья! – объявил одетый в блестящий смокинг конферансье на ближней к Родиму сцене. – Белая Королева!

Пьяные посетители вяло захлопали.

Под звуки тягучей музыки на подиум поднялась высокая, светловолосая женщина, с ног до головы затянутая в белый искрящийся шелк, который плотно обтекал ее весьма неплохую фигуру. Перемещаясь по сцене в странном плавном танце, она пикантно наклонялась и замирала на мгновение, фиксируя весьма соблазнительные позы. Пестрецову стало интересно, как же она станет избавляться от своего облегающего костюма: похоже, сбросить его эффектно и быстро, как и положено в стриптизе, будет не так-то легко.

Однако все оказалось гораздо проще. Белая Королева повернулась к залу спиной, и переливающаяся ткань вдруг словно стала сползать с ее спины, исчезая на глазах. Костюм был сделан из поляризованного шелка, и теперь, когда расположившийся возле диджейского пульта помощник, направив на стриптизершу подключенную к специальному устройству электронно-лучевую трубку, аккуратно водил по ее телу направленным пучком электронов, ткань на их пути меняла статический заряд на противоположный и становилась абсолютно прозрачной.

Из наглухо закрытого платья быстро превращалось в декольтированное спереди и сзади. Приоткрыв ложбинку между грудей танцовщицы, невидимый напарник перешел к ногам и принялся методично укорачивать длинный, до пола, подол узкой юбки.

С открытыми плечами и ногами девушка выглядела значительно соблазнительнее. Она по-прежнему перетекала с места на место, принимая эффектные позы и замирая на мгновение лишь для того, чтобы потерять еще какую-нибудь часть платья. Напарник довольно ловко работал с электронным устройством и ошибся только один раз, когда стриптизерша после очередной паузы пришла в движение чуть раньше, чем было нужно, и ее попку перечеркнула по диагонали узкая полоса ставшей невидимой ткани. Впрочем, так получилось еще пикантнее.

У столика Пестрецова возникла официантка, которая принесла виски. Поставив бокал на стол, она как бы невзначай прижалась к его предплечью теплым обнаженным бедром и чуть потерлась о него – похоже, она успела переброситься парой фраз с вышибалой на входе. Не удержавшись, Родим все-таки звонко шлепнул девушку по ягодице, заслужив лукавую улыбку с ее стороны.

Когда официантка удалилась, Пестрецов вернулся к созерцанию шоу. Юбка исполнительницы уже превратилась в очень смелую мини-юбку, а верх платья – в топик. Еще несколько соблазнительных танцевальных движений – и от белого топика осталось только подобие лифчика, а мини-юбка превратилась в трусики. Некоторое время девушка эффектно изгибалась всем телом в «белье», а потом вооруженный электронно-лучевой трубкой невидимый напарник приступил к основному.

Разумеется, под платьем у девушки совсем ничего не было, и Пестрецов сумел убедиться, что она натуральная блондинка. Белая Королева покрутилась на сцене абсолютно голая, а потом ее напарник включил генератор переменной частоты, и платье на теле танцовщицы стало то появляться, то снова исчезать. По окончании номера Пестрецов решил, что выступление в общем-то было вполне приемлемым, и присоединился к аплодисментам публики.

На соседней сцене между тем объявили Мисс Ящерицу, но как Родим ни выворачивал шею, увидеть ее танец так и не смог.

Прикладываясь время от времени к дрянному виски, Пестрецов задумчиво наблюдал эротическое шоу. Одна за другой перед ним выступили Госпожа Капитан, Плохая Девочка, Ласковая Киска и Огненная Птица. Девицы, естественно, были не высшего качества, но для бандитского гетто вроде Инфернуса более чем удовлетворительные. Каждые пять минут возле столика появлялась официантка в передничке, которая заботливо осведомлялась: «Виски, сэр?», «Не желаете ли еще виски?», «Может быть, виски?», «Вам обновить, сэр?», «Еще виски?». В конце концов Пестрецов начал уже издали отгонять ее жестами, когда она направлялась к его столику.

– А теперь любимица публики – Железная Леди!

Зал приветствовал Железную Леди радостными возгласами и одобрительным свистом. Родим отодвинул полупустой бокал и повернулся к сцене.

Появившаяся на подиуме танцовщица была не так молода, как предыдущие стриптизерши. Все в ее облике дышало зрелой женской красотой, причем красотой агрессивной, атакующей. Ее окрашенные в стальной цвет волосы торчали в разные стороны длинными остроконечными иглами. На Железной Леди было какое-то громоздкое металлическое одеяние – не то рыцарский доспех, не то стилизованный скафандр высшей защиты, украшенный шипами и острыми выступами; впрочем, приглядевшись, Пестрецов решил, что это все-таки не металл, а плотная ткань, имитирующая текстуру металла, – уж слишком легко двигалась стриптизерша. Даже он в такой груди железа едва волочил бы ноги – если, конечно, дело не происходило бы на станциях с пониженной гравитацией.

Под тревожную музыку Железная Леди исполнила довольно сложный танец с акробатическими номерами. Судя по выразительным движениям, ее кто-то атаковал – то ли дикие звери, то ли неведомые враги. Нанося невидимому противнику сокрушительные удары, стриптизерша понемногу теряла элементы своего скафандра, и под ним начало вырисовываться довольно привлекательное женское тело – гораздо более интересное, чем у предыдущих танцовщиц.

Вокруг воительницы уже громоздились горы воображаемых трупов, когда она осталась только в фиолетовых трусиках и в чем-то вроде полупрозрачной маечки. У нее были очень узкие женственные запястья и тонкокостные ноги, однако мускулы на руках и ногах выделялись под кожей заметными холмиками. Стриптизерша не была перекачана до безобразия, как чемпионки Соединенных Миров по бодибилдингу, однако ее никак нельзя было принять и за капризную избалованную неженку вроде Ласковой Киски. По ее гармоничной спортивной фигуре, по решительному выражению лица, по чуть презрительному взгляду можно было безошибочно угадать опытного бойца, прошедшего не одну схватку – причем явно не только на стриптизном подиуме. Впрочем, для такого вывода достаточно было просто оценить кувырки и пируэты, которые она выполняла в этом номере.

Сделав заднее сальто, она в полете разорвала на себе маечку и, извернувшись в воздухе, приземлилась на подиум спиной к публике и прикрыла грудь руками, словно внезапно застеснявшись. У нее была красивая загорелая спина, чистая, не изуродованная угрями или белыми полосками от купальника. Пестрецов услышал, как за соседним столиком кто-то застонал от вожделения. Между тем воительница развернулась лицом к зрителям, все еще прикрываясь руками. Ее плоский живот часто вздымался от дыхания, длинные ресницы трепетали, упругая кожа поблескивала от выступившей испарины. Мужчины в зале, затаив дыхание, жадно пожирали ее разгоряченными взглядами.

Железная Леди изящным движением убрала левую руку с груди, однако правая продолжала прикрывать оба соска. Зал застонал. Раскачиваясь всем корпусом из стороны в сторону, словно змея перед броском, воительница еще некоторое время мучила распаленных самцов и наконец милостиво разрешила им увидеть свою высокую грудь безупречной формы. В одних узких трусиках она исполнила еще несколько сложных прыжков, ее тугая узкая попка так и

мелькала перед возбужденными зрителями. Прыгнув на вертикальный шест в углу подиума, она дважды прокрутилась вокруг него, давая присутствующим оценить свое восхитительное тело со всех сторон и полюбоваться игрой мышц под загорелой кожей.

Родим словно зачарованный следил за выступлением Железной Леди. Да, безусловно, это был высший класс, не чета всем предыдущим, и немудрено, что она стала любимицей местной публики.

Покинув шест, стриптизерша совершила сложный тройной прыжок через голову и приземлилась на самом краю подиума. Какой-то миг Пестрецову казалось, что она не удержит равновесия и рухнет прямо на сидевших за ближними к сцене столиками, но расчет был точным. Легко развернувшись на носках, Железная Леди низко наклонилась и начала медленно, мучительно медленно спускаться с крутых бедер поблескивавшие в свете прожекторов трусики. Когда пылающим взорам зрителей предстала трепетная расщелина между ягодицами, девушка резко присела на корточки, одновременно рывком сдернув трусики до самого низа. Выпрямившись, она подцепила их каблукочком прозрачной босоножки и швырнула в зал. Возле сцены раздался судорожный скрип сдвигаемых столов, в полумраке метнулось несколько темных фигур, послышался шум потасовки. Два охранника от дверей кинулись в темноту зала, пытаясь восстановить порядок.

Когда Пестрецов снова перевел взгляд на подиум, совершенно обнаженная стриптизерша уже снова кружила вокруг шеста и демонстрировала очень неплохую растяжку, поочередно забрасывая то одну, то другую ногу выше головы. Еще около минуты она извивалась всем телом и танцевала под взглядами похотливых самцов, а под конец запрыгнула на шест. Болтая ногами в воздухе, она сомкнула ладошку на шесте у себя над головой и, глядя в зал, трижды решительно и резко скользнула рукой по толстому металлическому стержню вверх-вниз, после чего музыка оборвалась.

Зал радостно взревел. Родим готов был дать голову на отсечение, что у половины мужчин в этом зале сейчас мокро в штанах.

Когда Железная Леди покинула подиум и ее сменила Подруга Пирата, Родим жестом подозвал знакомую официантку, которая неумоимо сновала между столиков. Та приблизилась к нему, старательно покачивая бедрами:

– Еще виски, сэр?

– Нет, спасибо. Я бы хотел узнать, где здесь можно приобрести цветы?

Ошалело блыгнув глазами, официантка с благоговейным ужасом уставилась на него. Похоже, с тем же успехом он мог спросить у нее, где здесь можно недорого купить живого слона или боевой крейсер.

– Может быть, все же кровавый стейк?.. – пробормотала она.

– Вы неправильно поняли, я не собираюсь закусывать цветами, – смущенно улыбнулся Родим. – Видите ли, мне очень понравилась одна из артисток, и я хотел бы в знак восхищения послать ей красивый букет.

Официантка так же ошалело произнесла: «Да, сэр». На ее кукольном личике застыло сложное выражение: ужас из глаз исчез, сменившись смесью потрясения и озадаченности. Еще пять минут назад Пестрецов готов был бы держать пари, что ничто во Вселенной не сможет шокировать эту девицу, однако в действительности сделать это оказалось проще простого.

Шустро проскользнув через весь зал, девушка в передничке подошла к охраннику у дверей и принялась что-то возбужденно ему рассказывать, то и дело крутя пальцем у виска.

Когда Подруга Пирата спускалась со сцены, возле столика Пестрецова нарисовался тот самый охранник.

– Вы действительно хотите послать одной из стриптизерш цветы, сэр? – поинтересовался он.

– Ага, – простодушно кивнул Родим. – Это запрещено правилами заведения?

– В общем-то нет, – задумчиво произнес охранник. – Просто сколько я тут ни работаю, никто еще такого не делал... А кому именно вы хотите преподнести цветы?

– Железной Леди, – ответил Пестрецов, всячески демонстрируя свое смущение. – Я даже готов заплатить вам, если вы согласитесь поспособствовать...

– Отличный выбор! – Услышав имя понравившейся гостю дамы, охранник вдруг расцвел, ослабившись во всю пасть, словно в предвкушении какого-то радостного события. – Это действительно замечательная девушка! Не надо мне никаких денег, я буду очень рад помочь, а стоимость букета вам включат в счет. Люди должны помогать друг другу, не правда ли? Более того, я постараюсь устроить так, чтобы вы смогли лично вручить букет артистке. Только вам придется подождать до конца представления, потому что доступ в гримуборные до окончания программы категорически запрещен.

– Ничего страшного, я подожду.

Когда основная программа эротического шоу подошла к концу и немногочисленных оставшихся посетителей принялись развлекать нон-стоп неумело скакавшие вокруг шестов стриптизерши низкого класса, к столику в углу вновь приблизился охранник, держа в руках небольшой букет генетически модифицированных фиалок, лепестки которых мягко сияли в полумраке серебристым светом, а на мохнатых листьях словно застыли светящиеся капельки росы. С церемонным видом, едва скрывая ехидную усмешку, охранник вручил посетителю букет и пригласил следовать за собой.

В дальнем конце зала уже зажгли приглушенный свет, поэтому по пути к гримуборной Родим заметил, что его инициатива отчего-то крайне заинтересовала весь персонал заведения. Так что он двигался под перекрестным обстрелом десятков глаз охранников, официанток, стриптизерш и барменов, наблюдавших за ним с жадным интересом и обменивавшихся кривыми улыбками. Родим понимающе ухмыльнулся про себя и, приблизившись к двери, на которой по трафарету было написано: «Железная Леди», изобразил на лице крайнее волнение пополам с любовным томлением (ну, как смог – впрочем, в данной ситуации особого артистизма не требовалось). Остановившись у двери, он картинно потеревил букетик и, повинувшись приглашающему жесту охранника, робко постучал.

Изнутри слышалось:

– Какого хрена? Пошли вон.

Охранник беззвучно отступил на два шага назад – как ему показалось, совершенно незаметно для гостя.

– Извините, мадам, я был столь поражен вашим выступлением, – противным фальцетом с нарочитой дрожью в голосе прогнусавил Родим, – что мне хотелось бы в благодарность преподнести вам эти замечательные цветы...

– Ч-ч-чего?!

Дверь гримуборной внезапно распахнулась от резкого удара изнутри и с грохотом врубилась в стену. Если бы ожидавший этого Пестрецов не прынул всем телом в сторону, ему наверняка досталось бы дверью между ног.

На пороге нарисовался предмет мечты скромного лоха, весь вечер проторчавшего за самым дальним столиком с одним-единственным стаканом виски. На Железной Леди были камуфляжные штаны и армейская футболка цвета хаки, открывавшая тренированные бицепсы. Волосы, на выступлении торчавшие длинными серебристыми иглами, уже были тщательно промыты, высушены и стянуты резинкой в конский хвост: на самом деле они оказались яркими. На кисть ее правой руки, уже занесенной для удара, был надет кастет из никелированной стали.

– Разодрать мою задницу, – ошеломленно пробормотал предмет мечты, облакачиваясь на дверной косяк и складывая руки на груди. – Это ж Песец.

– Привет, Рысь, – произнес Родим уже своим обычным голосом. – И скольким ты уже отбила яйца?..

Он не сумел отказать себе в удовольствии и чуть повернул голову, чтобы полюбоваться потрясенной физиономией охранника...

* * *

– И давно ты здесь трясешь задницей?

– Да уж больше полугода.

Они сидели в дальнем углу опустевшего зала, за тем самым столиком, и лакали местное виски. Оба успели сойтись на том, что больше всего это пойло напоминает самогон, который Казимеж гнал на Фарсалосе из картофельных очисток и абрикосовых косточек, только оно тому самогону и в подметки не годится. Однако они не были достаточно артистичными людьми, чтобы травить себя огненной бластерией, а так называемая контрабандная «Боярская» со Светлого Владимира на самом деле не имела с настоящей ничего общего: обычный плохо разбавленный спирт. На столе перед ними в стакане воды мягко мерцали фиалки.

– А до этого где тебя носило? – поинтересовался Родим, бултыхая в бокале темно-коричневую жидкость с резким запахом. – Я на тебя вышел чудом.

– Сразу после отставки вернулась в родные края и пыталась начать жить нормальной жизнью. – Рысь помолчала, скрипнула стулом. Подняла взгляд на собеседника. – Отчего-то не смогла. Ну, чего тебе объяснять, сам небось все понимаешь... Завербовалась на рудники в пояс Алыгавы. Там было тяжело, но здорово. Изматывающая работа, тяжелые условия, тупой быт, чужие люди вокруг – то, что нужно, чтобы побыстрее забыть о Дальнем Приюте. Но меня оттуда быстро вышибли. Когда количество шахтеров, которых я изувечила, перевалило за второй десяток, руководство шахт заявило, что не намерено терпеть убытки и постоянно решать вопрос с наймом нового персонала из-за того, что какой-то сучке взбрело в голову, будто у нее между ног сокровище, которое следует защищать всеми доступными средствами, включая табуретки с камбуза, распорные штанги и запасные буры большого диаметра.

Покачав головой, она еще плеснула себе виски из стоявшей на столе бутылки: в местном баре у нее был неограниченный кредит. Пестрецов не стал ухаживать за ней и наполнять ее бокал – Рысь страшно этого не любила.

– Потом моталась по галактике, – продолжала она, отхлебнув. – Кое-какие связи остались, устраивалась то там, то здесь. Так, чтобы побольше выматываться и поменьше вспоминать. Оцедонтов кормила в Мирмикейском зоопарке. – Она невесело фыркнула. – Но Горно-стоям ли бояться грязи, командир? А насчет денег – так много ли мне надо? Конура чуть побольше шкафа да пожрать два раза в день. Никого видеть не хотелось, думала, повешусь или с ума сойду... Пару раз устроилась на более или менее приличную работу, но на одной оказалось слишком много свободного времени, а со второй тоже быстро турнули – там надо было спать с хозяином. То есть это в контракт не входило и выяснилось уже потом, по ходу дела, так что у нас с руководством сразу возникло взаимное непонимание. В общем, в конце концов выбросило меня прибором сюда. За полгода уже стала здесь достопримечательностью – как же, стриптизерша, которая никому не дает! У местных такое в голове не укладывается...

– И что, много уже яиц отбила? – усмехнулся Родим.

– Да уж не меньше сотни. – Рысь презрительно скривилась. – Мачо недоделанные...

Она крепко и многоэтажно выругалась. Пестрецов посмотрел на нее с уважением.

– Сначала, конечно, обижались сильно, – продолжала Рысь. – Не понимали, что сами виноваты, что не нужно мне их собачье внимание. Пытались избить, порезать, изнасиловать... Но куда этим детям улиц до настоящего профессионала! Кое-кого пришлось вразумлять жестокими переломами и травмами черепа. Первое время я вообще ночевала прямо в гри-

мерке с разрядником под подушкой. Сейчас вроде бы отстали – местные силу уважают, да и хозяин заведения имеет мощную крышу, а я ему неплохие деньги приношу как-никак. Так вот и живу. Иногда мне кажется, что я не улетала с Мирмикее и по-прежнему работаю в зоопарке – в павильоне приматов... В общем, именно то, что надо. – Она залпом допила виски и со стуком поставила бокал на столик. – Ну, а ты как, Песец?

Родим пожал плечами:

– После отставки тоже сначала вернулся домой. Сперва вроде бы нормально было. Словно отболело все внутри и выгорело. А потом – не смог. Не смог на себя по утрам в зеркало смотреть. Не смог видеть свои награды, особенно за последнюю операцию, тошно мне становилось. Не смог встречаться с сослуживцами, не смог читать газеты. Бросил все, удрал на Ярило VI, родину моих предков. Я ведь столичный житель только во втором колене, – усмехнулся Пестрецов. – От самого себя удрал... Губерния у нас оказалась приграничная, народу мало, земли много. Местные пособили – отстроил себе хуторок, завел хозяйство, на охоту стал ходить. Коровку завел...

– Настоящую, местную? – вдруг по-детски заинтересовалась Рысь. Она-то видела коровок Ярилы разве что в зоопарке на Мирмикее.

– Настоящую.

– А они что, действительно родичи божьим коровкам?

– Да нет, просто похожи... Они не насекомые – млекопитающие. Мясо вкусное, и молоко полезное. И панцири используются в промышленности... – Пестрецов помолчал. – В общем, обжился. Привык. И ты знаешь, вдруг почувствовал, что оказался дома. Живут люди простой, чистой, здоровой жизнью. Все друг друга знают, всё своими руками делают. Пираты высадутся – в течение получаса ополчение встает. Ни на кого не рассчитывают, ни на что не жалуются, а Родину любят: и малую, и большую – все миры России... Одним словом, начало меня прошлое понемногу отпускать. Совсем бирюком стал, даже говорить и думать начал как местные. Другим человеком сделался. Решил уже, что сумел наконец от самого себя спрятаться, что больше не придется по ночам вскакивать с перекошенной физиономией и лечить совесть при помощи «Боярской»... – Он замолчал.

– И что же случилось? – поинтересовалась Рысь, глядя в сторону. Она уже знала ответ, хотя Родим не обмолвился еще об этом ни словом.

– На прошлой неделе мне пришло личное послание.

Рысь задумчиво постукивала длинными коготками по бокалу.

– От него? – сухо спросила она после долгой паузы.

– От него.

– Ты поэтому меня разыскал?

– Да.

На несколько мгновений за столиком повисла напряженная тишина, а затем Рысь, вздохнув, произнесла:

– Ясно. – И поднялась из-за стола.

– Ты куда? – осторожно спросил Родим, поворачивая голову вслед за ней.

– Вещи собирать, командир. Куда ж еще?..

Они вылетели через два дня, после того как Рысь урегулировала все свои дела с хозяином заведения. Она сделала это сама, без помощи Песца – и всего лишь ценой двух перелетов у охранников. Все это время в клуб «Три веселых сучки» продолжалось паломничество толпы народа, желающих посмотреть на супергероя, который после знакомства с Железной Леди ухитрился сохранить яйца в неприкосновенности...

Глава 5

Этот корабль был гораздо более грязным, убогим и старым, чем тот лайнер, который, совершив промежуточную посадку для дозаправки, доставил Пестрецова в бывшую пиратскую республику. На нем не имелось ни зимнего сада, ни бильярда, обстановка и ассортимент баров были совершенно спартанскими, а шум двигателя глухо проникал через все переборки и преследовал пассажиров повсюду. Пассажиры здесь тоже подобрались попроще и погрязнее. Зато Родиму и Рыси досталась довольно неплохая двухместная каюта с широкой по местным меркам двуспальной кроватью – более дешевые места были раскуплены за месяц до рейса, так что выбирать не приходилось. Так сказать, эконом-вариант каюты для новобрачных...

Проснувшись утром, Родим осторожно, чтобы не потревожить лежавшую рядом женщину, подпер голову рукой и стал задумчиво разглядывать свою боевую подругу. Она словно почувствовала это, пошевелилась, приоткрыла глаза.

– Чего уставился-то? – пробурчала Рысь, потягиваясь. – Дырку проглядишь.

– Любуюсь, Светка, – честно признался Пестрецов. – Ты совсем не изменилась.

– В клубе не налюбовался, что ли? – Она выбралась из постели и встала посреди каюты, сладострастно потянувшись, тряхнула огненной гривой, дразня Родима восхитительными изгибами нагого тела.

– Там было слишком далеко.

– За просмотр обычно деньги платят, – проворчала Рысь, двинувшись в сторону душевой кабинки. – И хорошие чаевые! – крикнула она, уже задвинув за собой пластиковую ширму.

– С меня выпивка, – пообещал Пестрецов, откидываясь на подушки.

Вчера он вовсе не собирался ворошить прошлое, вновь возвращаться к давно перевернутой странице их взаимоотношений. Это глупо, это всегда мучительно неловко и недостойно имперского офицера. И разумеется, Родиму совершенно не хотелось, чтобы Светка отбила ему яйца, как нескольким десяткам предыдущих претендентов на ее руку и тело, – а эта стерва могла, она знала очень коварные приемы. Каюта для новобрачных была для него лишь очередным крошечным неудобством на пути к цели, вроде Папы Юпа или хичеров в Альпинском космопорте. Все, что касалось Рыси, уже давно перегорело и умерло в душе Песца. Он абсолютно серьезно собирался вчера вечером дружелюбно пожелать ей спокойной ночи, отвернуться к стене и мирно уснуть. Однако все получилось по-другому, причем так естественно, легко и восхитительно, словно они на самом деле были молодоженами. С одной стороны, загадки это не составляло: судя по рассказам Светы, мужчин у нее не было очень давно, да и Пестрецов на своем хуторе не был избалован дамским обществом. И словно не было этих семи лет разлуки, словно они расстались только вчера, словно никогда в их судьбе не возникало роковых слов «Дальний Приют»... Но с другой стороны, между ними по-прежнему бездонным горным ущельем пролегало то, из-за чего они когда-то разбежались по всей галактике. То, что до сих пор не давало Родиму дышать полной грудью. То, из-за чего он немедленно сорвался с места, едва получив послание императора, хотя оно совершенно ни к чему его не обязывало. У них с Рысью была бурная ночь, но язык у Пестрецова не повернулся бы назвать ее ночью любви. Скорее это была ночь товарищеской взаимопомощи и сексуальной психотерапии. И мужчина с удовлетворением отметил, что к утру женщина наконец расслабилась, стала не такой напряженной и тревожной, как все эти последние дни перед отлетом...

– Знаешь что, Песец! – крикнула она из душевой кабинки, пытаясь перекрыть шум воды. – Если ты думаешь, что это что-нибудь значит и что у нас теперь все будет как когда-то, ты эти мысли сразу засунь себе поглубже в задницу, хорошо?

– Договорились, – хладнокровно отозвался Родим. – Яблочко помой мне, пожалуйста.

* * *

Первые два дня они отсыпались в своей каюте, а к вечеру третьего выбрались в бар. Посетителей было немного, на затемненном танцполе под медленную музыку жадно тискались нетрезвые парочки, пытавшиеся изобразить, будто они танцуют. Пестрецов с Рысью взяли по пиву и пристроились за одним из угловых столиков.

– Интересно, – задумчиво проговорила Рысь, отхлебнув пива, – а почему он прислал послание именно тебе?

Родим молча пожал плечами. Она еще несколько мгновений помолчала, то ли ожидая ответа, то ли просто пытаясь его перемолчать, а затем сдалась и переменяла тему:

– А как ты меня нашел?

– Найти тебя было очень непросто, – покачал головой Пестрецов. – Я не стал обращаться ко Второму управлению. Не хочу сказать, что у их аналитиков меньше мозгов, чем у меня, но я лучше тебя знаю. Ты скиталась по таким дырам, что они вполне могли тебя и не отыскать. А я знал заранее, куда следует заглянуть в первую очередь... К тому же чем меньше мы оставим следов в официальных структурах, тем спокойнее я себя буду чувствовать.

– Мозги тут ни при чем, – вздохнула Рысь. – Просто я пряталась от себя, а не от тебя. – Она сделала паузу. – А насчет следов... Ты имеешь в виду возможность наличия «крота»?

– Нет, – качнул головой Песец. – Вряд ли все так плохо. Но береженого, как ты понимаешь, Бог бережет. Не случайно же послание пришло мне в обход всех силовых ведомств, с личным вассалом. На всякий случай, как я понимаю. На Дальнем Приюте ведь, похоже, не обошлось без предательства.

Они помолчали.

– Знаешь, Песец, – проговорила наконец Света, – спасибо, что забрал меня оттуда. И спасибо, что растормошил. Я думала, у меня уже никогда ничего не будет – ни секса, ни настоящего рискованного дела...

– Обращайся, если еще понадобится, – проронил Родим.

Отодвинув очередную пустую стопку, с высокого стула возле стойки сполз массивный бородатый хичер в черной кожаной куртке и коричневых сапогах с острыми носами. На рукавах и лацканах у него позвякивали какие-то серебристые цепочки, всклокоченная шевелюра неопределенного цвета напоминала воронье гнездо. Описав по залу большую кривую дугу, хичер выбрел на столик, за которым сидели Песец с Рысью, и оба инстинктивно поморщились: судя по всему, последний раз он принимал душ еще до Ипалайского конфликта.

Обнажив в кривой ухмылке гнилые зубы, бородач бесцеремонно ухватил Рысь за локоть:

– О, какая сладенькая! А ну, киска, пойдём-ка потанцуем!

Она вроде бы не сделала ни единого движения, но хичер вдруг ощутил, что сжимает воздух. Тогда он накрыл ладонью ее руку, лежавшую на столе, и агрессивно обратился к Пестрецову:

– Ты не возражаешь, браток?

– Нет-нет, – с политкорректной улыбкой Родим сделал миролюбивый жест. – Пусть подруга развлечется.

Рысь чуть изменила позу, и бородач внезапно снова ощутил, что под его ладонью пусто. Убедившись, что строптивая киска внимательно смотрит на него, переплетя пальцы обеих рук и положив на них подбородок, он попытался схватить ее за запястье. Пальцы его опять встретили пустоту. Он хотел поймать ее за другую руку – и снова неудача. Пьяный хичер никак не мог понять, что происходит: странная телка вроде бы почти не двигалась, медленно, казалось, даже лениво чуть отстраняясь и отодвигая руки в стороны, однако он никак не мог даже прикоснуться к ней, промахиваясь, словно совершенно потерял ориентацию от выпитого.

Наконец Рыси надоела эта игра. Мелькнула в воздухе ее узкая кисть, и лапа хичера с размаху ударилась о ребро столешницы. Громила взревел от боли.

– Ах ты, сучка! – заорал он, пытаясь сунуть пострадавшую руку за пазуху и никак не попадая куда надо.

Девушка с интересом наблюдала за его действиями. Наконец, когда он уже зацепил во внутреннем кармане разрядник и почти вытащил его наружу, она чуть привстала и несколько раз стремительно ткнула бугая стиснутыми в щепоть пальцами в руку, правую сторону груди, левое бедро и шею, отчего тот дико заорал и повалился на пол бара, трепыхаясь и булькая, словно выброшенная на берег рыба. Мышечный спазм – штука сама по себе жутко болезненная, а уж когда в этом процессе участвуют целых четыре ключевые мышцы, вообще невыносимая.

Родим несколько секунд рассматривал дергающееся на полу тело, а затем перевел взгляд на свой бокал, сгрэб его и сделал большой глоток. Похоже, Рысь действительно оттаивала: на этот раз она ничего не сломала нахалу, ограничившись только небольшим уроком.

– Ничего, что я за тебя не вступился? – поинтересовался Пестрецов, разглядывая свой бокал с пивом на свет.

– Попробовал бы, – сварливо отозвалась Рысь, опускаясь на свое место. – Тогда бы я подралась не с ним, а с тобой.

– Ну, я, в общем, так и подумал.

* * *

Через час, подписав протокол допроса у корабельного шерифа, которому по большому счету было на все наплевать, лишь бы на его судне не оказалось трупов – о чем он сразу довольно прозрачно намекнул всем участникам инцидента, – Песец и Рысь направились к своей каюте. Контора шерифа располагалась в самых недрах третьей палубы, поближе к помещениям для пассажиров третьего класса, где, как всем известно, на любом грузопассажирском корабле сосредотачиваются наиболее криминальные элементы. Так что любой разумный человек на месте Песца и Рыси постарался бы как можно быстрее покинуть столь опасное и него-степриимное пространство, занимавшее почти треть объема корабля.

Лифтовые холлы располагались с противоположной стороны корпуса, поэтому пришлось подниматься пешком по лестничным трапам. Трапы представляли собой бурые от огромных пятен ржавчины металлические лестницы с узкими пролетами. Они оказались загажены еще больше, чем лифты и внутренние коридоры: когда в третьем классе засорилась канализация, быдловатые пассажиры использовали их в качестве сортиров. Стены лестничных маршей были так густо изрисованы светящимися в полумраке непристойными надписями и граффити, что невозможно было определить их первоначальный цвет. На паре пролетов барахлили генераторы искусственной гравитации, поэтому ступеньки уходили из-под ног и передвигаться здесь можно было, только перебирая руками по грязным перилам.

Они преодолели уже четыре уровня, когда снизу послышался дробный грохот башмаков бегущих людей. Рысь посмотрела на Песца, тот кивнул ей и, оттолкнувшись руками от перил, а левой ногой от пола, одним движением взлетел вверх по стене. В то же мгновение Света не моргнув глазом перешла на такой темповый рисунок шага, который создавал впечатление, будто вверх по ступеням по-прежнему движутся двое.

Родим уцепился пальцами за крупные ячейки вентиляционной решетки, вжался в металлический такелаж под потолком на высоте четырех метров, надежно заклинив свое тело в обра-зованном потолком и стеной углу, и тихонько стукнул ногой по плафону освещения в том месте, где из патрона выходил электрический шнур. Плафон замигал, потом погас, и пролет трапа погрузился в серые сумерки. В принципе света, просачивавшегося с лестниц сверху и

снизу, было вполне достаточно, чтобы не спотыкаться, да и на фоне потолка Родим, зацепившийся за решетку вентиляции и опершийся носком ботинка на потухший плафон, выделялся внушительной темной кляксой, так что разглядеть его было довольно просто. Если глядеть. Но кто же будет смотреть вверх в такой спешке, да еще когда и ступеньки в полутьме разглядеть надо, и задние в спину дышат, перед глазами маячат спины передних, а в крови бурлят и требуют молодецких подвигов дрянное виски и «черный одуванчик»?..

Преследователи нагнали Рысь спустя всего два пролета. Хичеров было полдюжины – все в косых кожаных куртках и высоких подкованных сапогах с острыми носами, патлатые, немые и с растрепанными бородами. Видимо, это была единая банда, члены которой старались как можно больше походить друг на друга. Обиженный Рысью громила трусил позади, морщась от боли при каждом шаге.

Светлана ждала их на лестничной площадке, развернувшись к ним лицом и заложив руки за спину. Радостно загомонив, великовозрастные балбесы высыпали на площадку, охватывая ее медленно сжимающимся полукругом.

– Их вроде двое должно быть, – озабоченно произнес вдруг один из наркоманов и завертел головой в поисках спутника девушки.

– Еще дозу прими, – посоветовала Рысь. – Тогда в глазах не то что двоиться – четвериться начнет.

– Крутая стерва, – одобрительно ослабилась один из хичеров – тот, что бежал по лестнице первым. – Ты зачем нашему корешу больно сделала, рыжая?

– Всем, кто трогает меня без моего согласия, я делаю больно, – пояснила Рысь, не спуская с него взгляда. Этот тип в темных очках выглядел наиболее серьезным противником из всей шестерки.

– О! Уважаю, леди. – Очкастый изобразил шутовской полупоклон. – Ну, значит, мы не станем вас трогать без разрешения. Верно, пацаны?

Хичеры неуверенно заржали, не понимая, куда он клонит.

– Вот, – с удовлетворением отозвался вожак. – И пацаны согласны. Давайте так, прекрасная леди: отсосете каждому из нас по разу – и можете быть совершенно свободны. Мы даже не станем оставлять безобразных порезов на вашем милом личике, как собирались вначале, потому что уважаем смелость. И разумеется, все будет происходить по обоюдному согласию, чтобы вы не сделали нам больно. Договорились, детка?

– У меня встречное предложение, – заявила Рысь. – Вы сейчас разобьетесь на пары и бодренько отсосете друг другу. И тогда вашему здоровью не будет нанесено непоправимого ущерба.

– Остроумная детка, – криво усмехнулся вожак, и его ухмылка тут же превратилась в зловещую гримасу. – Значит, по-хорошему не понимаешь, – прошипел он, двинувшись вперед. – Жаль, я люблю, когда все по-доброму, с улыбкой и пониманием...

– Хочешь, я тебе улыбнусь? – донеслось снизу. – С пониманием?

Хичеры обернулись. На лестнице, отрезая им путь к отступлению, стоял Пестрецов и неторопливо наматывал на кулак полудюймовую стальную трубу, из которой были сделаны перила трапа. Труба сопротивлялась, скрипела, но гнулась.

– Слышали, что сказала дама? – поинтересовался Родим. – Снимайте штаны.

– Зря ты это... – неодобрительно покачала головой Рысь.

– Чего? – недоуменно спросил Песец.

– Перила сломал, – вздохнула Светка, – и вообще... – Она снова покачала головой.

Песец вопросительно смотрел на нее.

– Не вмешивался бы ты, – продолжала она, – а то шериф расстроится.

– Почему это?

– Ну, он же просил обойтись без трупов. А покалечить их я могу и без твоей помощи...

Песец пожал плечами и, стянув с кулака скруток трубы, бросил его на пол.

Звон упавшего на металлический настил увесистого стального комка заставил ошалевших хичеров вздрогнуть всем телом...

Глава 6

До прибытия на планету Войтыла Песец с Рысью еще пять раз побывали у корабельного шерифа – пассажиров в третьем классе летело много, а Рысь категорически отказывалась сидеть всю дорогу в каюте. Покидая корабль, они впервые увидели на лице блюстителя закона радостную улыбку.

Прибыв в столицу Войтылы Несвадбу и сняв номер в гостинице, путешественники сразу отправились по адресу, который пять лет назад прислал Родиму в электронном письме Лось – он, видимо, вовсе не собирался прятаться ни от бывших сослуживцев, ни от Второго управления, ни от самого себя. Однако когда они обнаружили дом номер восемнадцать по улице Станислава Лещиньского, выяснилось, что по этому адресу расположен небольшой тренажерный зал. Управляющий залом работал недавно и ни о каком детективном бюро «Круль Казимеж» никогда не слышал.

– Он мог поменять адрес, – сказала Рысь, когда они вышли на улицу. – Сейчас я залезу в Сеть и за пять минут...

– Если он от кого-то скрывается, Сеть не поможет, – резонно заметил Пестрецов.

– Чепуха. Совсем не оставлять следов в электронном пространстве он не сумеет.

– Сыграем? – предложил Родим.

– Как в старые добрые времена? – прищурилась Рысь.

– Точно. Ты ищешь Лося в Сети, я – при помощи агентурных сведений. И кто быстрее.

– А что получает победитель?

– Бесплатную выпивку.

– Идет.

Несмотря на пари, они не разбежались тут же в разные стороны, а вместе двинулись к бару через дорогу от тренажерного зала. Только войдя внутрь, они разделились: Рысь направилась к терминалу в дальнем углу, а Родим подошел к стойке и заказал порцию «Выборовой».

– Черт, – потерянно проговорил он, потирая шею.

– Выдался тяжелый день, пан? – тут же отреагировал седой бармен, протиравший белоснежным полотенцем пивные бокалы. – Послушайте старого Янека: нет лучшего средства от проблем, чем добрая беседа! Поведайте мне свою беду, и мы непременно найдем выход.

– Да сглупил я, – признался Пестрецов. – Специально завернул на Войтылу, чтобы повидать друга детства. А он вместе со своей конторой куда-то переехал, и коммуникатор его не отвечает...

– Сочувствую, – покачал головой бармен. – Такое бывает сплошь и рядом. Улетел человек на другую планету, и нет его. Я сам так четыре года брата искал, и вот что вам скажет старый Янек: найти его было совсем нелегко!..

– А может быть, вы встречали моего приятеля? – поспешно вклинился Родим, опасаясь, что его ожидает подробный рассказ о длительных поисках брата старого Янека. – Он прямо напротив вас работал, у него было детективное бюро. Казимеж Витковский его зовут.

– А, Круль Казимеж! – Бармен сразу расплылся в счастливой улыбке. – Знаю, конечно. Замечательный человек, поверьте старому Янеку, раньше постоянно к нам заходил. Очень любит пиво «Живец» и охотно дает на чай. – Он озабоченно сдвинул брови. – Пан Витковский переехал совсем недавно на окраину; говорят, у него немного не заладились дела, но это ненадолго, наверняка ненадолго – Круль Казимеж не такой человек, чтобы его дела долго не ладились, старый Янек разбирается в таких вещах!

– А вы не знаете, куда именно он переехал? – старательно удерживал беседу в нужных рамках Песец.

– Разумеется, знаю! – возмутился бармен. – Старый Янек лично помогал ему грузить вещи! Записывайте, уважаемый пан...

Через четверть часа Рысь вызвала Родима через коммуникатор и довольным голосом произнесла:

– Песец, я буду водку. Только настоящую, а не как в «Трех веселых сучках».

– Что, нашла Лося? – поинтересовался Пестрецов.

– Ага. Сеть у них тут, конечно, та еще, но я быстро разобралась, что к чему. А еще у них отвратительно поставлена система учета граждан – вольная колония, видите ли, никакой бюрократии, никаких паспортов. Но это, как ты понимаешь, не препятствие для профессионала. Короче, улица Яна Бжехвы, дом...

– Двадцать пять, – подхватил Родим. – Строение три.

– Разорвать мою задницу! – оторопела Рысь. – Ты тоже нашел?

– Ага. Только я еще смотался туда на такси, чтобы лично убедиться, что это именно то, что нам надо. Сейчас еду назад.

– Ах ты, старый прохвост!

– Спасибо за комплимент, солнышко. Я буду водку. Только настоящую.

– Я тебе не солнышко, пьяница!

* * *

В своем новом офисе Казимеж появился только к полуночи. Рысь и Песец весь вечер провели в баре в районе новостроек на северной окраине, наблюдая через панорамные окна за зданием, в которое переехало детективное агентство «Круль Казимеж». Когда перед входом в небоскреб припарковался помятый глдер и из него тяжело выбралась знакомая крупная фигура Витковского, Пестрецов обменялся взглядами с боевой подругой, и они разом поднялись из-за столика.

– В общем, как договорились, – строго произнес Песец. – Никакой самодеятельности, это может быть опасно. Значит, я завожу отвлекающий разговор...

– А я захожу сзади!

В вестибюле недавно отстроенного небоскреба было не так чтобы очень роскошно, но вполне чистенько. Пахло свежей краской и гипсополимером. Похоже, переживающий, по слухам, не лучшие времена Лось переехал сюда, потому что аренда помещений здесь пока обходилась сравнительно дешево: хозяева здания пытались привлечь первоначальной дешевизной побольше новых клиентов.

Сориентировавшись по висевшему у входа списку расположенных в здании офисов и организаций, Пестрецов и Рысь поднялись в зеркальном лифте на сорок третий этаж, прошли по длинному коридору с гофрированными пылепоглощающими стенами и остановились у скромной двери с номером 4379.

– Пять – два – девять, – одними губами произнесла Рысь.

Песец кивнул. Рысь распласталась по стене возле дверного косяка, а сам Пестрецов извлек из кармана отмычку-генератор. Прилепив отмычку к электронному дверному замку, он запустил ее и посмотрел на напарницу. Та показала ему один палец, затем два, затем три, затем четыре. Разогнуть пятый палец она не успела: отмычка, отлепившись от замка, свалилась в предусмотрительно подставленную ладонь Пестрецова. Дверь с едва слышным чмоканьем приоткрылась.

В приемной было темно: войдя, Лось не стал зажигать света. Это оказалось на руку вторгшимся в пределы частной собственности взломщикам. Быстро проскользнув в дверь, они прикрыли ее и затаились во тьме, по обе стороны от прорезавшей ее полоски света, пробивавшейся через неплотно закрытую дверь кабинета. В щель был виден работающий монитор и сидевший

перед ним спиной к двери хозяин агентства, низко склонившийся к экрану, – разглядеть можно было только его седеющий затылок; время от времени он нажимал пальцем на сенсорный коврик, отзывавшийся тонким писком, – видимо, сортировал какие-то данные.

Песец коснулся запястья Светы, крутанул рукой в воздухе, выбросил два пальца: атакуем с двух сторон. Они беззвучно начали приближаться к приоткрытой двери...

– Руки вверх, ребята, – негромко раздалось сзади.

Казимеж за компьютером никак не отреагировал на эти слова, а вот Песцу с Рысью пришлось замереть на месте. Голос доносился с расстояния в пару-тройку метров, поэтому вряд ли было хорошей идеей сделать нижний «вертолет» и попытаться выбить оружие у наглеца: одному из взломщиков вполне мог достаться заряд в голову. Кроме того, у нападавшего было еще одно преимущество – его глаза наверняка уже давно полностью адаптировались к темноте.

– Три шага вперед.

Песец и Рысь с поднятыми руками послушно сделали три шага вперед, почти уткнувшись в противоположную стену.

– Лицом ко мне.

Они развернулись. Незнакомец неторопливо щелкнул выключателем настенного светильника, и прихожую залил неяркий свет.

– И тут Казимеж, – негромко произнесла Рысь.

Да, это тоже был Казимеж Витковский по кличке Лось. Он стоял в углу прихожей и обеими руками сжимал портативный плазмомет, дуло которого было направлено на Пестрецова. Некоторое время он молча разглядывал застигнутых на месте преступления взломщиков, затем крылья его носа свирепо затрепетали, уголок рта зловеще искривился и пополз вверх.

– От с-сволочи! – с чувством процедил он. – Думали застать меня врасплох? Молитесь, твари!

– Руки-то можно опустить? – осторожно поинтересовался Родим. – С поднятыми руками молиться неудобно.

– Я тебе их сейчас в задницу засуну, пся крив! – пообещал Лось. Однако вместо этого он засунул свой плазмомет за пояс и с угрожающим видом шагнул к Песцу и Рыси. В следующее мгновение они одновременно оказались заключены в медвежьи объятия пана Витковского, причем столь энергичные, что Рысь пискнула и начала активно сопротивляться: рукоять плазмомета беспощадно впиалась ей в ребра. – Мать вашу, ребята! Да откуда же вы тут? Тысячу лет не виделись!

– Да вот, пролетали мимо, решили заглянуть, – пояснил Родим, похлопывая приятеля по спине. – А у тебя появился брат-близнец? Познакомил бы.

– А, этот, – небрежно махнул рукой Казимеж. Выпустив друзей из объятий, он шагнул в кабинет, снял со своего двойника куртку, в которой выходил из глйдера, и повесил ее на вешалку. Затем подхватил лже-Казимежа под мышки и начал стаскивать с кресла, освобождая себе место.

– Десантная макивара? – поинтересовался Пестрецов, заглядывая в кабинет.

– Ага. Полноростовая, полирезиноид, в любом спортивном магазине навалом. Вы приходите, ребята, располагайтесь, я вам сейчас кофейку сделаю. – Лось прислонил своего фальшивого двойника к столу и захлопотал над кофейным автоматом в углу. – Черт, как вы неожиданно, прямо как снег на голову!

– Нет ли чего-нибудь покрепче? – скривилась Рысь, усаживаясь в гостевое кресло.

– Нет, подруга, ты не поняла, – обиделся Лось. – Я вам сделаю *своего* кофе.

– О, – качнула головой Светлана. – Прости.

– Ловко ты нас поймел. – Устроившийся в другом кресле Песец дотянулся до макивары и снял с нее игрушечного щенка – именно его короткая шерстка столь похоже изобразила

стриженный затылок склонившегося над компьютером Казимежа. – Узнаю штатного мастера маскировки подразделения Горностаев.

– Мастерство не пропьешь, – согласился Витковский, подавая Пестрецову пластиковый стаканчик с дымящейся жидкостью внутри. – Особенно если пить только кофе мгновенного приготовления.

– А как он управлял сенсором компьютера? – спросила Рысь.

Лось молча вынул из-под сенсорного коврика работающий наручный коммуникатор. Звуковой сигнал был отключен, работал только виброзвонок. Когда коммуникатор в очередной раз начинало хаотично подергивать и подбрасывать вверх, он приподнимал покрывавший его коврик, и в какой-то момент тот рабочей поверхностью касался угла стоявшей рядом с ним аудиоколонки. Раздавался знакомый писк – издали возникало полное ощущение, что сидевший за столом Казимеж дотронулся до коврика.

– Обалдеть, – покачал головой Пестрецов и осторожно пригубил кофе. – Господи, что ты делаешь с этими кофейными автоматами?! – внезапно воскликнул он. – Как тебе удается настраивать эти глупые штуки таким образом, что вместо фабричной дряни они начинают варить божественный напиток? Может, ты какое волшебное слово знаешь?

Казимеж, как обычно, раздулся от гордости.

– А как же! – надменно произнес он, усаживаясь за стол. – Мы, истинные потомки шляхтичей, вообще склонны достигать совершенства в любом деле, особенно в военном и кулинарном.

Рысь держала стаканчик с кофе в руках, задумчиво глядя на прислоненную к столу макивару.

– Ты кого боишься-то, Лось? – негромко спросила она. – Ты же это все оборудовал не для того, чтобы нас разыграть?

Витковский сразу поскучнел, зашуршал бумагами на столе.

– А, – нехотя произнес он, не глядя на Светлану, – чепуха. Результат успешного расследования. Перебежал дорогу одному князьку преступного мира Войтылы. Обрубил ему с помощью местной народной полиции все щупальца, так он мне, видишь ли, объявил вендетту. Пару раз уже чуть не ухлопал. Приходится принимать меры... – Он снова махнул рукой. – В общем, пустяки. Ну, а теперь вы выкладывайте все начистоту.

– Что именно? – невинно вскинул брови Песец.

– Слушай, не считай меня глупее полковника Денисенко! Надеюсь, ты не думаешь, что я поверю, будто вы просто соскучились, причем оба сразу, и всего лишь приехали повидать старого друга?

Песец улыбнулся и пожал плечами:

– Ну, а вдруг?

– Ладно, – сердито нахмурился Лось, – кончай кривляться. Выкладывай все как есть, пся крев!..

Выслушав то, что поведал ему Песец, Лось откинулся на спинку кресла и, ненадолго задумавшись, нехотя качнул головой:

– Я пас.

– То есть?! – мигом вскинулась Рысь.

Лось пожал плечами:

– Вот то и есть. Все просто – я в отставке. У меня теперь совершенно другая жизнь. И я не собираюсь возвращаться.

Света так резко поставила стаканчик на стол, что кофе выплеснулся через край.

– Ты сам-то понял, что сейчас сказал?! – прищурившись, произнесла она. – Ты хорошо подумал?

– Я об этом семь лет думал, – хладнокровно заверил ее Казимеж. – Думаешь, я не понимал, что рано или поздно придется вернуться к этому вопросу? Семь лет размышлял, всю голову свернул набок, размышляя... И знаешь, вот лет пять назад – пошел бы с вами не задумываясь. Пару лет назад – бардзо обмозговал бы, но все равно бы пошел. А сейчас – не пойду. Хватит.

– Разорвать мою задницу! – рявкнула Рысь. – Да что случилось-то?! Смотри, мы опять все в сборе, мы опять вместе. Я сижу рядом с Песцом, и мне не хочется провалиться при этом сквозь землю. В чем дело, сержант?

Витковский взял со стола отставленный Рысью стаканчик кофе, отхлебнул, поморщился: обжегся. Поставил его на место.

– Я больше не сержант, – с трудом проговорил он. – Капут, все сроки вышли. Я теперь нормальный гражданский. У меня бизнес, у меня клиенты, у меня кредит в банке и в ближайшей пивной, и я не собираюсь ломать свою успешную, размеренную, налаженную жизнь ради всяких бредней и никому не нужных моральных терзаний в духе средневековых...

– Это наемных убийц на живца ловить – размеренная жизнь? – криво усмехнувшись, перебила его Рысь. – Значит, нет у тебя никаких моральных терзаний? Приспособился, шляхтич? Забыл Дальний Приют, засунул поглубже на чердак памяти?

– Я ничего не забыл, – отрезал Лось. – Тем более Дальний Приют. И не собираюсь. Но подписываться на это дохлое дело – не стану! И точка.

Рысь открыла рот для следующей реплики, однако ее внезапно опередил Пестрецов, спротививший вроде бы совершенно невпопад:

– Казимеж, а почему ты так и не женился?

Лось, который уже готов был разразиться очередной гневной тирадой, ошарашенно загнулся, а затем насупился и спросил:

– А... с какой стати тебя это интересует?

– Ну, я ведь помню, у тебя была девушка, ты мне даже как-то показывал ее голосником...

– Это мое личное дело! – отрезал Витковский.

– Понятно. Слушай, а сколько ты зарабатываешь?

– Это мое личное дело, – снова пробурчал Казимеж.

– Да нет, без проблем, – вскинул руки Песец, – мне просто интересно.

Витковский сумрачно помолчал, а затем буркнул:

– Ну... в среднем около шестисот кредитов в месяц выходит...

– То есть где-то сто восемьдесят имперских рублей. – Родим кивнул и перевел взгляд на Рысь: – А ты?

– Что – я?

– Сколько зарабатывала у себя в клубе?

– Ну, я не такая богатая, – сердито проворчала Рысь, – в лучшие времена доходило до четырехсот, но такие времена бывали нечасто.

Пестрецов снова кивнул:

– Значит, сто двадцать. Ну, а у меня выходило где-то сто пятьдесят – сто шестьдесят. – Он сделал короткую паузу, вздохнул, а затем тихо спросил: – А не скажете ли мне, коллеги, почему мы, имея императорскую военную пенсию в восемьсот рублей, сбежали от семей и друзей и, забившись в самую глухую дыру, какую каждый из нас только смог себе представить, ведем полурастительную жизнь на полторы сотни в месяц, старательно не обращая внимания на почти тридцать тысяч полновесных имперских рублей, которые скопились на счету у каждого из нас?

Ответом ему было молчание. Когда пауза стала совсем уж невыносимой, Песец вновь заговорил – тихо, размеренно, спокойно:

– ...И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем. И услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали...

Песец сделал короткую паузу, взболтал остатки кофе, залпом допил и продолжил:

– ...И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите? Ведь мало же вас, и все одно все здесь поляжете». Они же ответили: «Веры мы христианской, земли Рязанской, а от полка мы Евпатия Коловрата. А и поляжем мы, да и с радостью, потому как поклялись мы землю Рязанскую беречь, а не сберегли. И потому нет нам мочи клятвопреступниками жить...»

Пестрецов замолчал. Некоторое время в офисе Казимежа висела напряженная тишина, а затем Родим вновь заговорил:

– Так вышло, что из всей роты Горностаев выжили только мы трое. Мы знали, что идем на смерть. Но что значила наша смерть по сравнению с тем, что мы должны были совершить? И вот... все они – мертвы. А мы живы и... *не смогли*.

В офисе вновь установилась тишина, а затем Лось глухо произнес:

– Это нечестно. Я в этом не виноват.

Песец горько усмехнулся:

– Ты это кому говоришь – мне? Знаешь, сколько раз я сам валялся без сна, напряженно размышляя, что было бы, если бы я повел вас через третью вентиляционную шахту, или как все сложилось бы, если бы Клык не попер через лифты, а обошел их по внешним транспортным пневмотрубам... Только все зря. Никто из нас ничего себе не доказал...

Витковский пожевал губами. Спросил сумрачно:

– И что из этого?

Родим вздохнул:

– Да в общем-то ничего. Просто *он* дает нам еще один шанс. На то, чтобы перестать жить клятвопреступниками.

– Перестать жить?.. – горько усмехнулся Лось.

– Может, и так, – кивнул Песец. – Риск очень большой. Но сам понимаешь, если бы все было просто, это не был бы *такой* шанс. И я не собираюсь его упускать. А ты... как хочешь. – Он поднялся. – Мы вылетаем завтра, рейсовым, на Талгол. Был рад тебя повидать.

Он протянул руку, и Лось с некоторой заминкой ее пожал.

– А кофе у тебя действительно превосходный, – сказал Пестрецов. – Как в старые добрые времена.

Резко развернувшись, он вышел из офиса.

На улице едва поспевавшая за ним Рысь, все это время шагавшая молча, внезапно произнесла:

– Кажется, я наконец поняла.

– Что? – удивился Родим.

– Почему *он* прислал послание именно тебе...

* * *

На следующее утро они стояли в терминале космопорта Войтылы, бездумно глядя через толстые панорамные окна на взлетно-посадочную полосу.

– О нем думаешь? – поинтересовалась Рысь, положив ладонь на руку Пестрецова.

Родим поморщился.

– Жаль, – произнес он. – Я на него очень рассчитывал. Но это действительно его личное дело.

– Вдвоем нам будет совсем трудно. Придется привлекать кого-нибудь со стороны.

– Ничего страшного, справимся. – Песец усмехнулся: – В первый раз, что ли? Подразделение Горностаев боеспособно, пока жив хоть один боец.

Объявили посадку. Они уже поднимались в погрузочную галерею, когда на другом конце терминала показалась мчащаяся со всех ног плотная рослая фигура. Рысь тронула Пестрецова за предплечье. Тот обернулся, посмотрел в зал. Остановился.

Спустя минуту Казимеж, взлетевший вверх по эскалатору, тяжело дыша, притормозил рядом с ними и возмущенно замахал руками:

– Пся крев, вы что же себе думаете?! У меня бизнес, обязательства... у меня люди, клиенты, которые на меня рассчитывают! Я же не мог вот так все бросить!

Песец кивнул:

– Точно, не мог. Ты ведь из нашей команды, а значит, человек ответственный.

– Всю ночь мотался, – буркнул Казимеж, старательно изображая недовольство, – пришлось даже метнуться гиперзвуковиком на восточное побережье. Едва успел вернуться...

– Ну так успел ведь, – рассмеялась Рысь и обняла Лося.

Витковский больше не имел сил показательно дуться и заулыбался во всю пасть. Глядя на них, усмехнулся и командир...

Глава 7

Этот тип появился сразу после сиесты. Джек Киприади, хозяин охранного агентства, отчаянно зевая, как раз выбрался из комнатки отдыха позади своего офиса, где дремал после обеда. Последнее время работы было слишком много, и Джек катастрофически не высыпался. На прошлой неделе, к примеру, ему пришлось потратить слишком много сил и нервных клеток, чтобы уладить неприятности с Красавчиком Хуаресом, которого даже трое ребят из агентства Киприади не сумели уберечь от обманутого мужа одной из его новых подружек. Рогоносец, правда, воспользовался услугами конкурирующей фирмы, так что против Красавчика, кроме него, вышли еще шестеро с бейсбольными битами. В результате Хуарес попал в больницу, а Киприади – на бабки: хоть Красавчик и был обычным брачным аферистом и жиголо, в криминальных кругах Тахомы, столицы Талгола, связи у него оказались неплохие. Все защищавшие его ребята уволились сразу после инцидента: естественно, им не понравилось, что на них повесили всех собак, хотя они защищали клиента до последнего и не оказались рядом с ним на больничной койке только в силу своей хорошей специальной подготовки. Однако кому-то так или иначе пришлось бы стать крайним, и Киприади не хотел, чтобы крайним назначили его. Поэтому он сам назначил крайних, чтобы как-то отчитаться перед Аллигатором Ларри, смотрящим по району. И даже несмотря на это, пришлось понервничать и побегать, чтобы утрясти скандальное дельце.

Еще не проснувшийся как следует Джек разом вскинул голову, едва только могучая фигура посетителя заслонила солнечный свет, падавший через дверной проем. Неплохая реакция и неплохие связи – вот в общем-то и все, что досталось Киприади после службы в Межпланетном легионе. Окинув гостя оценивающим взглядом, Джек сразу понял, что это вряд ли клиент. Такому бугаю охрана без надобности, гляди, чтобы сам кого-нибудь не покалечил. Настоящий лось – большой, грозный, мохнатый. Он выглядел сердитым, даже когда улыбался.

– Привет, хозяин, – произнес лось, стараясь улыбаться пошире, по-американски. – Бардзо отличный денек! Говорят, в последнее время у вас сильная нехватка персонала?

Киприади оказался прав – бугай искал работу. Презрительно скривившись, Джек с достоинством произнес:

– Прости, приятель, но у нас солидная контора. Мы не набираем людей с улицы.

– Очень мудро! – Посетитель растянул свою улыбку так, что казалось, его голова вот-вот треснет посередине. – Но ведь я не с улицы.

– Н-да? – Хозяин охранной фирмы еще раз окинул его взглядом с головы до ног, словно только что увидел. – Ну и какие же у тебя рекомендации? Кто тебя знает?

– Скажем, Голодный Койот, или Дуг Заноза, или Берт Фюрер. Но главный мой рекомендатель – это, конечно, Потрошитель Зак. – Здоровяк выговаривал эти клички с таким благоговением, что Джек почувствовал легкое недоумение. На мгновение незнакомцу удалось сбить его с толку.

– Не знаю таких, – мрачно сообщил он. – Какие районы они держат? Кто это такой – Потрошитель Зак? Он от Колхейнов или от Бенуцци?

– О, сэр! – Лось со значением воздел к потолку палец. – Потрошитель Зак – это наш бывший сержант.

– Ты издеваешься надо мной? – спокойно спросил Киприади, уже начиная про себя прикидывать, как выпроводить этого ненормального с минимальными моральными потерями. – Какой еще, к дьяволу, сержант? Ты что, коп?

– Сами вы коп! – обиделся амбал. – Сержант Зак, Потрошитель, знаменитый командир подразделения Звездных Тюленей!

– Ты служил, что ли?

– Ну. Я ж так и говорю.

Мысли Джека вдруг приобрели другое направление. Брешь, образовавшуюся в личном составе охранного агентства «Киприади», следовало немедленно закрывать, однако надежных и подготовленных людей у него на примете не было. То есть надежные были, и подготовленные тоже были, но почему-то эти два качества в последнее время никак не хотели сочетаться в одном флаконе. А если так или иначе придется укомплектовывать агентство подготовленными, но ненадежными, отчего бы не попробовать этого крепкого на вид солдата?

– В Ипалайском конфликте участвовал, Тюлень? – поинтересовался Киприади.

– Конечно! – Незнакомец снова широко заулыбался, и Джек замер на мгновение: вот сейчас его башка точно треснет! Нет, пронесло. – Пся крев, ну и навалили же нам тогда русские! Только перья по галактике полетели.

– Что-то ты развеселился не в меру, мистер шутник, – строго осадил его Джек, обиженно насупившись.

– О, прошу прощения, – сразу посерьезнел лось. – Ты тоже участвовал, брат?

– Шесть лет в Межпланетном легионе, – небрежно козырнул двумя пальцами хозяин охранного агентства.

– О! – Незнакомец обеими лапами бережно потряс руку Джека. – Союзник! Вы нас здорово выручили тогда, когда прикрывали отход флота. Без вас жертв было бы в два раза больше. И русских вы покروшили много.

Киприади раздулся от гордости. Этот огромный простецкий парень нравился ему все больше и больше. Да и как может не нравиться человек, которому ты когда-то, можно сказать, спас жизнь. «Беру, – решил Джек. – Если пропустит не больше трех ударов, беру на испытательный срок с полной ставкой».

Со снисходительной улыбкой он деликатно высвободил свою руку из ладоней незнакомца и нанес ему первый удар из задуманной серии, который каким-то странным образом провалился в пустоту...

В следующее мгновение Киприади ощутил на лице что-то холодное и мокрое. Голова почему-то раскалывалась от боли. Джек попытался приподняться, и висок прострелила такая страшная боль, что он едва не застонал.

– О господи, сэр! – причитал над ним незнакомец, державший в руках намоченное полотенце. – Перепрошую пана! Видит бог, я этого не хотел!

– Что случилось? – проскрипел хозяин охранного агентства, ощущая на языке отвратительный металлический привкус крови. – Да убери ты от меня эту штуку! – рассердился он, когда лось попытался еще раз провести полотенцем ему по физиономии.

– Сэр, мне показалось, что вы хотите ударить меня. Честное слово, сэр, это просто рефлексы! У меня и в мыслях не было...

– Ты меня вырубил?! – поразился Киприади. – С одного удара?..

– Нет, сэр, то есть да, но я не виноват!

Джек рывком сел, пытаясь унять впившуюся в мозг боль.

– Надеюсь, сотрясения ты мне не устроил... – Кряхтя, он поднялся с пола, опустился на стул. – Черт, как же это?

– Выходит, вы меня не возьмете? – убитым голосом произнес бывший Звездный Тюлень.

– Не дождешься, – проворчал Киприади. – Сволочь! – Охнув, он схватился за голову. – Ты почти принят в штат охранного агентства «Киприади» с испытательным сроком в два месяца. Через полтора часа будь здесь, поспаррингуешь с моими ребятами, я посмотрю. И если у тебя действительно получилось случайно, не взыщи. Как тебя звать-то, громила?

– В подразделении называли Бампер, а вообще-то Кенни...

Через два часа Джек Киприади сидел на лавке в тренировочном зале и, прижимая к голове мешочек со льдом, сосредоточенно наблюдал, как Кенни Бампер швыряет по всему

помещению его лучших сотрудников. Именно швыряет – другого слова для описания этих странных спаррингов хозяин охранного агентства подобрать не мог. Сначала охранники выходили против новичка один на один, но редкий из этих боев продолжался дольше полуминуты. Тогда Джек велел им работать по двое, но и с двумя противниками бывший десантник справлялся без особого труда. Теперь с ним спарринговали трое партнеров одновременно.

– Ты где его взял-то, этого вундеркинда? – поинтересовался Дон Соммерсби по кличке Хряк, доверенный помощник Джека, который в первом же спарринге заработал вывих и теперь сидел рядом с шефом, наблюдая за ходом схватки.

– Сам пришел, – поморщился Киприади.

– Думаешь, подстава?

– Да не похоже... Думается мне, у парня нелады с законом, иначе он нашел бы себе более высокооплачиваемую работенку. Но это мы как-нибудь утрясем.

– Ага. Или он просто хорошо подготовленный агент внедрения.

– Слушай, брось! Джек Киприади – невелика птица, чтобы мелкие конкуренты внедряли в его компанию таких подготовленных агентов. Я все же думаю, что у этого поляка какие-то проблемы в жизни, и поэтому пока его можно дешево купить. И я, пожалуй, рискну. Зря, что ли, вы в курилке байки травите про мою легендарную жадность, балбесы? Надо соответствовать имиджу.

К этому времени на ногах в зале не осталось никого, кроме Кенни Бампера. Слегка запыхавшийся новобранец подошел к своему работодателю, который задумчиво смотрел на него снизу вверх.

– Хорошо размялся, пся крев, – радостно сообщил Бампер, поигрывая бицепсами. – Даже жарко стало. Ну, когда начнем спарринги?

Соммерсби и Киприади озадаченно посмотрели друг на друга...

Когда спустя полчаса счастливый Кенни Бампер покинул офис охранного агентства «Киприади», уже являясь его штатным сотрудником, Джек прошел в комнату отдыха и отдернул плотную бархатную занавеску, прикрывавшую дальний угол. За занавеской обнаружился невысокий, усыпанный засохшими цветами и полусгнившими фруктами алтарь из вулканического туфа, на котором восседала, скрестив ноги по-турецки, странная гипсовая статуэтка. У нее было шесть рук, слоновий хобот и толстый пивной живот. Над головой статуэтки парил крест, вписанный в полумесяц.

– Спасибо, благая дева Шри-Христос Фатима, – смиренно произнес Джек, одну за другой зажигая палочки благовоний и всовывая их по очереди в каждую ручку статуэтки. – Ты послала мне славный экземпляр. Прими благосклонно эти ароматические воскурения в знак моей благодарности. Но мне нужны еще двое таких же. Хотя бы один, а? Если пришлешь мне еще одного такого же, я зарежу белого петуха и окроплю алтарь. И помажу тебе губы петушиной печенью. Ну, а если двоих, договоримся отдельно. Просто имей в виду, что не прокину, без базара. Не прокинь и ты меня, благое божество!

Взяв с алтаря сухой цветок, Киприади растер его в пальцах, посыпал полученной цветочной трухой деву Шри-Христос Фатиму и поцеловал кончики пальцев.

– Спи сладко, подруга, – сказал он, задергивая занавеску.

* * *

На следующее утро Бампер явился, чтобы приступить к своим служебным обязанностям. Хряк выдал ему табельное оружие и провел небольшой общий инструктаж, после чего сказал:

– Поскольку ты пока еще необстрелянный сотрудник, начнем с ерунды. Сегодня твоя задача – присматривать за сыночком одного адвоката. Мистер Динелли не сказать чтобы сильно крут, но достаточно солиден и богат, поэтому сынуля у него с гонором, так что запасись тер-

пением. Работать сегодня будешь с Параметром. – Sommerсби указал в сторону долговязого негра, который сидел в углу, закинув ногу на ногу и упершись затылком в стену. – Он тебе распишет обстановку поподробнее. Все, хватит терять время, скоро начинается ваша смена.

– А почему тебя зовут Параметр? – спросил Кенни напарника, когда они в двухместном глидере направлялись к месту работы.

– Это очень длинная и запутанная история, – ответил тот, держась в середине транспортного потока. – Когда-нибудь ты щедро угостишь меня пивом, и я расскажу ее тебе – с выражением и в лицах. Поверь, она того стоит.

Они снова замолчали. Негр думал о чем-то своем и не проявлял особого желания поддерживать разговор.

– Похоже, пан подобрал нам самое простое задание, – сделал еще один заход Бампер. – Утирать сопли богатому сынку – чушь какая. Или ему кто-то угрожает?

Параметр покосился на него.

– Не надо ему ничего вытирать, парню четырнадцать лет, – проговорил он. – Но работа эта все равно препаскудная, никто на нее не соглашается. Джек тобой просто дырку заткнул.

– Отчего же ты соглашаешься? – поинтересовался Кенни.

Негр фыркнул.

– За нее платят лишнюю десятку в день.

– Что же в этой работе настолько кошмарного, что шеф отстегивает за нее такие бешеные бабки?

– Сам увидишь. Танцуешь хорошо?

– Вообще не танцую, – обескураженно ответил Бампер.

– Ну, тогда совсем умора выйдет.

Добравшись до дома адвоката, они выбрались из глйдера и позвонили в дверь. Их впустил один из охранников предыдущей смены.

– Порядок? – войдя в большую, отделанную мореным дубом прихожую, поинтересовался Параметр у высокого худощавого парня, который вполне мог бы быть его братом-близнецом, если бы не был белым.

– Порядок, – с тяжелым вздохом отозвался охранник. – Недавно угомонился, придурок. Теперь дрыхнет без задних ног.

– У тебя что-то белое на ухе, – сказал Бампер.

Коллега поднес руку к левому виску, потер за ухом, потом поднес ладонь к глазам и понюхал ее.

– Крем, – грустно сказал он. – Заварной. Вчера вечером тут было жарко.

Они прошли в комнату для прислуги. Навстречу им поднялся со стула еще один близнец Параметра, на этот раз похожий на него даже цветом кожи – но только не шоколадного, а светло-коричневого оттенка.

– Берт, Майк Белоснежка, – представил охранников Параметр. – А это Кенни, но не возражает, когда его зовут Бампер.

– Привет, Бампер, – поднял руку Белоснежка.

– Короче, пост сдал – пост принял. – Параметр деловито поставил чайник на термоплитку в углу и включил ее. – Давайте валите спать. Объект в целости?

– Да чего ему сделается, – неприязненно отозвался Майк. Кенни обратил внимание, что на его белой рубашке виднеются обширные полузасохшие желтые пятна. Вряд ли он явился в таком виде на работу – Хряк или шеф забраковали бы его еще на инструктаже. Значит, он облился апельсиновым соком уже на дежурстве.

– В спальне ваш объект, – сказал долговязый Берт. – Загляните, если не боитесь разбудить. Папаша Динелли уже усвистал по делам, так что пеняйте на себя – если разбудите малыша, утихомиривать придется самим.

– Ладно, верю.

Предыдущая смена отправилась в агентство сдавать оружие и отчитываться, а Параметр повел своего нового напарника осматривать дом. Дом оказался небольшим, но довольно богато обставленным.

– Вот, собственно, и все, – подвел итог негр, снимая чайник с термоплитки. – Наша основная задача – охранять входную дверь и время от времени патрулировать периметр, чтобы кто-нибудь не забрался. И выполнять все прихоти Роберто Динелли-младшего – в разумных пределах, конечно.

Выпив по чашке крепкого кофе, они проснулись окончательно. И потянулось размеренное скучное дежурство.

Однако долго скучать им не пришлось. На кухне раздался длинный, требовательный, настырный звонок, и вскоре сидевший у дверей Кенни увидел дворецкого Франсуа, который вез через вестибюль небольшой столик на колесиках, уставленный тарелками и блюдами. С дворецким его вскоре после заступления на дежурство познакомил Параметр; тот оказался жутким занудой.

– Чудовище проснулось и раскрыло пасть, – прокомментировал напарник Бампера, выглянув из комнаты прислуги.

Вежливо постучав в дверь спальни юного Роберто, Франсуа вкатил свой столик внутрь.

– Что-то долго не слышно грохота, – озабоченно произнес негр пару минут спустя, посмотрев на часы. – Как-то даже нехарактерно для здешних широт.

Грохота они так и не дождались. Вместо этого дверь спальни тихо приоткрылась, и вновь показался дворецкий. Теперь он передвигался на четвереньках; на голове у него была надета серебряная крышка от блюда. Выбравшись из спальни, он аккуратно прикрыл дверь и с кряхтением стал подниматься на ноги. Тут же изнутри о дверь что-то разбилось – судя по звуку, чашка.

– Роберто каждый день придумывает какую-нибудь новую шутку, – пояснил Параметр. – Этакий озорник.

– Матка боска! – возмутился Бампер. – Пару раз всыпать ремня, и всю дурь как рукой снимет!

– Некому, приятель! Парень растет без матери, и папаша, естественно, пылинки с него сдувает. Этому маленькому сатанаилу позволено все.

Еще полчаса в спальне было тихо, затем дверь распахнулась изнутри от пинка. На пороге появилось щуплое всклокоченное нечто в помятой футболке с логотипом «Тернийских носорогов», переливающимися всеми оттенками зеленого волосами и виртуальным шлемом под мышкой. Бросив дикий взгляд исподлобья на массивную фигуру Бампера, нечто скорчило гримасу, крикнуло: «Франсуа, прибери!» – и направилось в гостиную. Вскоре оттуда донеслась тяжелая оружейная канонада и вопли умирающих.

– Динелли-младший изволит изучать историю на материале модной компьютерной игры, – вполголоса пояснил Параметр. – Он считает, что так лучше усваивается, а папаша не смеет ему перечить.

В спальню юркнул дворецкий. Быстро собрав остатки завтрака молодого хозяина, грязную посуду и осколки чашки, он покатил столик по направлению к кухне, однако его остановил окрик Роберто:

– Франсуа! Иди-ка сюда, придурок!

Побледневший дворецкий поспешил в гостиную. Охранникам не было слышно, что говорит ему Динелли-младший, лишь один раз тот повысил голос чуть ли не до визга:

– Это что, я тебя спрашиваю, старый осел?! Я тебе сколько раз говорил, а?..

– Не пойти ли их разнять? – задумчиво проговорил Кенни Бампер.

– Ты что, с ума сошел? – хмыкнул Параметр. – Это тебя не касается.

Между тем в дверях гостиной снова появился дворецкий. Брюки его были спущены до пола. Гусиными шажками, отчаянно путаясь в штанинах, он на негнущихся ногах пересек вестибюль. Проходя мимо оторопевшего Кенни, он повернул к нему голову и с каменным лицом, чуть дрогнувшим голосом произнес:

– Сердечно приветствую доблестных защитников этого дома!

Кое-как доковыляв до кухни, он остановился.

– Эй, кретин! – донеслось из гостиной. – А теперь обратно! И еще раз поприветствуй охрану! Только теперь бухнись перед ними на колени.

– Ежедневный бесплатный цирк, – вполголоса проворчал Параметр, покачав головой.

Франсуа двинулся в обратном направлении. Подойдя к Бамперу, он остановился.

– И что, в самом деле бухнешься? – презрительно-недоверчиво спросил тот.

– Мне нужна эта работа, сэр, – устало проговорил дворецкий и начал медленно опускаться на колени.

– Встань сейчас же! – заорал Кенни. – Мать твою, немедленно встань и надери этому сопляку задницу! Где твоя мужская гордость?!

Франсуа молча стоял на коленях, глядя в пол.

– Где приветствие? – злобно поинтересовался Роберто Динелли. Он вышел из гостиной и, скрестив руки на груди, внимательно наблюдал за происходящим.

– Приветствую... сердечно приветствую доблестную охрану... доблестных охранников... – забормотал красный как рак дворецкий.

– Ладно, хватит, – брезгливо проговорил юный садист. – Надевай штаны и брысь на кухню.

Дворецкий поспешно выполнил приказ. Динелли-младший тем временем повернулся к охранникам и окинул их высокомерным взглядом.

– Значит, встань и надери сопляку задницу, – задумчиво произнес Роберто, приближаясь к Бамперу. – Да, герой? Эй, кто-нибудь, надерите сопляку задницу! – Он остановился в двух шагах от охранника. – Ты у нас артист, да? Клоун? Ты – дерьмо! – внезапно визгливо закричал Динелли-младший, брызгая слюной. – Ты ничтожество! Да ты мне сейчас будешь руки целовать!..

– Послушай-ка, дружок, – хладнокровно проронил Бампер, – я тебе вот что скажу...

Парень вдруг сделал резкий выпад вперед и, дотянувшись до лица Бампера, отвесил ему звонкую пощечину. Охранник даже не шелохнулся, не изменился в лице, только крылья его носа свирепо раздулись. Мерзкий мальчишка с кривой ухмылкой стоял перед ним, ожидая, что предпримет этот безмозглый бугай в ответ на такую откровенную наглость. Не дождавшись никакого ответа, он снова шагнул вперед и отвесил Кенни еще одну пощечину – с прежним результатом.

– Откуда ты знаешь, что ему нельзя сопротивляться? – флегматично поинтересовался Параметр, который наблюдал за ними, прислонившись к дверному косяку. – Если он нажалуется папаше, что ты к нему притронулся, тот крепко осерчает, и Джек не заплатит тебе за дежурство.

– А я и не знаю, – безмятежно отвечал Кенни Бампер. – Я просто коплю ярость. Не могу же я без особой причины ударить ребенка. Но если этот крысеныш хлопнет меня еще разок-другой, мои сдерживающие центры перегорят окончательно.

Роберто тут же отвесил ему еще две оплеухи – сначала с правой, потом с левой.

– Этого хватит? – язвительно спросил он. – Или добавить для верности еще парочку?

– Параметр, дружище, – проговорил Бампер, сняв пиджак и начиная засучивать рукав, – закрой, пожалуйста, дверь в кухню и подопри ее своими широкими плечами, чтобы дворецкий не смог выбежать на крики.

– Постой-постой! – встревожился негр, отлипая от косяка. – Я не могу позволить тебе изувечить парнишку!

– Выйди в кухню, черномазый! – распорядился Роберто. – Мне очень интересно посмотреть, что этот громила станет делать дальше. Эй, холуй! Ты понимаешь, что, если прикоснешься ко мне хоть пальцем, отец из тебя котлету сделает? Ты знаешь, какие у него связи?

– Мне плевать, – отрезал Бампер. Он уже закатал оба рукава и теперь разминал кисти рук. – Иди сюда, крысеныш. Параметр, засекай: двенадцать раундов по три минуты каждый. Честный бой, пся крив! Если этот шкет в результате останется жив, я поцелую ему руку.

Роберто стоял посреди комнаты и издевательски скалился, глядя на грозно приближающегося громилу.

Он искренне полагал, что рядовой охранник никогда в жизни не посмеет даже прикоснуться к нему.

Он очень серьезно ошибался.

Через мгновение маленький крысеныш уже летел вверх тормашками. Кенни не стал его бить – просто положил раскрытую ладонь на лицо и резко толкнул вперед и вверх. Налетев на кресло, Динелли-младший вместе с ним опрокинулся на пол.

– Бог ты мой, – пробормотал Параметр, – ради такого зрелища стоило выходить сегодня сверхурочно. А я-то, дурак, еще колебался...

Потрясенный Роберто молча барахтался на полу. Мир в его глазах только что перевернулся – и в прямом, и в переносном смысле.

– Ах ты... ах ты... п-п-п... – бормотал он, не находя слов от бешенства.

– Урок первый, – назидательно произнес Кенни Бампер. – Если на тебя надвигается громила – забудь про деньги своего папочки, в такой ситуации они тебя скорее всего не спасут. Спасут тебя только скорость реакции, сила и умение.

Роберто наконец поднялся на ноги и, зарывав, без паузы кинулся на врага – яростно, слепо, нагнув голову, словно молодой бычок. Кенни прынул в сторону, чуть подтолкнул пронесшегося мимо паренька – и тот с грохотом врезался в створку стоявшего у стены шкафа орехового дерева.

– Урок второй, – пояснил охранник. – Всегда держи противника в поле зрения. Смотри, куда бьешь и атакуешь.

Шипя от боли и растирая ладонью ушибленный лоб, Динелли-младший начал осторожно приближаться к Бамперу, не спуская с него злобно поблескивавших глаз. Тот стоял в расслабленной позе, отставив в сторону левую ногу. Но едва Роберто выбросил вперед ладонь, пытаясь достать до его челюсти, плавно ушел вправо, и парень поразил пустоту.

– Брось ты свои девчачьи пощечины! – велел Кенни. – Урок третий: бить нужно кулаком или ребром ладони, иначе серьезного ущерба противнику не причинишь, только разозлишь зря. Эффективно делать тычок пальцами в активные точки на теле, но для этого нужно долго тренироваться, иначе все пальцы себе переломаешь.

– Как ты это делаешь? – хрипло поинтересовался Роберто. Его рот еще кривился в гримасе ненависти, однако в глазах появился огонек заинтересованности. Он снова попытался достать Кенни, на этот раз кулаком, и снова без результата.

– Смотри внимательно. Я и так еле двигаюсь – для наглядности.

– А если... – Роберто вдруг резко лягнул ногой, но снова поразил воздух.

– Ногами вообще даже не пытайся махать, если не умеешь, – порекомендовал Бампер.

– В «Тотал Ультима Файтинге-4» все так делают, – обиженно возразил мальчишка. – Это самый эффективный удар, особенно если разбежаться...

– Это только в компьютерных игрушках так, – пояснил Кенни. – На самом деле этому надо очень долго учиться. Иначе противник легко уйдет от удара, а потом собьет тебя с ног,

пока ты в неустойчивом положении... – Он провел молниеносную подсечку, и Динелли-младший снова оказался на полу. – Ну, съел, молокосос? Вставай и дерись, как мужчина!..

Параметр приоткрыл дверь и заглянул в кухню. Франсуа, который сидел за столом, обхватив голову руками, испуганно посмотрел на него.

– Господа, вы уже убили его? – с надеждой поинтересовался дворецкий.

– Пока еще нет, – озабоченно проговорил Параметр. За его спиной раздались очередной шлепок и яростный вопль Динелли-младшего. – Но мы активно работаем в этом направлении, сэр.

– Когда убьете, дайте мне знать, – слабым голосом попросил Франсуа.

– Непременно, дружище, – пообещал негр и вернулся в холл.

По окончании дежурства Кенни и Параметр вернулись в агентство. Когда Соммерсби доложил об их прибытии, из офиса выглянул Киприади – бледный, взъерошенный, с красными от недосыпания глазами.

– Бампер! – раздраженно крикнул он. – Зайди. – И снова скрылся в дверях.

– Ну, все, брат, – проговорил Параметр. – Срочно мыль очко, сейчас тебе будут выносить глубокое и энергичное порицание. И собирай вещички. Папаша наверняка пожаловался.

– Да и черт с ним, – мрачно отмахнулся Кенни. – Мало у нас, что ли, охранных агентств средней руки?

– Нет, ты не понимаешь. Этот адвокат способен сделать так, что ты больше никуда не устроишься в этом городе. Даже мыть посуду в госпиталь для инфекционных больных.

Бампер поднялся, хмыкнул и двинулся в сторону офиса.

– Ладно, поглядим.

Джек Киприади сидел за своим рабочим столом и внимательно разглядывал вошедшего Кенни.

– Ну, рассказывай, – проскрипел он наконец. – Чем ты там, ради всего святого, занимался?

– Да ничем, – пожал плечами Бампер. – Нес дежурство. С Параметром.

– Мне звонил папаша Динелли.

– Вот как?

– Ага. Во имя благой девы Шри-Христос Фатимы, что ты сделал с его сынулей?!

– Да ничего особенного. – Кенни скорчил озадаченное лицо. – Мы просто немного поиграли...

– Поиграли?! – Киприади покачал головой. – Папаша от возбуждения чуть из динамика коммуникатора не выпрыгнул! Говорит, его Роберто ничем раньше не увлекался, кроме компьютерных игр и боевиков по голоvizору. А сегодня этот маленький паршивец смиренно, чуть ли не со слезами просил, чтобы ты пришел к ним еще раз и показал ему еще несколько приемов. Клянусь дьяволом, Кенни, он в жизни никогда ничего не просил, только требовал!

– Да нормальный пацан оказался, – заявил Бампер. – Просто избаловали его сверх меры, а у него переходный возраст, вот и валял дурака. Все, что ему нужно, – это нормальное мужское воспитание. Дали бы мне его потренировать, я бы из него за полтора года сделал настоящего бойца.

– Брось, – поморщился Джек. – Сейчас модно воспитывать детей в духе унисекс. Чтобы, значит, в компании любого пола чувствовали себя уверенно и реже проявляли агрессию... Короче, мне в агентстве не нужны воспитатели, у меня другой бизнес. Но клиент доволен, а следовательно, доволен и я...

Подмигнув, Киприади полез в стол и извлек из него начатую бутылку марочного мирмийского коньяка.

Четверть часа спустя, благоухая марочным мирмикейским коньяком, Кенни Бампер покинул кабинет шефа и направился к Параметру, поджидавшему его в кресле для посетителей.

– Ну что, приятель? – оживленно спросил негр, вскакивая. – Старина Джек порвал тебе анус на манганийский флаг?

– Не хотелось бы тебя расстраивать, – проговорил Кенни, – но с завтрашнего дня я получаю прибавку к зарплате.

Параметр помолчал, глядя ему в переносицу.

– Что ж, линия судьбы извилиста и непредсказуема, – произнес он наконец. – Выходит, ты сегодня щедро угощаешь меня пивом?

– Вспаньяле! – одобрил Кенни. – Почему бы и нет? А ты, соответственно, с выражением и в лицах рассказываешь мне длинную и запутанную историю о том, почему тебя назвали Параметром.

– Это справедливо, – признал коллега.

И они решительно вышли из кондиционированного помещения в липкую уличную духоту.

Глава 8

Как только позевывавший охранник отпер утром двери стриптиз-бара «Улитка на склоне», в помещение вошла крепкая и стройная рыжеволосая женщина. Оттерев плечом посторонившегося охранника, который профессиональным взглядом привычно оценил ее фигуру, она опустилась на высокий табурет перед барной стойкой и закурила.

– Что мадемуазель желала бы выпить в столь ранний час? – поинтересовался бармен, дружелюбно улыбаясь симпатичной посетительнице.

– В столь ранний час мадемуазель страшно желала бы видеть твоего босса, – отозвалась красотка, придвигая к себе пепельницу. – И поскорее, если можно.

– Как доложить? – Бармен был сама любезность. Если в его словах и чувствовался сарказм, то едва заметно, на самом дне: а вдруг это какая-нибудь знакомая босса?

– Доложи, что пришла такая рыжая и борзая, которая не любит ждать.

Решив, что наглая девица действительно знакома с хозяином, бармен исчез в глубинах бара. Вернувшись через пару минут, он предупредительно распахнул перед ней дверь во внутренние помещения:

– Сюда, пожалуйста.

Девица раздавила сигарету в пепельнице и последовала за ним.

Рэк Ормонт, хозяин стриптиз-бара, был крайне удивлен, когда на пороге его офиса появилась эффектная незнакомая женщина. Честно говоря, он ожидал увидеть одну из своих подопечных и уже открыл было рот, чтобы рявкнуть на нее за такую неслыханную наглость, однако рот пришлось закрыть.

– Привет, – сказала она, без спросу усевшись в гостевое кресло и вытянув длинные ноги.

Сложив на животе татуированные руки с узкими пальцами и ухоженными ногтями, Рэк окинул ее оценивающим взглядом. Свежая, чистая кожа, никаких мешков под глазами, покрасневших от злоупотребления наркотиком ушей или налитых кровью белков. Красивое, немного жесткое лицо, пышные рыжие волосы. Грудь вполне убедительных размеров и формы. Запястья и локтевые сгибы без следов уколов. Плоский живот. Отличные ноги. Минимум одежды: яркий топик, шортики, укороченные до паховой, что называется, области, прозрачные босножки. Мало того что эстетично и приятно глазу, так еще и рационально: сразу видно, что при ней нет никакого оружия, не надо шмонать. Некуда спрятать не то что громоздкий разрядник, но даже обыкновенную опасную бритву или гибкий лаксианский стилет. Славная девочка, будто созданная для того, чтобы танцевать в стриптизе.

– Привет, – отозвался наконец Ормонт, выдержав надлежащую солидную паузу. – Ты откуда такая шустрая, детка?

– Там больше таких нет, если ты об этом. – Гостья поудобнее устроилась в кресле, закинула ногу на ногу.

– Ну, и чего же ты в таком случае хочешь? – поинтересовался Ормонт, гипнотизируя рыжую неподвижным змеиным взглядом. Обычно женщины с трудом переносили этот взгляд, начинали нервничать, ерзать, смущаться, теряли нить разговора. Однако этой нахалке, похоже, все было нипочем. – Только излагай покороче, у меня нет времени заниматься всякой чепухой.

– Я хочу устроиться к тебе на работу.

– А что ты умеешь, детка?

– Я опытная стриптизерша.

– Даже так?

– Именно.

– Сильно опытная?

– Заводила даже обитателей обезьянника в Мирмикейском зоопарке.

– А если я попрошу тебя продемонстрировать свое мастерство?

– Легко.

– Тогда пойдем.

Он проводил ее на стриптизный подиум с шестом посреди бара. Запустил музыку, уселся за ближайший столик.

– Приступай, моя хорошая.

Несколько мгновений она неподвижно стояла с закрытыми глазами – ловила ритмический рисунок, пыталась ощутить мотив, входила в образ – и лишь затем начала двигаться. Рэку это понравилось: очертя голову кидаются танцевать под незнакомую музыку только деревенские неумехи. Девчонка, по крайней мере, не была новичком, что уже обнадеживало.

Сначала Ормонт наблюдал за исполняемым незнакомкой стриптизом со скепсисом, однако понемногу его глаза сужались все больше и больше, пока совсем не превратились в щелки: так он маскировал изумление. Рыжая определенно знала свое дело. Когда она вышагнула из трусиков, Ормонт ощутил небывалое – его дружок заметно отвердел. Пока еще ни одной стриптизерше не удавалось своим выступлением добиться такого эффекта.

Когда музыка закончилась, девчонка, совершенно голая, замерла в шаге от хозяина бара, тяжело дыша и глядя ему прямо в глаза.

– Ну, – произнесла она, – что скажешь, а?

Ормонт задумчиво смотрел на нее, изящно почесывая подбородок длинным ногтем большого пальца. Черт возьми, похоже, он неожиданно поймал удачу за хвост. Эта опытная и весьма талантливая красотка сама шла к нему в руки. Да нет, не то что шла – прямо-таки набивалась в штат. Однако его несколько настораживало одно обстоятельство: отчего она не попыталась устроиться в заведение поприличнее и подороже, скажем, в «Лунную радугу» или в «Пять президентов», уровню которых явно соответствовала? А если пыталась, то почему получила отказ?

– Ну, чего молчишь, разорвать мою задницу? – снова подала голос дамочка. – Уснул? – Устав ждать решения хозяина бара, она принялась собирать разбросанную по сцене одежду.

Все-таки он заставил ее нервничать, с удовлетворением отметил Ормонт. А то у него было такое ощущение, будто чего-то не хватает.

– Скажи мне вот что, сладкая, – нехотя проговорил Рэк, пристально глядя на девушку, – а почему ты выбрала именно мой бар? В «Лунной радуге» ты можешь получить за то же самое в два раза больше.

Ему очень не хотелось этого говорить, язык отказывался повиноваться, но лучше было сразу расставить все точки над «i». Он привык вести бизнес без неприятностей и собирался следовать этому правилу впредь.

Девушка совершенно не смутилась, даже глазом не моргнула: видимо, ей в самом деле нечего было скрывать.

– Видишь ли, у меня есть одно небольшое условие, которое почему-то никак не устраивает владельцев крупных заведений, – вкрадчиво ответила она, натягивая шортики.

– Ах, условие! – всплеснул руками Ормонт. – Ну, разумеется. Условие. И что же это за условие, могу я узнать, красавица?

– Конечно, можешь, – обольстительно улыбнулась стриптизерша, одергивая топик. – Видишь ли, дело в том, что я всегда сама решаю, с кем мне спать.

– Ах, вот что. Ну, понятно.

Теперь все встало на свои места. Разумеется, где же это видано, чтобы барная девочка отказывалась принять знаки внимания от очарованного ею клиента, со всеми вытекающими из этого последствиями? Не говоря уж о тех солидных клиентах, которых рекомендует хозяин заведения? Уметь красиво раздеваться под музыку мало, детка, надо еще и удовлетворять есте-

ственные желания посетителей, распаленных твоим танцем. У нас же свободная планета, не так ли?.. Естественно, что в дорогих заведениях тебе указали на дверь.

– Хм, – озадаченно произнес Ормонт. – Конечно, похвальная принципиальность, девочка моя, но боюсь, это не вполне то, что необходимо для такой работы... .

– Понятно, – вздохнула рыжая. – Каждая новая танцовщица должна пройти через постель босса. Господи, хоть где-нибудь бывает по-другому?

– Насчет меня как раз можешь быть спокойна, подружка, – широко осклабился Ормонт. – Ваш пол меня совершенно не интересует. Вот у мальчиков из мужского стриптиза, которые выступают у нас по средам и субботам, есть серьезный повод для беспокойства... . Впрочем, я никого не насилую.

– Приятно слышать.

Ормонт побарабанил пальцами по столу. Соблазн был велик, но и риск соответствовал. Однако дамочка была настолько хороша, что он, в конце концов, решил рискнуть.

– Ладно, милая, по рукам. Попробуем тебя завтра вечером. Пятиминутное выступление каждые полчаса, с восьми до двух часов, плюс выходы в зал в перерывах. Пока положу тебе десятку за вечер. Плюс пятьдесят процентов чаевых за особые услуги гостям, но эта статья доходов, насколько я понял, для тебя неактуальна. Если все пойдет хорошо, через неделю ставку слегка подниму, а там посмотрим. Только учти: я не собираюсь приставлять охранника к каждой... м-м-м... артистке. Так что если кто-то из клиентов будет слишком настойчиво приставать...

– Не волнуйся, босс, все о'кей, – заявила стриптизерша. – О себе я позабочусь сама. Только давай сразу договоримся, что если я кому отобью яйца, то лично у тебя не будет ко мне претензий.

– Да не вопрос, красавица! – с готовностью кивнул Рэк. Он уже прикинул, что после пары уроков, которые преподадут ей распаленные самцы, вполне можно будет разыграть доброго дядюшку, и взбалмошная дамочка, вдоволь нарыдавшись на его располагающем плече, останется в заведении уже на общих основаниях. – Надеюсь, мы с тобой станем хорошими подружками. Я предпочитаю находить общий язык со своими девочками, это важно для поддержания здоровой атмосферы в коллективе.

– Тогда по рукам, – серьезно сказала рыжая стерва.

* * *

Однако все пошло совсем не так, как планировал Ормонт.

То есть рыжая стерва по имени Джулия не подвела: в первый же вечер она произвела фурор. Публика, которая обычно как следует заводилась только часам к двенадцати, порядочно набравшись, в тот вечер начала одобрительно реветь и аплодировать уже к половине десятого. Новая танцовщица показала все, на что была способна. Она ухитрилась сделать двенадцать пятиминутных выступлений, ни разу не повторившись. Ее тело и пластика были безупречны; кроме того, она демонстрировала такую растяжку и такие акробатические номера, что завсегдаги только ахали. Прежние любимицы публики, выходившие на подиум следом за Джулией, выглядели по сравнению с ней неуклюжими коровами, и публика встречала их аплодисментами только из вежливости, а потом и вовсе перестала это делать. Зато когда на сцену вновь поднималась Джулия, зал взрывался одобрительными воплями.

Это был триумф. На следующий день у новоявленной примадонны был выходной, а еще через день в баре «Улитка на склоне» яблоку негде было упасть. Завсегдаги других заштатных клубов, прослышав, что здесь можно за копейки посмотреть отличное шоу, набили зал до отказа. Все прошло восхитительно: Джулия танцевала очень вдохновенно, а самцы выли от вожделения, засовывая ей под резинку трусиков кредитные купюры. Рэк желал бы, конечно,

чтобы три-четыре разгоряченных посетителя оплатили ей сеанс в задних помещениях бара, специально для этого приспособленных – приглушенный свет, мягкий пол, груда подушек, ненавязчивая музыка, цветочный ароматизатор, – однако ему и без того грех было жаловаться: после начала эротической программы спиртное подавалось с двойной наценкой, и увлекшиеся зрелищем посетители безропотно поглощали его литрами, а Ормонту оставалось только подсчитывать чистую прибыль. Тем более что и задние комнаты бара не пустовали: самцам надо было как-то сбрасывать накопившееся напряжение, пусть выбранные ими девочки и не могли сравниться с примой.

Однако опасения Ормонта вполне подтвердились. Предчувствия не обманули его: вместе с неплохим барышом эта стерва принесла ему то, чего он всячески пытался избежать в своей деятельности, – крупные проблемы.

В первый же вечер, прогуливаясь по залу, подсаживаясь за столики и раскручивая подвыпивших гостей на дополнительную выпивку, она отбила яйца двоим посетителям – причем абсолютно ни за что: они просто слишком настойчиво предлагали ей постель и начинали активно ее лапать. Чепуха, честное слово. Это несколько выбивалось из планов Рэка: он-то полагал, что в зале наверняка найдется какой-нибудь здоровый и немногословный космический дальнбойщик, который без долгих разговоров взвалит ее на плечо и унесет, болтающую ногами, в «комнату любви». Однако женственная с виду девка оказалась крепким орешком.

На следующий вечер она вывела из строя еще троих посетителей с диагнозом «травматический отек тестикул». Пока, к счастью, под ее разящую коленку подворачивались только шестерки, хичеры и мелкие драгдилеры, но Ормонт предчувствовал, что только пока... Разумеется, обиженные пытались отомстить строптивой сучке, они поджидали ее после окончания работы у входа в бар и у черного хода, но безуспешно: первую неделю красotka ночевала прямо в баре, в одной из «комнат любви». В результате, кстати, пострадал один из барменов, попытавшийся как-то ночью присоседиться к взбалмошной девице. Впрочем, он признал в итоге, что был виноват сам, так что Ормонт не потерял ценного сотрудника. До поры до времени все проходило гладко, но Рэк понимал, что рано или поздно безумная девка споткнется о посетителя такого ранга, который сумеет причинить и ей, и хозяину заведения очень серьезные неприятности.

Вскоре так и случилось.

Недели через полторы у Джулии было очередное выступление. К тому времени Ормонт поднял ей ставку вдвое, и они договорились, что она будет танцевать два дня из трех, а не через день, как вначале. Рэк распорядился, чтобы новой звезде пошили специальные сценические костюмы – она до сих пор выступала в собственных шортиках, топиках и маечках, надо признать, весьма пикантных, но довольно однообразных, – причем собственноручно набросал эскизы и разработал сценарную основу для связанных с ними танцевальных номеров. Предприятие понемногу выходило на простор, и бросать его на самотек не следовало: нужно было учесть все мелочи.

И тут дьявол принес в бар Мика Торпеду.

Наркоторговец районного масштаба был падок на женщин всегда, сколько его помнили. С одиннадцатилетнего возраста, когда он потерял девственность с уличной проституткой. Каждую неделю его сопровождала новая девица. Когда-то он был частым гостем в «Улитке на склоне» и даже имел с ее хозяином некоторые общие дела в области торговли «живым товаром». Так, по мелочи... Мику надо было куда-то пристраивать телок, которыми он пресытился, а Рэк всегда был готов утешить и приласкать расстроенную девушку, причем, вследствие ориентации, без всяких похотливых приставаний. Так что обе стороны оказывались вполне довольны полученными результатами. Однако в последнее время Мик связался с крупными мафиозными боссами, его дела быстро пошли в гору, и теперь мистер Торпеда предпочитал более respectable «Лунную раду»». Но вот же – принесло недобрым ветром после

полугодичного перерыва. Похоже, слава Джулии расплзлась по округе со скоростью лесного пожара.

Поначалу Мик, оккупировав вместе с телохранителями столик на четверых, просто смотрел шоу, попивая дорогое виски двойной очистки. Но потом после двух выступлений Джулия вышла в зал общаться с посетителями, и вот тут-то Торпеда своего не упустил.

Сидя в своем офисе, Рэк Ормонт сосредоточенно наблюдал на одном из экранов, как его рыжая подопечная остановилась возле столика Мика. На всякий случай скрытые камеры слежения были установлены над каждым столиком в баре, Ормонту оставалось только переключать каналы. Ослепительно улыбаясь, Мик что-то говорил Джулии – привстав из-за стола, с элегантно полупоклоном. Когда было нужно, этот сукин сын умел быть и галантным, и любезным в общении с женщиной. Если бы только не его тайная страсть: Ормонт совершенно точно знал, что для того, чтобы возбудиться, ему необходимо жестоко унижить свою партнершу и причинить ей сильную боль. В свое время он вдоволь наслушался рассказов о пристрастиях своего временного компаньона от его бывших любовниц.

Мик продолжал рассыпаться в комплиментах. Джулия в полупрозрачной накидке на голое тело и позолоченных трусиках действительно была чудо как хороша. Если бы Рэк был мужчиной, он наверняка попытался бы за ней приударить, невзирая даже на ее предупреждение. Он видел и более красивых женщин, но столь сексуальные попадались ему не часто. С какой-то странной ревностью он наблюдал, как Джулия присаживается за стол Мика (чтобы очистить ей место, Торпеда выгнал из-за стола одного из своих шестерок, и тот поплелся за барную стойку), как начинает флиртовать с ним, раскручивая наркодилера на выпивку подороже. Однако гораздо сильнее, чем ревность, Ормонта укололо в сердце другое тревожное чувство. Он мог поклясться, что именно сейчас произойдет, и это ему страшно не нравилось.

Несмотря на свою тайную страсть и вспыльчивый характер, Мик не любил сразу ломать девчонок через колено. Ему нравилось думать, что он невероятно крутой джентльмен и укладывает их в койку во многом при помощи своего мужского обаяния. Девчонки, разумеется, клевали исключительно на его деньги и влияние, но самому Торпедо предпочитали об этом не говорить: гораздо приятнее, когда богатый клиент поначалу обходится с тобой ласково, нежели сразу начинает вытирать об тебя ноги.

Вот и теперь Мик начал с вежливых комплиментов, ослепительных улыбок и щедрого угощения, хотя мог бы сразу предложить денег. На мгновение Ормонту показалось, что сейчас произойдет немыслимое: неприступная рыжая Джулия сама упадет наркодилеру на грудь и раскроется, словно розовый бутон. Пару раз она даже довольно дружелюбно улыбнулась. Однако чуда все-таки не случилось. Пожав плечами, Джулия что-то произнесла, и улыбка Мика начала стремительно меркнуть.

– Дура!.. – в бессильной ярости прошипел Рэк.

Мику наверняка не терпелось ухватить симпатичную стриптизершу поперек голого живота и немедленно утащить в «комнату любви», где он уже успел истереть спинами своих предыдущих подруг не одну дюжину подушек. Однако Торпеда корчил из себя крутого джентльмена, поэтому ему не к лицу было вести себя, словно последнему хичеру. Продолжая обескураженно улыбаться и что-то говорить, он деликатно положил руку ей на локоть.

Мягким движением Джулия сняла его руку со своего локтя, встала из-за стола и, кивнув на прощание, направилась по проходу между столиками в сторону подиума. Тогда взбешенный Мик вскочил, схватил ее за плечи и развернул лицом к себе.

Следующее ее движение оказалось таким молниеносным, что Рэк даже не сумел его уловить. Ему показалось, что Джулия просто содрогнулась всем телом, пытаясь сбросить с плеч руки Мика, а в следующее мгновение тот уже согнулся пополам от невыносимой боли. Строптивая стриптизерша спокойно повернулась и продолжила свой путь.

Ничего не понявшие шестерки Мика, растерянно посмотрев друг на друга, на всякий случай двинулись вслед за ней, но корчившийся от боли хозяин внезапно вскинул руку: стоп! Пока вроде бы никто не понял, что произошло, и Торпедо совершенно не хотелось, чтобы его позор стал публичным. Вытащив из кармана бумажник, он, не глядя, извлек из него несколько купюр, швырнул их на стол, опрокинув при этом свой недопитый бокал, и враскоряку покинул бар. Телохранители поспешили за ним.

Ормонт был уверен, что Мик заплатил больше, чем следовало, но это его совсем не радовало. Совсем.

Глубокой ночью, когда шоу закончилось и разошлись последние посетители, Мик Торпедо снова появился в баре, невзирая на робкие протесты охранника, который пытался блеять, что заведение закрыто. Вломившись внутрь, Торпедо прошел к барной стойке и уселся рядом с Ормонтом, который подсчитывал на портативном компьютере расходы на будущую неделю: следовало заказать побольше дорогого спиртного – коммерческие обороты «Улитки на склоне» росли как на дрожжах.

– Где шлюха? – без предисловий спросил наркоторилер, закуривая сигариллу.

– Все уже разошлись, – флегматично поведал Рэк, не отрываясь от подсчетов. – Но если тебе невтерпеж, некоторых я могу вызвать обратно.

– Не играй со мной! – окрылся Рэк. Он ударил пятерней по клавиатуре, сбрасывая расчеты, и Ормонт молча поднял на него глаза. – Ты отлично знаешь, о ком я говорю! Та тварь, что двинула меня по яйцам. Где она?

– А, – вздохнул Рэк. – Честно говоря, я не видел, как это случилось. Но на такое у нас способна только Джулия.

– Куда она делась, твоя Джулия?! – прорычал Мик, теряя терпение. – Она не выходила из бара! Мои ребята стоят у каждого выхода из твоей богадельни. Отдай мне шлюху, Рэк, и останемся друзьями!

С такими друзьями никаких врагов не надо, подумал Ормонт. Впрочем, говорить этого вслух он благоразумно не стал.

– О чем ты, Мик? – изобразил он вместо этого неподдельное изумление. – Ее нет в баре. Наверняка она ушла с другими девчонками, просто твои ребята ее прохлопали.

– Рэк! – рявкнул Торпедо. – Не играй со мной, брат! Ты хочешь неприятностей?!

– Слушай! – талантливо вознегодовал Ормонт. – Иди к черту! Тебе нужна шлюха? Валяй, ищи ее! Если хочешь, обыщи весь бар, я не буду препятствовать. Но если ты ее не найдешь, тебе придется извиниться и оставить меня в покое! Понял?

– Годится!

Мик Торпедо со своими шестерками полчаса обыскивал бар, но Джулию не обнаружил. Заведение вместе со всеми подсобными помещениями было небольшим, спрятаться тут действительно было негде.

– Извини, брат, – искренне проговорил Мик, жестом велел своим шестеркам убираться. – Ошибка вышла. Не держи обиды. Прими в знак дружбы... – Он сунул Рэку несколько сложенных пополам крупных банкнот. – Это за беспокойство. Если выдашь мне эту суку, получишь в десять раз больше.

Ормонт деловито спрятал деньги в карман. Побарабанил длинными ногтями по стойке.

– Давай так, Мик, – проговорил он. – Я не лезу в твой бизнес, ты не лезешь в мой. Джулия – это мой бизнес. Она тебя оскорбила, и ты имеешь полное право наказать ее, когда найдешь. Но я получаю с нее хорошие деньги и по закону не обязан выдавать ее тебе. Если тебе что-то не нравится в таком раскладе, давай обратимся к смотрящему по району.

– Ты в своем праве, брат, – криво усмехнулся Мик, однако глаза его остались холодными и колючими.

Торпеда ушел, но Ормонт продолжал нервно барабанить по стойке пальцами. Он никак не мог решить, правильно ли поступил, открыв Джулии свой заветный потайной ход из бара через систему подвалов, примыкавших к его заведению, в соседний квартал. С одной стороны, ему удалось посадить скотину Мика в лужу, что было крайне приятно, Джулия же проработает в его клубе еще несколько вечеров и принесет ему еще немного денег, а деньги Рэк любил больше всего на свете. И все же Мик Торпеда был не тот человек, которого можно было долго и безнаказанно водить за нос...

* * *

Следующие несколько дней люди Мика после окончания каждой программы с участием Джулии и до начала очередной метались по всему городу, пытаясь выследить и проучить оборзевшую девку, но та будто сквозь землю проваливалась. Между тем слухи расходились все шире и шире, и популярность заведения Ормонта росла в геометрической прогрессии. Он даже рискнул вдвое задрать цены, но толпу посетителей, ломившихся посмотреть на восхитительную пташку, которая отбила яйца самому Мику Торпеде (нельзя же, в самом деле, было ожидать, что это происшествие действительно останется в тайне), это ничуть не смутило. Рэк выставил в зал дополнительные столики, заняв ими почти все свободное пространство, и нанял еще несколько официанток. Каждую неделю ему приходилось закупать все больше и больше выпивки, так что понемногу он становился у поставщиков одним из привилегированных клиентов. Дела его шли все лучше и лучше, однако он отчетливо понимал, что ухо надо держать востро.

Вскоре тревожные ожидания оправдались. В один из аншлаговых вечеров в баре вновь появился Мик, сопровождаемый тремя охранниками. Пожалуй, Рэк рискнул бы не пустить их в заведение, сославшись на отсутствие мест, однако у них заранее был заказан столик на имя одного из телохранителей. Они явно хорошо приготовились к сегодняшнему вечеру, и Ормонт насторожился.

– Барни, – негромко произнес он, прикоснувшись к своему наручному коммуникатору, – свяжись срочно с ребятами мистера Аллигатора. Нам нужны четыре-пять быков и кто-нибудь из его доверенных лиц. Джулии скажи, чтобы в зал ни в коем случае не выходила. Поторопись.

Поначалу компания Торпеды вела себя мирно. Мик не делал никаких попыток отыскать Джулию, а когда она вышла на подиум для очередного выступления, развернулся к сцене и начал благодушно созерцать ее танец, так что Ормонт даже подумал, что зря побеспокоил крышу. Видимо, Мик просто решил сделать вид, что милые бранятся – только тешатся: бесплодные поиски обидчицы причиняли его имиджу непоправимый урон. И это заставило Рэка не только расслабиться, но и слегка напрячься по другому поводу. Ложный вызов боевиков Аллигатора не был преступлением, но в следующий раз они еще подумают, следует ли со всех ног спешить по свистку Рэка Ормонта. А несколько таких вызовов – и они перестанут приезжать вовсе.

Стриптизерша заметила своего назойливого поклонника и чуть заметно ехидно усмехнулась. Он натянуто улыбнулся в ответ, стараясь, чтобы улыбка вышла снисходительной, и, подняв руку, помахал Джулии кончиками пальцев. Развернувшись на месте в такт музыке, та резко согнула руки в локтях и выбросила правое колено вперед, на несколько мгновений зафиксировав его в верхней точке, после чего со змеиной ухмылкой продолжила танец.

Торпеда поперхнулся дорогим виски и побагровел. С грохотом отодвинув столик, он вскочил на ноги и срывающимся от бешенства голосом закричал, перекрывая музыку:

– Стащите в зал эту стерву!!!

Шестерки-телохранители бросились исполнять приказание босса. Пара вышибал сунулись было к ним, но ребята Торпеды расшвыряли их, как кегли в боулинге. Прекратив выступ-

ление, рыжая спокойно стояла на сцене в одних трусиках и с любопытством наблюдала за приближающимися громилами.

– Привет, Мик! – жизнерадостно донеслось от дверей. – Гуляешь не по-детски, как я погляжу?

Торпеда обернулся с перекошенной от злобы физиономией. В дверях, приветливо улыбаясь, стоял Оби Фридман по кличке Ребро, и по обе стороны от него скалились боевики Аллигатора Ларри.

– Собак останови своих, – негромко распорядился Ребро.

– Стоять, парни, – нехотя отдал приказ Торпеда, и его телохранители замерли на месте, завертели настороженно головами. – Привет, Оби.

Мик, конечно, был отмороженный сукин сын, однако послушаться Фридмана не посмел. Ребро был авторитетом, к тому же одним из доверенных людей Аллигатора. А ссориться с Аллигатором – такое Торпеде не могло присниться даже в самом крутом кошмаре.

– Я не прав, Мик? – поинтересовался Ребро.

– Прав, Оби, – проворчал Торпеда. – Вот только...

– Старшие давно договорились не рушить друг другу бизнес, – ласково прервал его Фридман. – Не убивай на своей территории, не сдавай своих полиции, не крысятничай, не рушь брату честный бизнес – западло есть. Э?

– У меня нет вопросов к Рэку, – мрачно заявил Мик. – Без базара. Ноль терок. У меня вопросы вот к этой сучке! – Он ткнул пальцем в Джулию. – Взять ее, пацаны!

Шестерки Торпеды снова двинулись к сцене.

– Останови псов, Мик! – резко приказал Ребро – словно щелкнул хлыстом. – Ты рушишь бизнес многоуважаемому Рэку и пугаешь его гостей. Когда программа закончится, задашь девчонке свои вопросы.

– Черта с два! – выкрикнул Торпеда. – Стащите эту суку со сцены!

– Мальчики, – сухо произнес Оби.

Боевики Аллигатора бросились вслед за шестерками Торпеды. Те попытались сопротивляться, но силы явно были неравны: все трое разлетелись в разные стороны, снеся по дороге пару столов, из-за которых с негодующими воплями повскакивали посетители и сопровождавшие их дамы.

– Все в порядке, господа! – властно произнес Ребро, поднимая обе руки в успокаивающем жесте. – Администрация бара приносит вам свои глубочайшие извинения. Сейчас вас пересадят за другие столики, а весь предыдущий заказ – за счет заведения! – Он перевел тяжелый взгляд на Торпеду. – Мик, не сердь меня. Только ради твоего покойного батюшки я не стану докладывать Аллигатору Ларри о твоём плохом поведении.

– Пошел к черту, Оби! – в бессильной злобе рявкнул Мик. – Старайся не попадаться мне без своих мальчиков!..

Зал затих. Похоже, Торпеде из-за этой сучки напрочь снесло башку, ибо сказать Оби Фридману *такое*...

– Послушай, мелкий поц, – ощерился Ребро, – я таких щенят, как ты, в свое время штабелями закапывал в карьерах за городом. Смотри внимательнее, на кого пальцы растопыриваешь, а не то однажды можешь неожиданно огорчиться до полной невозможности!

Эта отповедь слегка вправила Торпеде мозги.

– Извини, Оби, – глухо проговорил Торпеда, отводя взгляд.

– Ну вот и отлично! – Расплывшись в широкой улыбке, словно ничего не случилось, Оби Фридман снова превратился в добродушного дядюшку. – И постарайся больше не хулиганить, парень. Если ты еще раз попытаешься нарушить бизнес мистера Ормонта, тебе придется беседовать уже не со мной, а лично с Аллигатором Ларри. И уверяю тебя, эта беседа тебе совсем не понравится. А теперь быстренько оплати Рэку причиненный ущерб и пошел вон.

– Хорошо, Оби, – проговорил Мик. – Как скажешь, Оби. Слушаюсь, Оби. – Он был на грани истерики.

– Ступай, ступай, – поощрил Ребро, наблюдая исподлобья, как помятые шестерки Торпеды пробираются к выходу.

В ту ночь даже молодой мальчик из мужского стриптиза не мог отвлечь Рэка от мрачных мыслей. Он выгнал парня из постели и остаток ночи ворочался без сна, обуреваемый нехорошими предчувствиями.

Глава 9

Заведение Рэка Ормонта процветало. Джулия теперь танцевала пять дней в неделю, однако мест всем желающим все равно не хватало – столики приходилось заказывать за двое суток. Еще два повышения цен на пойло и немудреную закуску посетители проглотили без звука. Да и ассортимент пойла пришлось менять в сторону более дорогого, поскольку изменился и контингент клиентов. Пылившаяся два года в баре бутылка сказочно дорогого «Коньякозо», к которой по чуть-чуть прикладывался только сам Ормонт, да и то лишь по великим праздникам, разошлась за три дня, а «Шато-Ришелье» урожая сорок восьмого года и контрабандной «Боярской» вообще уходило до десятка бутылок за вечер, не говоря уже о дорогом местном виски двойной очистки, которое просто лилось рекой. Стоянка у бара, раньше заполнявшаяся едва на треть, теперь к началу программы оказывалась забита шикарными глидерами, потеснившими старенькие и побитые «Лемеры» и «Вортексы»; более того, такие же глидеры оккупировали все ближайшие переулки, и рядом со многими из них упрямо переминались с ноги на ногу дюжие типы в оттопыривавшихся под мышкой костюмах.

Ормонт уже начал подумывать над тем, чтобы сделать приличный косметический ремонт клуба, дабы внешний вид заведения соответствовал его новому статусу, и выкупить соседнее помещение, в котором располагался оружейный магазин: если сломать стену, отделяющую его от соседа, получится восхитительный большой зал, в котором можно будет оборудовать несколько стриптизных подиумов и барных стоек. Хозяин оружейного магазина, правда, запросил слишком большую сумму за свои обшарпанные стены и потолок, но Ормонт чувствовал, что еще пара месяцев такого коммерческого роста – и он без разговоров выплатит соседу требуемое.

Вместе с тем Рэк отлично понимал, что весь его успех, все его неожиданное благосостояние зиждется лишь на одном факторе. Когда к нему явился хозяин «Пяти президентов» и предложил за Джулию умопомрачительную сумму, Ормонт только расхохотался в ответ. Честно говоря, месяц назад он всерьез задумался бы над тем, чтобы за такие деньги продать весь свой бизнес вместе с помещением и девчонками. Нет, теперь тоже следовало бы подумать как следует, но во-первых, Рэк, в отличие от хозяина «Пяти президентов», имел на руках статистику и мог четко проследить коммерческую динамику своего заведения после появления в нем Джулии – кривая доходов неизменно ползла вверх и пока еще не достигла пика. А во-вторых, слишком велико было искушение хоть раз в жизни унизить этого надутого гуся, который раньше разговаривал с Рэком исключительно сквозь зубы и глядя поверх головы.

Исходя из всего вышесказанного, владелец «Улитки на склоне» не мог не забеспокоиться, когда Джулия заявила, что больше не собирается безвылазно жить в его заведении.

– Послушай, детка, – внушительно сказал Ормонт, сложив руки на животе, – ты поступаешь чертовски неосмотрительно. Не надо недооценивать Мика Торпеду. Если ты думаешь, что он оставил мысль расплосовать твое милое личико бритвой, то ты глупее, чем я думал. Да и мои конкуренты были бы не против переломать тебе ноги, чтобы ты не переманивала их завсегдаев. А многие солидные посетители охотно выкрадут тебя, чтобы украсить свои гаремы.

– Брось, Рэк, – фыркнула рыжая стерва.

Хозяин заведения едва заметно поморщился: только ей позволялось называть его так фамильярно. Остальные девочки обращались к нему не иначе как «мистер Ормонт, сэр».

– Я не твоя собственность и буду вести себя, как мне угодно. Мы ведь вроде договаривались, что свои проблемы я решаю сама? Вот если у меня в результате возникнут проблемы, я сама и стану из них выпутываться. Тебе что, мало денег, которые ты с меня получаешь?

Рэку было мало, это во-первых. Денег, как известно, много не бывает. А во-вторых, он прекрасно понимал, что случится с его бизнесом, если выдернуть из него Джулию, не важно по

какой причине. Как минимум обороты упадут до уровня месячной давности. Как минимум. А он уже сделал солидные вложения под будущие доходы, повесив на себя довольно приличные долги. И ему теперь было необходимо, чтобы Джулия оставалась в живых и в форме еще хотя бы месяц. Крайне необходимо.

– Девочка моя, – терпеливо проговорил Ормонт, – мы ведь подружки. Подумай и о моих чувствах, милая. Да, ты приносишь мне неплохую прибыль. Но мне чисто по-человечески не все равно, что с тобой случится. Подумай, как я буду себя чувствовать, если ты пострадаешь? Пойми, наконец, Мик Торпеда – очень злопамятный и опасный человек. Если он всего лишь порежет тебе лицо, считай, что ты дешево отделалась.

– Пфф! – сказала Джулия, и на этом разговор закончился.

Рэку так и не удалось переубедить взбалмошную красотку. Смешно, но у него не было никаких реальных рычагов давления на нее – напротив, это она могла шантажировать его и манипулировать им, как ей вздумается. Давить же на нее чисто психологически было совершенно бесполезно: Рэк имел несколько случаев убедиться, что любые понты, любая пустая бравада, не подкрепленная какими-либо финансовыми доводами, вдребезги разбиваются о ее ехидную улыбку. Хотелось бы Рэку знать, где она купила себе железные нервы. Поэтому он даже не пытался запугать ее или просто заявить, что она никуда не пойдет, и точка. После того как она в ответ ядовито усмехнется и пошлет его в задницу, его авторитет в ее глазах упадет еще на несколько пунктов, а авторитет этот ему еще очень понадобится. Ибо глупо надеяться, что с предложениями, подобными тем, что сделал ему этот жирный гусь из «Пяти президентов», никто в конце концов не подкатится к самой Джулии. А закрепить ее верность одними деньгами у Ормонта не получится, ибо всегда найдется тот, кто предложит больше.

Так что он скрепя сердце согласился, чтобы Джулия сняла себе жилье в городе и каждый день покидала его бар по окончании программы. Однако он не мог позволить, чтобы какой-нибудь Мик Торпеда зарезал его курицу, несущую золотые яйца, и за собственный счет нанял Джулии личного охранника.

Как оказалось, побеспокоился он не зря. Через несколько дней на его птичку напали какие-то уличные хулиганы, и только благодаря самоотверженности охранника, попавшего в больницу с тремя переломами, птичке удалось ускользнуть. Рэк ни секунды не сомневался, что это дело рук людей Мика – не бывает таких поразительных совпадений. Он немедленно нанял Джулии другого охранника, сделав стриптизерше строгое отеческое внушение, чтобы она была поосторожнее. То ли его внушение возымело действие, то ли все-таки у этой безбашенной стервы остались еще какие-то остатки мозгов в головке, однако Джулия действительно начала вести себя осмотрительнее, и шестерки Торпеды несколько дней не могли выйти на ее след. Тогда они подстерегли и жестоко избили ее охранника, который на пять минут выскочил из бара Рэка через дорогу за сигаретами – отовариваться в «Улитке на склоне» было ему уже не по карману. Мик Торпеда пытался хоть таким образом косвенно причинить вред сучке, выставившей его на всеобщее посмешище. Чертыхаясь, Рэк нанял еще одного охранника – и того искалечили тоже, когда он после очередного дежурства возвращался в свое агентство.

Ормонт просто разрывался от беспокойства. Популярность его заведения росла как на дрожжах. Причем многие крутые уже целенаправленно приезжали поглазеть на киску, которую неделю водящую за нос Торпеду. Людям свойственно наслаждаться унижением ближнего своего, а Джулия унизила Торпеду просто мастерски... Сказать по правде, Ормонту это в некотором роде было даже на руку, поскольку теперь Джулия могла почти безопасно следовать своей идиотской прихоти. Ибо пока так или иначе не разрешилась эта история с Торпедой, никто не хотел попасться на тот же крючок, что и он. Но сам Мик, и это было совершенно ясно, не мог спустить сучке подобного унижения, иначе от его авторитета, который и сейчас уже представлял собой жалкие ошметки, не осталось бы и следа. Однако Ормонт не собирался допускать, чтобы это произошло слишком быстро. Надо было постараться продержаться еще

хотя бы пару-тройку недель. Ибо именно сейчас его стрип-бар приобретал главное, что могло бы послужить его будущему процветанию. После того как Торпеда доберется-таки до сучки, «Улитка на склоне» приобретет *легенду*...

Но когда Рэк, отодвинув в сторону все свои дела, лично отправился искать Джулии четвертого охранника (он был согласен даже на двух или трех), выяснилось, что больше никто не берется защищать эту бомбу с часовым механизмом. Рэк последовательно посетил четыре охранных агентства – и во всех под разными предложениями получил вежливый отказ. На самом деле их хозяева просто не хотели связываться с человеком, которому объявили вендетту. Тем более что Мик Торпеда уже совсем съехал с катушек: до Ормонта через верных людей дошло, что этот кретин, вдребезги напившись в одном из салунов, клялся своим знакомым, что, когда ему доставят голову наглой сучки, он заспиртует ее и поставит в стеклянной банке у себя в спальне. Безусловно, это был пьяный треп, но, даже поделив его на десять, Рэк, хорошо знавший Мика, очень серьезно встревожился.

Ормонт уже почти смирился с тем, что легенды не будет, но тут ему подкинули адресок одного охрannого агентства с крутой репутацией. Зачем это было сделано, Рэк не знал, но, судя по тому, что на Джулию уже начали принимать ставки в подпольных тотализаторах, это сделал кто-то, кто поставил крупную сумму на то, что сучка продержится еще пару дней. Как бы там ни было, это был шанс. Так что спустя пару часов Ормонт уже вылезал из такси перед довольно невзрачным строением, в котором, судя по адресу, располагалось охрannое агентство Джека Киприади. Согласно полученным Рэком сведениям, его владелец – Джек Киприади, бывший боец Легиона, – считался человеком отважным и брался за самые сложные случаи.

Разговор с владельцем агентства оказался быстрым и деловым. Внимательно выслушав Рэка, он немного подумал, а потом вызвал одного из своих людей – массивного, широкоплечего, мордатого – и представил его как Кенни Бампера.

– Вот, сэр, – произнес Киприади. – Это моя гордость. Если он не сможет уберечь вашу приму, значит, никто не сможет. Этот парень один стоит троих.

Услуги этого парня тоже стоили немногим меньше, чем услуги троих обычных охранников. Однако, судя по всему, у Ормонта не было выбора. Ибо Джек соглашался на найм двух или трех охранников, только если в их число войдет его непревзойденный Бампер, а такого количества свободных денег у Рэка не было.

Невзирая на инстинктивную неприязнь, которую Ормонт испытывал к новому охраннику из-за его стоимости, вскоре хозяин «Улитки на склоне» был вынужден признать, что Бампер свое дело действительно знает. Кенни быстро нашел с Джулией общий язык и повсюду тенью следовал за ней. А когда какие-то уроды в очередной раз собрались пощипать пташку, без особого труда раскидал четверых нападавших. На некоторое время у Ормонта отлегло от сердца.

Несколько дней прошло относительно спокойно. А потом пришла беда... причем совсем не с той стороны, с какой ожидал Ормонт.

Бездыханные тела Мика Торпеды и трех его телохранителей были обнаружены в объемистом мусорном баке на задах продовольственного магазина неподалеку. У двоих шестерок совершенно одинаковым ударом – слева и сверху, по-видимому, ребром ладони – были раздроблены шейные позвонки. Еще одному мощным и умелым тычком вбили в мозг носовые хрящи. С самим Миком поступили жестче – то ли он бешено сопротивлялся, то ли у нападавших оказались с ним весьма серьезные счеты. У него были сломаны обе руки и позвоночник, а прежде чем перерезать горло его же собственной опасной бритвой, ему крест-накрест полоснули ею по лицу. Трупы даже не прикрыли слоем мусора, просто сбросили в контейнер, так что наутро их обнаружил экипаж первой же мусоровозки.

В другой ситуации это событие, пожалуй, вызвало бы у Рэка Ормонта большое облегчение. Мало ли какие разборки имелись у Мика Торпеды по работе. Наркоторговля – такое занятие, которое мало способствует здоровью и долголетию: слишком велика конкуренция. На

нижних уровнях пирамиды смертность вообще катастрофичная. А поскольку авторитет Торпеды в последние недели сильно пошатнулся, кто-нибудь вполне мог решить избавиться от ослабевшего конкурента... Так что Рэк был бы даже рад, что проблема разрешилась именно таким образом, если бы не одно «но»: место, где были обнаружены трупы. Задний двор продуктового магазина через три квартала от «Улитки на склоне» – именно туда выводил тайный ход Рэка, которым последнее время пользовалась Джулия.

Когда неугомонная девка на следующий вечер явилась в бар, он немедленно вызвал ее к себе.

– Сладкая моя, – вкрадчиво сказал он, – ты что-нибудь слышала вчера о Мике Торпеде?

– Я об этом уроде уже неделю не слышу, – заявила Джулия. – И не очень расстроюсь, если ничего не услышу о нем и впредь.

– Его убили вчера ночью, – произнес Рэк, внимательно глядя в лицо стриптизерши. – Неподалеку от бара.

Та даже глазом не моргнула.

– Слава богу. И если ты думаешь, что мне следовало бы печалиться по этому мешку с дерьмом, то я так не думаю.

– А вы с Кенни вчера добрались до дому без приключений? – подозрительно поинтересовался Рэк.

– Ага. Зашли в ночной магазин, потом посидели немного на кухне, дернули по рюмочке. Анекдоты рассказывали похабные, – фыркнула она.

– Он что, прямо у тебя ночует? – не удержался Ормонт.

– Я же сказала, что сплю только с тем, с кем хочу, если ты об этом. – Джулия одарила его неземной улыбкой. – А Кенни не вполне в моем вкусе: великоват. Следующий вопрос, босс?

– Нет вопросов. – Рэк качнул головой. – Ступай, солнышко, переодевайся.

Джулия ускочила в раздевалку, а Ормонт откинулся в кресле и глубоко задумался.

Вечерняя программа уже началась, когда коммуникатор отвлек его от угрюмых размышлений.

– Босс! – придушенно пискнуло в наушнике. – Мистер Колхейн!..

Свет померк в глазах Ормонта, и сердце пропустило два удара. Если уж в его бар явился сам Скала Колхейн, чтобы *поинтересоваться*, не имеет ли Рэк *какое-нибудь* отношение к смерти одного из его подручных, дела и правда хуже некуда. Единственным правильным решением в данной ситуации было немедленно открыть сейф, забрать оттуда все, что можно унести с собой, и бежать через потайной ход за три квартала, после чего броситься в космопорт и ударить с планеты ближайшим рейсом, пока люди Колхейна не отрезали все пути к отступлению.

Однако несколько мгновений спустя мистер Колхейн попал в объектив одной из скрытых камер, и Рэк Ормонт наконец сумел выпустить из легких воздух, который судорожно набрал в грудь несколько секунд назад.

Это был не Сайрус Колхейн по прозвищу Скала – человек, наводивший ужас на весь криминальный и полицейский мир города, долговязый седой скелет в круглых очках, с виду – типичный заштатный клерк или библиотекарь. Однако стоило этому библиотекарю поднять на тебя тяжелый взгляд или размеренно, угрюмо, властно заговорить – и ты понимал, что жизнь твоя не стоит и цента, что ты полностью зависишь от этого серьезного человека и будешь делать все, как он скажет, иначе жить тебе придется очень плохо и крайне недолго. Рассказывали, что он лично убил полтора десятка человек, а сколько вообще трупов по его распоряжению было зарыто в заброшенных карьерах за городом, точно не знал никто. Кроме того, ходили слухи, что у него какие-то весьма крутые дела с очень большими шишками не только на Бушах – Старшем и Младшем, ближайших планетах Соединенных Миров, – но и на самом Нью-Вашингтоне. Ормонт виделся с ним всего дважды и оба раза сохранил об этих встречах самое

неприятное воспоминание, хотя и не был ни в чем виноват и не пытался противиться стальной воле мистера Сайруса Колхейна.

Так вот, в бар явился с визитом вовсе не этот страшный человек. Это был его сын Инт – молодой, но уже влиятельный мафиозный валет под крылышком у папаши, фактически его доверенный заместитель, выезжавший разруливать такие проблемы, заниматься которыми Колхейну-старшему было некогда или не по статусу. Такой расклад более устраивал Ормонта, хотя и ненамного: юный Колхейн имел крепкую деловую хватку, отец все чаще доверял ему ответственные поручения и вообще планировал лет через десять уйти на покой, оставив единственному наследнику все рычаги управления своей империей. Поэтому Инт из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать придиричвому папаше свое усердие, и дела старался вести в его стиле – максимально жестко и ухватисто. Однако Рэк все равно согласился бы иметь дело с кем угодно, хоть с Интом, хоть с самим дьяволом, нежели со Скалой Колхейном, потому что появление того почти наверняка означало бы приговор, а теперь получалось, что хозяин наркодилеров не придает этому случаю слишком уж большого значения, и оттого можно еще побарахтаться.

И еще Ормонт сразу отметил, что так деловые люди разборок не учиняют. Вместо того чтобы сразу пройти в офис Рэка, мистер Колхейн-младший направился в общий зал и вместе с телохранителями уселся за столик – естественно, заказанный и даже оплаченный заранее. Видимо, он явился сюда не столько решать возникшую проблему, сколько полюбоваться на легендарную стриптизершу.

Длинно и замысловато выругавшись, Рэк потащился в зал.

– А, мистер Ормонт, – солидно кивнул Колхейн, когда хозяин заведения выразил ему свое уважение. – Подсаживайтесь к нам, прошу вас.

Рэк повиновался.

– Мы тут с ребятами решили заглянуть, расслабиться после трудового дня, – тоном светской беседы поведал Колхейн, откидываясь на спинку стула. Подсознательно он явно копировал папу – крутого босса, который дружелюбно беседует с жертвой, прежде чем припечатать ее к стене. – Тесновато у вас тут, не находите?

– Справедливо, мистер Колхейн, – покорно кивнул Ормонт, терпеливо ожидая, когда собеседник перейдет к сути. – Я как раз планировал расширить предприятие.

Колхейн неторопливо, со вкусом раскурил дорогую сигару. Деликатно выпустил дым в сторону от хозяина заведения.

– Говорят, у вас появилась новая стриптизерша? – как бы между прочим поинтересовался он. – Ребята ее очень хвалят.

– Совершенно верно, мистер Колхейн, – смиренно согласился Ормонт. Неприятный разговор начался. – Скоро ее выступление, сможете убедиться сами.

– С удовольствием. – Колхейн сделал еще одну солидную затяжку, выдерживая паузу, Рэк почтительно молчал. – Выпьете со мной, мистер Ормонт? Эй, девочка! – Не дожидаясь ответа, он щелкнул пальцами в направлении официантки. – Еще один бокал принеси нам.

Рэк чуть слышно вздохнул. Он ненавидел виски, но отказываться от угощения младшего Колхейна было никак нельзя. По крайней мере, не сейчас.

– Ходят слухи, Мик Торпеда здорово запал на нее, – продолжал Инт, задумчиво выпуская в пространство над столом сигарный дым. – Бедняга Мик. Какая ужасная смерть.

– Да, не позавидуешь, – осторожно согласился Ормонт. – Впрочем, любая смерть ужасна...

Он тут же пожалел о том, что на мгновение потерял контроль над собой и позволил себе обывательски пофилософствовать. Колхейн немедленно прищурился и впился в него острым взглядом.

– Поверьте, мистер Ормонт, – вкрадчиво произнес он, – умереть можно по-разному. Можно погибнуть чисто, быстро и безболезненно, а можно неделю умирать подвешенным на мясницком крюке... Впрочем, об этом не за столом. – Он снова затянулся. – Говорят еще, что у Мика с вашей новой киской возникли некоторые недоразумения, – вернулся он к прежней теме.

– Да, к большому сожалению. – Голос Рэка чуть дрогнул, и Колхейн явно заметил это. – У нее очень тяжелый характер...

– А вчера Мик и его люди погибли, – подытожил молодой мафиозный босс, словно не слыша собеседника и продолжая рассуждать сам с собой. – Вот ведь незадача.

Рэк подавленно промолчал. Мик Торпеда был доверенным лицом Колхейнов и представлял их интересы в этом районе, поэтому папенька его гостя наверняка был весьма заинтересован узнать, кто и зачем убил одного из его людей. А главное, убийцу следовало быстро и жестоко покарать, чтобы у местной шушеры не возникло ложного ощущения, будто можно перейти дорогу Скале и при этом остаться безнаказанным.

– Вы уверены, что ничего не хотите мне рассказать, мистер Ормонт? – сочувственно поинтересовался Колхейн-младший.

– Мистер Колхейн! – Всплеснув пухлыми руками, Рэк прижал их к груди. – Поверьте, я уже думал об этом! Я уже тряс девчонку! Но нет, сами подумайте. Простой наемный охранник и хрупкая девочка-стриптизерша... Нет, нет! Там явно действовали очень хорошо подготовленные профессионалы. Посудите сами: сколько стоит нанять таких опытных людей? Мне, например, это вообще не по карману, – на всякий случай добавил он.

Инт Колхейн молча смотрел на него, задумчиво пуская из ноздрей сигарный дым. Ормонт попытался изобразить на лице самое искреннее подобострастие, но вышло, судя по всему, из рук вон плохо.

– То есть это все, что вы хотите мне поведать, мистер Ормонт, – подытожил гость, дав Рэку выговориться.

– Все, мистер Колхейн, – виновато кивнул хозяин стриптиз-бара. – То есть я имею в виду, что это все, что я знаю.

– Что ж... – Инт поскреб ногтем край бокала, и сердце Рэка Ормонта снова упало – гостю такого калибра подали грязную посуду?! Но нет, обошлось – это было просто машинальное движение. – Искренне надеюсь, что вы не имеете к этому никакого отношения и не покрываете преступника. Иначе мясницкий крюк может стать для вас жестокой реальностью... – Полюбовавшись изменившимся лицом хозяина бара, Колхейн радостно воскликнул: – О, а вот и виновница торжества, если я ничего не путаю!

На стриптизный подиум вышла Джулия. На сей раз она изображала амазонку. Кольчужный топик, коротенькая юбочка с бронзовыми пластинами и небольшой меч на боку делали ее еще более женственной, в то же время придавая ее красоте какой-то хищный, опасный оттенок.

– Хороша, – оценил выступление Инт после того, как все вышеперечисленные предметы оказались на полу, а танцовщица скрылась за бархатным занавесом. – Вот это я называю настоящим искусством, мистер Ормонт. Однако мне хотелось бы подробно побеседовать с...

– Мисс Джулией, – поспешно подсказал Рэк.

Инт поощрительно улыбнулся:

– Да, спасибо... с мисс Джулией по поводу произошедшего с Миком Торпедой инцидента.

– Да, разумеется, мистер Колхейн! – с готовностью откликнулся Рэк. – Пригласить ее сюда или, может быть, проводить вас в мой офис? Там будет гораздо спокойнее и не придется перекрикивать музыку.

– Нет-нет, мистер Ормонт, – отрицательно помахал пальцем в воздухе Колхейн-младший. – Беседа может затянуться, а я вовсе не хотел бы нарушать ваш бизнес. Бизнес – это свя-

тое. Пусть ваши гости наслаждаются искусством мисс Джулии. А мы договоримся так: когда представление закончится, я пришлю за ней машину, которая доставит ее к нам, а после беседы – домой. Хорошо?

«Упс, – подумал Рэк. – Мама дорогая, ну почему я не послушал тебя, когда ты пыталась приучить меня к оптовой торговле оливковым маслом?!»

– Конечно, сэр, – сдавленно проговорил он. – Я немедленно передам ей.

– Сделайте одолжение, – милостиво кивнул Инт Колхейн, поднимаясь из-за стола.

Ормонт бросился за кулисы, размышляя на ходу, что за отбитые яйца мистера Колхейна-младшего его заведение наверняка сожгут, а хозяина как минимум кастрируют. Это были слишком серьезные люди, не чета сявке Мику.

Отодвинув скучавшего у дверей раздевалки Кенни, Ормонт вошел внутрь. Джулия сидела перед большим зеркалом, соблаговоллив натянуть только трусики, состоявшие из двух перпендикулярных полосок материи: считать их бельем можно было лишь с большой натяжкой.

– Все, девочка, – проговорил Рэк, опускаясь на стул рядом с ней и тяжело отдуваясь, – шутки кончились.

– Подарить тебе несколько? – Стирая с губ переливающуюся всеми цветами радуги помаду, Джулия искоса посмотрела на него. – Бампер мне вчера рассказал пару свежих.

– Очень смешно, – огрызнулся Ормонт. – Короче, подруга, мы с тобой по уши в дерьме.

– По уши – это еще терпимо, – философски откликнулась рыжая стерва, не прекращая снимать макияж. – В такой ситуации главное, чтобы не заставили присесть.

– Если ты думаешь, что некому заставить, то я тебя неприятно удивлю! – рыкнул Ормонт. – Видела человека, с которым я сейчас беседовал за столиком?

– Такой противный прыщавый зануда? – спросила Джулия, откладывая перемазанную салфетку. – Чем он знаменит?

– Тем, что он сын мистера Колхейна. А мистер Колхейн, если ты не знаешь, знаменит тем, что в этом городе очень многие, даже люди куда круче нас с тобой, прежде чем просто пернуть, некоторое время размышляют: а не побеспокоит ли это каким-нибудь образом Скалу Колхейна?

Джулия сморщила носик.

– Ну и почему это должно меня волновать? Я не страдаю метеоризмом.

– А потому, что Колхейн-младший серьезно озабочен гибелью Мика Торпеды и проводит расследование убийства доверенного лица своего папаши! – взорвался Ормонт, однако, сделав пару глубоких вдохов, сумел сдержать эмоции и закончил почти деловым тоном: – Тебе придется поехать в их резиденцию, чтобы ответить на несколько неприятных вопросов.

– Да запросто, – хмыкнула стриптизерша, пожав плечами. – А почему я не могу ответить на эти вопросы у тебя в офисе?

– А ты не догадываешься, девочка моя? – страдальчески закатил глаза Рэк. – Потому что Колхейн-младший хочет уложить тебя в постель. Только не говори ни слова, я тебя умоляю! – закричал он, видя, что Джулия открыла рот. – Ничего не хочу слушать! Да, ты спишь только с тем, кого выбираешь сама, я уважаю твои принципы и всякое прочее дерьмо! Но послушай меня, красавица: сейчас мы с тобой реально ходим по лезвию. Это уже люди такого уровня, которым никак нельзя отказывать. Если ты отказываешь Колхейну – ты труп. Короче, у тебя только два варианта: либо ты немедленно исчезаешь из моего бара, желательно до окончания программы, и больше никогда здесь не появляешься, а я, исключительно во имя нашей дружбы, делаю перед мистером Колхейном круглые глаза, пожимаю плечами и в отчаянии заламываю руки, все сваливая на тебя. Либо ты едешь к нему в резиденцию и один раз делаешь то, что он захочет, после чего мы с тобой в полном шоколаде. Выбирай.

Он вынул из кармана платок и начал тщательно утирать вспотевший лоб. Черт, а ведь у этой дуры хватит ума выбрать первое. Однако она несколько мгновений размышляла, словно прикидывая какую-то многоходовую комбинацию, а потом улыбнулась:

– Похоже, подруга, бросать неплохую работу мне сейчас не с руки.

– Фух-х-х-х! – Ормонт даже не пытался скрывать свою радость. – Я знал, что ты умная девочка. – Он спрятал платок в карман. – После выступления за тобой пришлют машину. Только имей в виду: если ты испробуешь на гениталиях Колхейна-младшего свою боевую коленку, умирать тебе придется долго и мучительно. Причем не только тебе. Попытайся не делать глупостей, если тебе дорого наше будущее.

– Я редко делаю глупости, папочка, – отозвалась Джулия, извлекая из прозрачного футляра накладные ресницы. – И то только по пятницам. А теперь выйди за дверь, я ужасно стесняюсь. Кажется, я не одета.

Ослабившись, Рэк вышел в коридор. Что ж, мало того, что пикантное дело улажено, так еще можно надеяться, что, получив щедрые подарки от молодого Колхейна, который никогда не отличался скупостью, строптивая девчонка задумается над тем, что зарабатывает несоизмеримо меньше, чем могла бы, если бы не отказывала себе в маленьких удовольствиях.

Двигаясь через переполненный зал, Ормонт, пришедший в такое умиротворенное расположение духа, в каком не пребывал уже несколько недель, внезапно заметил за одним из столиков Глама Саггети. И едва заметно усмехнулся про себя. Сначала Инт, теперь этот... Похоже, сегодня вечер богатых детишек. Глам был младшим сыном главы клана Саггети, известный своим совершенно безбашенным поведением. Каждый вечер он кочевал из кабака в кабак, при этом не делая принципиальной разницы между подозрительными портовыми забегаловками и роскошными ночными клубами. Глам сорил деньгами, вел себя шумно, покупал без разбору шлюх, щедро угощал случайных знакомых, старался все время быть в центре внимания – словом, кутил по-взрослому. Многие шептались, что основная причина его разгульного поведения заключается в том, что Саггети-старший ни в грош его не ставит и не раз говорил приближенным, что не собирается оставлять бизнес на шенка. Глам очень переживал по этому поводу и всячески старался доказать себе и окружающим, что на самом деле он вполне крут, успешен и силен. Обычная история...

Ормонт попытался проскользнуть мимо, но Саггети уже углядел его издалека и радостно замахал руками, зазывая за свой столик.

– Привет, Рэк, старая перечница! – заорал он на весь зал. – Давно не виделись!

– Добрый вечер, мистер Саггети, – холодно отозвался Ормонт. Младшенький Саггети не заслуживал такого подобострастного отношения, как Инт Колхейн, – и сам он был пустышкой, и его клан не шел ни в какое сравнение с семьей Колхейнов. Однако он был солидным клиентом, и Аллигатор Ларри уважал его отца. Приходилось соблюдать минимальную вежливость в ответ на откровенное хамство.

– Давай рассказывай. – Саггети пьяно подмигнул. – Ребята говорят, у тебя появилась новая классная стриптизерша?

«Твою мать, – подумал Ормонт. – Вот же ублюдки. Кто этих уродов вечно за язык тянет?»

– Появилась, – сухо согласился он.

– Симпатичненькая? – деловито осведомился Глам. – Ребята говорят, она с норовом. Вот бы покататься на этой необъезженной кобылке!

Сидевшие за его столом телохранители и прихлебалы с готовностью заржали.

– Сегодня она занята, – отрезал Рэк. – Мистер Колхейн собирается побеседовать с ней по поводу Мика Торпеды.

– О, – тут же сник Саггети. – Проклятье.

– Значит, проиграл пари, брат, – со смешком заявил один из его собутыльников.

– Нет, не считается! – запротестовал Глам. – Это форс-мажор!

– Пари какое было? – заплетающимся языком спросил прихлебатель. – Что ты берешься сегодня же уложить девчонку в постель. Выходит, сегодня ты ее в постель не уложишь, а по какой причине – не важно. О форс-мажорах договора не было.

– Пошел к черту! – зарычал Саггети. – Захочу и уложу! Эй, Рэк, ну-ка, пойди к ней и скажи, чтобы немедленно шла в мою машину!

– Мистер Саггети, – терпеливо проговорил Ормонт, – Джулии еще выступать целый вечер. А после выступления ее ждет для беседы мистер Колхейн. И вообще она не продает свое тело и спит только с тем, с кем сама захочет. Прощу прощения. – Он встал.

– Ни хрена себе! – поразился Глам. – Рэк, что с тобой, дружище? Одна из твоих шлюх не продается?! Да ты спятил, приятель! Назови свою цену, плачу любые деньги!

– Сожалею, мистер Саггети. Если я вам больше не нужен, вынужден откланяться, у меня масса дел.

– Вы только гляньте на него! – гаркнул ему в спину Саггети-младший и пьяно захохотал.

Добравшись до своего офиса, Ормонт включил монитор. Судя по реву, который доносился из зала, на подиум как раз вышла Джулия. Посмотрев на блестящую работу рыжей сучки, Рэк занялся разборкой счетов. Настроение у него было вполне благодушное. Похоже, тяжелый период в его жизни закончился. И вышел он из него с неожиданной, но от того не менее приятной прибылью. Что ж, это было вполне заслуженное вознаграждение за те миллионы нервных клеток, которые он потерял в последнее время...

Когда он вновь бросил взгляд на монитор, Джулия уже вышла в зал. Поискав по залу, Ормонт едва не присвистнул от удивления. Его птичка обнаружилась за столом Глама Саггети. Весь стол был уставлен дорогим контрабандным шампанским, блюдами с устрицами, омарами и фуа-гра (еще две недели назад на кухне «Улитки на склоне» никто и не слышал таких названий). Сам Глам напоминал токующего гобопавиана с Зулубы IV – горящий взгляд, надутые щеки и распушенный хвост. Судя по улыбке, Джулия вполне благосклонно принимала его знаки внимания, однако Ормонт не беспокоился на ее счет: она всегда вела себя с посетителями предельно профессионально, но никто еще не мог похвастаться тем, что после такого флирта сумел добиться тела рыжей стервы. Скорее его беспокоил Саггети-младший, который, получив отказ, запросто мог закатить безобразный скандал. Впрочем, после сегодняшнего посещения Инта Колхейна и, главное, озвученных им планов на вечер Рэк считал, что получил карт-бланш на некие превентивные действия. Уж тем более в отношении младшего Саггети...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.